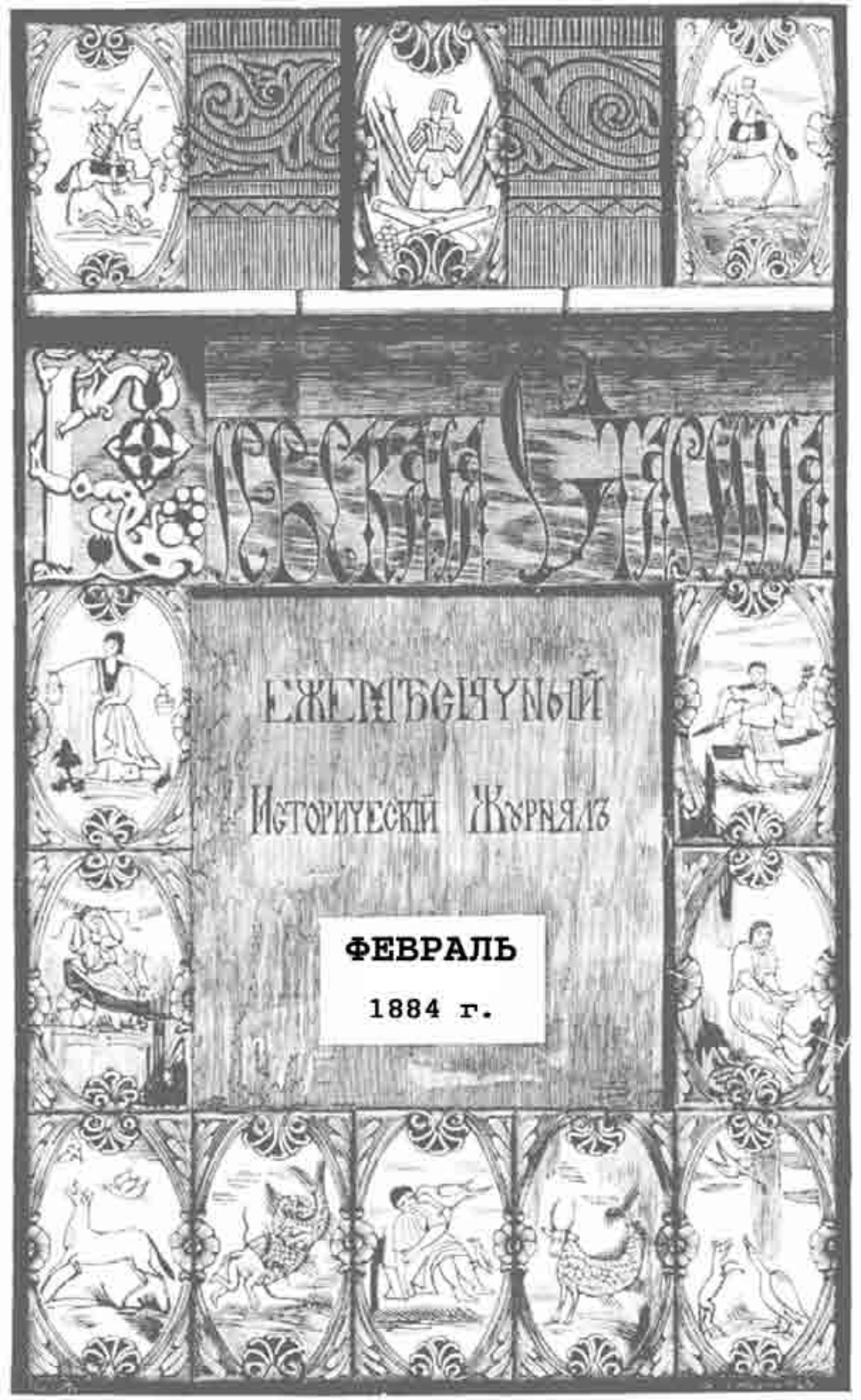
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ФЕВРАЛЬ
1884 г.

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1884 г.

СТР.

I. ІОАННИКІЙ ГАЛЯТОВСКІЙ. (Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка). (*Продолженіе*). **Н. Ѳ. Сумцова** 183

II. СТОРОЖЕНКИ. (Фамильная лѣтопись). **Н. В. С—ко.** 205

III. ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ. **Ф. Шербины** 223

IV. ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая). 1821—1846 г. . 247

V. ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВ. АКАД., АРХИМ. МЕЛЕТІЮ. Сообщ. свящ. **І. Левандовскій**. . . . 297

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) 1) Старозаимочная земля. Судебныя по искамъ объ нихъ рѣшенія. Изданіе Николая Чижевскаго. Харьковъ. 1883 г.—б) 2) Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. Харьковъ. 1883 года).—*Дм. Багалѣя.*—в) Харьковскій календарь на 1884 года. Харьковъ. 1883 года.—*Б. Г.*—г) Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.—*К. Ц.* 305

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ прожитыхъ на Волыни дней.—*Н. Костомарова.*—б) Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія.—*Н. С.*—в) Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія.—*В. Ястребова.*—г) Роковое чтеніе псалтири. (Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ «студеевъ»).—*Кс. Цыбульскаго.*—д) П. П. Чубинскій. (Некрологъ).—*А. Ѳ. Кистяковскаго.*—е) «Труды этнографическо-статистической экспедиціи» Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными.—*В. Г.*—ж) Не узнанная рукопись. (По поводу статьи: В. Л. Кочубей въ дек. кн. «Русской Старины» 1883 г.)—Графа *Милорадовича.*—з) Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи.—*Д. Т.* 325

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ VIII.

ФЕВРАЛЬ.

1884 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го января 1883 года.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

Изд. 1883 и 1884 гг.

Въ книжкахъ „**Кіевской Старины**“ за 1882 годъ помѣщены, между прочими, слѣдующіи статьи: *Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.*, проф. Вл. Б. Антоновича, *Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст.*, его-же, *Уманскій сотникъ Иванъ Гонта*, его-же, *Малорусскій „Вертепъ“*, *Гр. П. Галагана*, *Поѣздка въ Бѣлую Церковь*, Н. И. Костомарова, *Матеріалы для исторіи Колівщины* и *По поводу пѣсни XI в.*, его-же, *Южно-русскіе архіереи XVI—XVII в.*, О. Левицкаго. *Соцініанство въ Польшѣ и юго-западной Руси*, его-же, *Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ*, Е. М. Крыжановскаго, *Архіерейскія печати*, К. Березы, *Люди старой Малороссіи*, (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе и Свѣчки), М. А. Лазаревскаго, *Филиппъ Орликъ и Запорожцы*, А. А. Скальковскаго, *Ссыльные малороссіяне въ архан. губ.* (1708—1802 г.), П. С. Ефименка, *Князья Ружинскіе*, И. П. Новицкаго, *Т. Г. Шевченко*, Н. М. Бѣлозерскаго, *Т. Г. Шевченко*, пр. П. Л—ва, *Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова и его рѣчь къ дворянству юго-зап. края*, *Разговоръ Великороссіи съ Малороссіею*, съ изслѣд. проф. Н. И. Петрова, *Украинская деревня* (историко-бытовые очерки) N, *Главнѣйшіе моменты землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ*, А. Я. Шиманова, *Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ*, П. И. Житецкаго, *Матеріалы для исторіи кіев. академіи*, съ предисловіемъ Л. С. Маѣевича, *Дневникъ Освѣщима* (о войнахъ Хмельницкаго), съ предисловіемъ В. Б. Антоновича, *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украйнѣ 1768 г.*, съ объяснит. статьею, *Альбомъ М. А. Максимовича*, С. И. Пономарева и проч.

Къ вышедшимъ книжкамъ даны слѣд. приложенія: *Картина гетманскаго достоинства съ изображеніемъ Хмельницкаго* (фотограф. снимокъ съ оригинала XVII в.), *Кіевская академія и ея сту-*

денты (фототипный снимокъ съ гравюры конца XVII ст.), *Портретъ митр. кіев. Петра Могилы, Портретъ сотника Саввы Туптала, Ноты къ вертепной драмѣ, Рисунокъ вертепнаго ящика и Портретъ сотника И. Гонты.*

Въ 1883 году въ „**Кіевской Старинѣ**“ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе* (хроника нач. XVIII ст.), Н. И. Костомарова. *Печерскіе антики*, Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь*, Ѳ. Кондратовича, *Анна-Алоиза кн. Острожская*, О. И. Левицкаго, *Анонимныя Записки о волынской революціи нач. XIX в., Записки барскаго конфедерата Карла Хоецкаго, Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому*, Его же 8-мъ писемъ къ разнымъ лицамъ, *Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому, Письма С. Т. Аксакова, Гр. Квитки и др. къ М. А. Максимовичу, Допросъ Гр. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, Двѣ интермедіи 1619 года, Прошеніе гетм. К. Разумовскаго и малоросс. шляхетства о возстановленіи привилегій Малороссіи, Судъ надъ вѣдьмами*, П. С. Ефименка, *Неизвѣстный доселѣ гетманъ*, Вл. Б. Антоновича, *Судьба одного галицко-русскаго ученаго, Я. Г., Изъ архива Забѣлы и Галагановскій архивъ*, съ пред. А. М. Лазаревскаго, *Румянцевская Опись*, Д. И. Багалѣя, *Займанщина въ Украйнѣ XVII и XVIII ст.*, его-же, *Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ XVIII ст.*, С. Ц., *Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни*, Ц. Г. Неймана, *Смѣна народностей въ Россіи*, Ир. Житецкаго, *Украинскія женщины XVI и XVII ст.*, Д-ра А. І., *Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи 1768 г., съ объяснительною статьею*, и проч.

Сверхъ того. въ числѣ приложеній даны: портреты кн. Константина Острожскаго и его жены Софіи, жены Гонты и живущаго доселѣ запорожца А. Коломыйца.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1863 гг. могутъ быть пріобрѣтены по 8 р. 50 к. на мѣстѣ и по 10 р. съ пересылкою.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й*. Тамъ-же и контора редакціи.

Іоанникій Галятовскій.

(Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка).

(продолженіе) [1]).

Іоаннъ Вишенскій въ посланіи своемъ къ князю Константину Константиновичу Острожскому и ко всѣмъ православнымъ совѣтуетъ духовенству, по окончаніи литургіи, то, что читалось во время литургіи изъ Апостола и Евангелія на церковно-славянскомъ языкѣ, объяснять народу простымъ, русскимъ языкомъ. Трудно сказать, насколько обычны были въ Малороссіи въ началѣ XVII ст. подобнаго рода толкованія смысла и значенія отдѣльныхъ мѣстъ евангелія. Врядъ-ли эти толкованія были часты и повсемѣстны. Высшее духовенство жило слишкомъ роскошно и эгоистично, слишкомъ аристократично, чтобы заботиться о нравственномъ преуспѣяніи простаго народа. Низшее духовенство было слишкомъ невѣжественно, чтобы пускаться въ толкованія и объясненія евангелія. Князь Константинъ Острожскій въ посланіи къ Ипатію Потѣю 1593 г. жаловался на „грубьянство“ пресвитеровъ. „А не отъ чего иншого размножилось межи людьми такое лѣнивство, оспалство и отступленіе отъ вѣры, писалъ онъ, яко набольшей отъ того, иж устали учители, устали проповѣдачи слова Божого, устали казанья... Для цвиченья духовнымъ пильно потреба, же быхмо имѣли ученые пресвитеры, казнодѣи добрые; бо за тымъ, иж наукъ нѣтъ, великое грубьянство въ нашихъ духовныхъ умножилось“ [2]).

---

[1]) См. «Кіевская Старина», 1884 г., янв. кн., стр. 1—21.

[2]) Акты Запад. Россіи. IV. 65.

Въ началѣ XVII ст. въ Малороссіи начало быстро развиваться проповѣдничество, въ силу необходимости ученой и литературной борьбы съ латино-уніатами. Южно-русская проповѣдь развивалась подъ прямымъ вліяніемъ западно-европейской и польской латинской проповѣди, на что имѣется весьма цѣнное указаніе въ „Экзетезисѣ“ (1629 г.) Мелетія Смотрицкаго. „Цѣлуй Бессія, говоритъ онъ, обращаясь къ православному проповѣднику, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры. Хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли-бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все таки, по вашему, эти наставники еретики, вы-же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей,—вы православные! У васъ все хвастовство, а не дѣло; въ цѣлой русской землѣ, такой обширной, не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи... Школы—это житницы церкви; онѣ обогащаютъ города, мѣстечки и селенія мудрыми людьми, знающими дьяками, ловкими духовниками, учеными проповѣдниками. Безъ школъ церковь, какъ будто безъ души; а этого добра по всей вашей странѣ Господь Богъ не соизволяетъ... Говорите: о, проклятая, проклятая унія! А давно-ли говорили: о, проклятая проповѣдь! о, проклятое искусное пѣніе! Однако потомъ, когда все это переняли, то считаете добромъ“...

Въ XVII ст. польская проповѣдническая литература была обширна. Мацѣевскій насчитываетъ 122 проповѣдника, изъ которыхъ только двое было талантливыхъ и оригинальныхъ по языку и содержанію проповѣдей, Скарга и Бирковскій. Отличительными чертами польской проповѣди XVII ст. были: многословіе, пустословіе, заимствованія изъ древнихъ классическихъ писателей: Овидія, Виргилія, Плинія и другихъ, приведеніе именъ языческихъ боговъ и героевъ, крайне натянутыя сравненія и сближенія, напримѣръ сравненіе Бога съ крылатымъ пѣтухомъ, вставка свѣдѣній по астрологіи, геральдикѣ, ботаникѣ, архитектурѣ, неумѣстные каламбуры и шутки [1]).

---

[1]) Maciejowski, Pism. polkie, II. 550, 554—556.

Внѣшняя форма проповѣди, ея составъ, типъ проповѣдника въ Малороссіи выработались въ десятыхъ годахъ XVII ст. На проповѣдяхъ Леонтія Карповича († 1620) и Захаріи Копыстенскаго († 1627) уже лежитъ печать польскихъ схоластическихъ проповѣдей. Галятовскій въ половинѣ XVII ст. окончательно установилъ и укрѣпилъ схоластическую проповѣдь въ Малороссіи своимъ „Ключемъ Разумѣнія“. Приложенная къ „Ключу“ „Наука албо способъ зложеня казаня“ представляетъ первый въ Россіи учебникъ гомилетики, по которому въ теченіи многихъ десятилѣтій духовныя лица учились искусству слагать проповѣди.

„Ключъ разумѣнія“ имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ“ сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквахъ [1]). Въ „Ключѣ“ 1659 и 1660 г. (кіевск. изд.) находятся: а) предмова до священниковъ, законныхъ и свѣтскихъ (монашествующихъ и бѣлыхъ), б) „казаня“ на разные праздничные дни, в) „казаня приданыи“—14 поученій, г) „наука албо способъ сложеня казаня“ и д) „чуда пречистыя Богородицы нѣкоторыи зъ разныхъ авторовъ зобраныи“. Во львовскомъ изданіи 1665 г. въ началѣ книги прибавлена посвятительная предмова львовскому епископу Арсенію Желиборскому.

Почти всѣ сочиненія Галятовскаго посвящены сильнымъ міра: „Мессія“ царю Алексѣю Михайловичу, „Боги поганскіе“ царевнѣ Софьѣ, „Лебедь“ и „Алфавитъ“ гетману Самойловичу, „Софія“ кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому, „Старый костелъ“ архіепископу Лазарю Барановичу, „Ключъ“ епископу Желиборскому. Обыкновеніе посвящать книги знатнымъ лицамъ и расхваливать ихъ гербы было весьма распространено въ Польшѣ; оно удовлетворяло господствовавшей среди поляковъ наклонности хвастать старожитностью и благородствомъ происхожденія. Развитію гербоваго панегиризма весьма содѣйствовали іезуиты, хорошо понимавшіе, что въ сердцѣ человѣческомъ для лести всегда найдется уголокъ. Они цѣлыя полтораста лѣтъ „наполняли Польшу дымомъ отъ сожигаемаго передъ панами и ихъ клейнодами ѳиміама“. Стихотворное

[1]) Филаретъ, Историко-стат. опис. харьк. епархіи. II, 312; III, 248; IV, 231.

прославленіе гербовъ въ Польшѣ было частичнымъ проявленіемъ всеобщаго виршеплетства. Въ Польшѣ въ XVII ст. всѣ, отъ короля до мѣщанина, писали стихи [1]). Крупная литовско-русская аристократія получила клейноды въ XV ст.; мелкое дворянство въ 1569 г., по люблинской уніи [2]). Православные писатели шли по слѣдамъ іезуитовъ. Они усердно хвалили пановъ, но только пановъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія. Панегирическое виршеплетство тѣмъ легче привилось къ кіевскимъ ученымъ, что они надлежащую къ нему подготовку получали въ поэтическомъ и риторическомъ классахъ коллегіи. Панегирическое виршеплетство доставляло православнымъ писателямъ извѣстныя практическія выгоды: покровительство со стороны сильныхъ пановъ, денежныя награды, маетности.

Петръ Могила старательно поддерживалъ гербовый панегиризмъ. Такъ, въ Евангеліи, изданномъ въ 1636 г. и посвященномъ Ѳедору Проскурѣ-Сущанскому, Петръ Могила увѣрялъ, что гербъ данъ Сущанскому при князѣ Святославѣ Ярославичѣ въ 1059 г. Прозваніе Проскура Петръ Могила объяснялъ тѣмъ, что нѣкогда Сущанскій съѣлъ просфору, которую ему велѣла отнести въ дворецъ изъ церкви греческая царевна Анна, вышедшая замужъ за Владиміра I. Въ „Мовѣ духовной“ Петра Могилы находится изображеніе герба Радзивилловъ и стихи въ честь этого герба [3]). Самъ себя Петръ Могила производилъ отъ Муція Сцеволы. Воспитанники коллегіи усердно прославляли сложный гербъ Могилъ, напр., въ „Мнемозинѣ“ 1633 г. Со времени Петра Могилы въ южно-русской литературѣ твердо установилось прославленіе панскихъ гербовъ, даже въ чисто церковныхъ книгахъ. Такъ въ Апостолѣ 1654 г. и въ „Тріоди постной“ 1664 г. находятся вирши на гербъ Желиборскихъ [4]). Типичнымъ виршеплетомъ-панегиристомъ во второй половинѣ XVII в. былъ Лазарь Барановичъ. Всѣ свои сочиненія онъ посвятилъ московскимъ царямъ и царевичамъ, съ обширнымъ вос-

[1]) Kubala, Szkice historyczne. Lwow. 1880. II. 310.

[2]) Голубевъ, Опис. и истолк. двор. гербовъ. (Тр. кіев. д. ак. 1872 г.).

[3]) Пекарскій, Кіевск. ученые (Отеч. Зап. 1862. II. 580, 592).

[4]) Радосскій, Къ истор. слов.-рус. библіографіи. (Христ. Чтеніе 1881 г., іюль—августъ).

хваленіемъ царскаго герба. Въ 1671 г. онъ издалъ курьезную „Лютню Аполлинову“, объемистую книжку (въ 542 стран.), состоящую исключительно изъ виршей. Тутъ есть вирши во славу Іисуса Христа, Богоматери, ангеловъ, святыхъ, отцовъ церкви, добродѣтелей, солнца, мѣсяца, звѣздъ, молитвы, вирши о звѣряхъ, плодахъ древесныхъ, порокахъ, болѣзняхъ, славѣ, наукѣ, трудѣ и т. д. Всѣ эти вирши—сплошное пустословіе, что видно уже изъ однихъ заглавій, напримѣръ:

Nad wszystkie wodki
Jezus jest słodki (стр. 55).

—

Bespieczna ta noga,
Gdy biega do Boga (стр. 113).

—

Dobra ta noga
Co szuka Boga (стр. 118).

—

Idy noga do Boga (стр. 135)[1]).

Галятовскій относительно гербоваго панегиризма шелъ въ рядъ съ современными ему писателями. Нужно отмѣтить ту особенность Галятовскаго, что онъ почти совсѣмъ не писалъ виршей.

„Наука о сложеніи казаній“ изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. „Науку“ Галятовскаго можно изложить въ короткихъ словахъ, по причинѣ ея достаточной извѣстности. Тема для казанья берется изъ святаго писанія. Въ казаньѣ должно быть три части 1), экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаймуетъ людямъ пропозицію свою, постановленє умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити“, 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казнодѣя объясняетъ то, что въ экзордіумѣ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюзія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ наррації тема

[1]) «Lutnia Apollinowa». Мы пользовались экземпл., находящимся въ библ. харьк. духов. семинаріи.

раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостыни, постѣ, или о какомъ-нибудь порокѣ, напр. пьянствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святого, котораго празднуютъ, въ объясненіи его дѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику „обѣщати якую новую речь показати, которои они не видѣли и не чували“, или прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святаго, напримѣръ имени св. Владиміра, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрались мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казанье нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ или уподобленіяхъ. Относительно фактическаго содержанія Галятовскій не стѣсняетъ проповѣдника. Содержаніе, по его словамъ, можетъ быть взято изъ св. писанія, твореній св. отцовъ, житій святыхъ, изъ сочиненій по исторіи и по естествовѣдѣнію, наконецъ, изъ „розмаитыхъ казнодѣевъ теперешняго вѣку“.

Въ добавленіе къ „Наукѣ о сложеніи казаній“ Галятовскій присоединилъ наставленіе, какъ сочинять погребальныя рѣчи: взять тему изъ святого писанія, въ экзордіумѣ сказать о неизвѣстности смерти, о краткости жизни человѣческой, въ нарраціи изложить о добродѣтеляхъ покойнаго, при благопріятномъ случаѣ указать на его родовитость и старожитность, объяснить его гербъ, объяснить иносказательно значеніе его имени или фамиліи (напр. Браницкій—боронилъ отчизну, Любомирскій—любилъ миръ и т. д.), принять во вниманіе лѣта, въ которыя скончался, мѣсто, гдѣ погребается, и, наконецъ, въ конклюзіи пригласить родственниковъ умершаго молитвами и милостыней содѣйствовать успокоенію его души.

„Конецъ чинячи тоеи моеи працы, говоритъ Галятовскій въ концѣ своей „Науки о сложеніи казаній“, даю тебѣ такую раду: читай книги и що хорошее вычитаешь, нотуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай,—кто? що чинилъ? на якимъ мѣсцѣ? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? которого часу? Если книги будешь читати и часто казаня повѣдати, до того если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и концепты зъ пихъ

чинити, латво въ недѣлю, и въ свято, и на погребѣ и на иншихъ оказіяхъ казане учинишь".

Галятовскій въ „Наукѣ" отмѣтилъ двѣ такія стороны проповѣдничества, которыя имѣли мѣсто ранѣе, а ко времени появленія въ свѣтъ „Ключа разумѣнія" считались уже устарѣвшими. „Можетъ часомъ, говоритъ Галятовскій, казане быти и безъ ѳемы". „Если схочешь, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можешь повѣдати казане любо въ недѣлю, любо въ свято, толкуючи евангеліе, которое читано было на службѣ Божіей",—и въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: „але того стилю казнодѣи теперешняго часу мало заживаютъ".

„Наука зложеня казаня" сопровождается 46 проповѣдями: 32 основными и 14 дополнительными. Проповѣди составляютъ практическое выраженіе правилъ, изложенныхъ въ „Наукѣ", и служатъ наглядными ихъ разъясненіемъ.

Натянутость и искусственность въ проповѣдяхъ Галятовскаго начинаются съ приступа, или экзордіума. На первыхъ-же порахъ Галятовскій старается поразить своихъ слушателей какой-нибудь неожиданностью. Поставленное въ началѣ казанья изреченіе изъ св. писанія подвергается самымъ произвольнымъ объясненіямъ. Слѣдуя примѣру схоластическихъ католическихъ проповѣдниковъ, Галятовскій постоянно отыскиваетъ въ св. писаніи что-нибудь замысловатое. „Всѣ эти болтуны, которыхъ зовутъ казнодѣями, говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, равно какъ и толкователи крайне обезображиваютъ св. писаніе для того только, чтобы вывести изъ него самыя нелѣпыя аллегоріи, даже изъ такихъ текстовъ, которые они въ другомъ случаѣ сами-же учатъ понимать просто и буквально. Во всякомъ текстѣ они усиливаются найти 3 или 4 смысла" [1]). И Галятовскій сильно злоупотреблялъ „смыслами" св. писанія. Въ первомъ казаньѣ на Воскресеніе Господне Галятовскій говоритъ, что въ св. писаніи есть четверояkій смыслъ: литеральный, моральный, аллегоричный и анагогичный, и ссылается при этомъ на Корнелія а Ляпиде и Беллярмина. „Литеральный сенсъ, по словамъ нашего проповѣдника, належитъ до исторіи самой; моральный належитъ до обычаевъ добрыхъ, которые повинна душа наша захо-

[1]) Мацѣевичъ, «Труды к. дух. ак.» 1871. IV. 214.

вати, и до злыхъ, которые душа повинна избѣгать; аллегоричный належитъ до церкви воюючей, которая находится на землѣ, а анагогичный—до церкви торжественной, находящейся на небѣ". Признавая въ св. писаніи столько разнообразныхъ смысловъ, Галятовскій не затрудняется толковать отдѣльныя библейскія фразы и слова, какъ ему заблагоразсудится, подставляя лишь то тотъ, то другой смыслъ. Напримѣръ, слово Іерусалимъ въ литеральномъ смыслѣ означаетъ извѣстный городъ, въ моральномъ—благочестивую душу, въ аллегорическомъ—воюющую церковь на землѣ и въ анагогическомъ церковь побѣдоносную на небѣ. Нѣтъ надобности объяснять, насколько эти смыслы были удобны для схоластическихъ казнодѣевъ и полемистовъ. Посредствомъ того или другаго смысла легко можно было устранить всякое возраженіе и доказать все, что угодно, даже то, о чемъ св. писаніе вовсе не говоритъ.

Любопытной чертой Галятовскаго, какъ проповѣдника, служитъ свободное проникновеніе въ планы и намѣренія Божіи. Галятовскій съ увѣренностью говоритъ, почему Богъ въ томъ или другомъ случаѣ поступилъ такъ, а не иначе, и самая проповѣдь подчасъ представляется какъ-бы адвокатской рѣчью въ защиту дѣла Господня.

Въ проповѣдяхъ Галятовскаго бросаются въ глаза схоластическія цифровыя дѣленія: во первыхъ, во вторыхъ и т. д. Эти дѣленія придаютъ казанью опредѣленную, правда, весьма искусственную цѣльность и единство. Въ казаньяхъ Галятовскаго встрѣчается еще весьма странное дѣленіе понятій. Напримѣръ, въ первомъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы: „троякая есть честь: лятрія—Богу, дулія—святымъ и гипердулія—Христу, какъ человѣку. Богу надлежитъ лятрія и гипердулія; пресвятой Дѣвѣ—гипердулія"; во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы: „троякая награда святымъ уготована: авра, аврола и пальма"; во второмъ казаньѣ на день св. Николая говорится, что мудрость бываетъ сотворенная и несотворенная; несотворенная мудрость раздѣляется на естественную и персональную". Всѣ эти дѣленія отзываются безжизненной, сухой школой. Эти пустяки вошли въ старинную кіевскую науку и литературу, какъ нѣчто важное, занимали мысль лучшихъ людей эпохи, такихъ людей, которые при свѣтлыхъ и чистыхъ условіяхъ школьнаго образованія, могли-бы внести здоровые элементы въ науку и въ жизнь.

Подобно польскимъ проповѣдникамъ XVII в., Галятовскій охотно приводитъ примѣры изъ греческой и римской исторіи. Ипатій Потѣй, писавшій проповѣди на полъ-вѣка ранѣе Галятовскаго, также имѣлъ наклонность вставлять въ проповѣди имена Октавіана Августа, Марка Аврелія и проч. [1]).

Проповѣди Галятовскаго принадлежатъ къ разряду догматическихъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о св. Тройцѣ, воплощеніи Христа и проч. т. п. Въ казаньѣ на Богоявленіе, въ которомъ объясняется матерія, форма и польза каждаго таинства, между прочимъ, говорится, что пресуществленіе св. даровъ происходитъ въ то время, когда священникъ произноситъ слова: *пріймите, ядите* и проч. Какъ извѣстно, это ученіе, сходное съ католическимъ, раздѣляли и другіе западно-русскіе ученые, какъ Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ, Иннокентій Гизель. Замѣчательно, что Галятовскій въ „Мессіи", въ изъясненіи 48 пророчества говоритъ, что св. дары пресуществляются при словахъ священника: *сотвори убо хлѣбъ сей* и проч., и въ этомъ случаѣ онъ высказываетъ то мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ, которое господствовало въ то время на Москвѣ. Извѣстно, что въ Москвѣ былъ споръ о времени пресуществленія св. даровъ между Полоцкимъ и Славинецкимъ, позднѣе между ихъ учениками, Сильвестромъ Медвѣдевымъ, авторомъ „Манны", и инокомъ Евѳиміемъ, которому приписываютъ „Остенъ",—споръ, перешедшій въ общество. По этому поводу толковали „въ схожденіяхъ, въ собесѣдованіяхъ, на пиршествахъ, на торжищахъ и гдѣ любо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ любо мѣстѣ, временно или безвременно, у мужей и женъ" [2]). Какъ извѣстно, православное толкованіе Славинецкаго, поддержанное патріархомъ Іоакимомъ, взяло верхъ. Галятовскій сначала слѣдовалъ мнѣнію своего наставника Барановича, потомъ, сблизившись съ московскимъ правительствомъ, принялъ господствовавшее въ Москвѣ мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ.

Нравственно назидательный элементъ въ проповѣдяхъ Галятовскаго весьма незначителенъ. Мѣстами разбросаны нравственныя наставленія общаго свойства, не представляющія интереса для

---

[1]) Трипольскій, «Труды кіев. дух. акад.» 1877 г. XII. 616.

[2]) Остенъ, стр. 115.

изслѣдователя религіозно-нравственнаго состоянія южно-русскаго общества XVII в. Любопытны попадающіяся въ двухъ-трехъ мѣстахъ наставленіл о выкупѣ плѣнныхъ изъ турецкой неволи, о заведеніи шпиталей и обличенія солдатъ въ томъ, что они „людемъ кривду чинятъ, шарпаютъ чужи добра и маетности пустошатъ“. наставленія и обличенія, отзывающіяся бытовой жизнью.

По разбросаннымъ въ „Ключѣ“ замѣткамъ о небесныхъ свѣтилахъ, громѣ, землетрясеніи, звѣряхъ, растеніяхъ, камняхъ, свойствахъ человѣческой природы можно судить о реальныхъ знаніяхъ кіевскихъ ученыхъ вообще, Галятовскаго въ частности.

Во второмъ казаньѣ на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы находятся замѣчанія объ одиннадцати небесахъ, именно: 1) небо, на которомъ находится мѣсяцъ, даетъ человѣку ростъ; 2) небо, на которомъ находится Меркурій, доставляетъ людямъ краснорѣчіе; 3) небо Венеры дѣлаетъ людей милосердными; 4) небо солнца даетъ разумъ и чувства; 5) небо Марса—храбрость; 6) небо Юпитера—силу; 7) неба Сатурна—подвижность; на 8) небѣ, тверди, находятся звѣзды; 9) прозрачное хрустальное небо; 10) „перше рушаючееся, повертается и другія небеса обращаетъ“, и 11) небо эмпирейское, гдѣ находится тронъ Божій.

Во второмъ казаньѣ на Успеніе пресвятой Богородицы насчитано 12 звѣздъ: Фосфорусъ (Денница), Гесперусъ (Вечерняя звѣзда), Арктосъ (Небесный Возъ), Оріонъ (Коса), Офіухусъ (Ужа держачій), Нодусъ целестіусъ, Комета (предсказываетъ паденіе царства), Спѣка (колосъ, даетъ урожай), Лира, Амалтея, Кассіонея и Андромеда.

Во второмъ казаньѣ на св. ап. Петра и Павла затмѣніе солнца и луны объясняется по Корнелію а Ляпиде научнымъ образомъ. „Гды мѣсяцъ сближится до солнца, говоритъ Галятовскій, и подъ него подойдетъ, такъ-же станетъ межи солнцемъ и землею, на той часъ солнце тмится, бо мѣсяцъ, подышовши подъ солнце, не допущаетъ променямъ солнечнымъ землю освѣтити, и для того на земли темности знайдуются... Мѣсяцъ тмится, гды земля станетъ межи мѣсяцемъ и солнцемъ, бо отъ землѣ тѣнь походитъ и мѣсяцъ затемняетъ, а променѣ солнечныи для землѣ не могутъ пріити до мѣсяца и его освѣтити“. Это объясненіе повторено въ „Мессіи“, въ изъясненіи 38 пророчества.

Въ казаньѣ на Воскресеніе Господне встрѣчаемъ весьма любопытныя народныя примѣты о мѣсяцѣ. „Мѣсяцъ гды есть блѣдный, значитъ, же будетъ дождь, гды есть червоный, значитъ же будетъ вѣтеръ, гды есть бѣлый, значитъ же будетъ погода“.

Въ проповѣди на Сошествіе св. Духа находится объясненіе происхожденія грозы. „Въ оболоку родятся блискавицы, громы и перуны, бо гды сухую и теплую ексгаляцію, пару, вѣльготный и зимній вколо оболокъ оточитъ, на той часъ ексгаляція, пара сухая, шукаючи мѣстца, которымъ бы могла выйти изъ оболока собѣ противнаго, стирается з оболокомъ и справуетъ громы; потымъ ся тая ексгаляція, пара сухая, запаляетъ и справуетъ блискавицы; на остатокъ тая-жъ ексгаляція, пара сухая, гды запалившися на землю з оболока выпадаетъ, на той часъ перенумъ стается“ [1]). Въ той-же проповѣди происхожденіе облаковъ объясняется такимъ образомъ: „пара вѣльготная, котрая выходитъ зъ воды, подносится на повѣтре, и тамъ въ оболокъ вѣльготный и воднистый обертается, о чемъ Псалмиста мовитъ: „темна вода во облацехъ воздушныхъ“; потомъ тый оболокъ въ дождь обертается и на землю спадаетъ“.

Въ казаньѣ на св. Николая говорится о происхожденіи вѣтра: „якъ ся вѣтры родятъ и отколь походятъ, розмаитые люде розмаите разумѣютъ; едны мовятъ, же вѣтры походятъ зъ земли, гды една часть повѣтря въ яскини подземныи заходитъ, а другая часть повѣтря зъ яскинь подземныхъ выходитъ, на той часъ тыи двѣ части повѣтря рушаются и зъ собою стираются и съ того порушенія стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сближеніе земли съ лѣнивыми людьми). Другіи повѣдаютъ, же вѣтры походятъ зъ моря, гды отнога морская полудневая зъ отногою морскою полуношною зыйдутся на всходѣ, на той часъ рушаются и зъ собою стираются, и съ того порушеня морского стается вѣтеръ (далѣе слѣдуетъ сравненіе моря съ сердитыми людьми). Иншіи повѣдаютъ, же вѣтры походятъ зъ оболока, гды оболоки рушаются и ходятъ на повѣтру, на той часъ порушаютъ повѣтре и с того порушеня стается вѣтеръ (далѣе сравненіе гордыхъ людей съ облаками). Астроліогове повѣдаютъ, же вѣтры отъ планетъ походятъ, отъ Сатурна, отъ Іовиша, отъ Меркуріуша, отъ Марса и отъ иншихъ, бо тыи планеты розмаитымъ

[1]) Объясненіе взято изъ Плинія.

своимъ порушеніемъ и розмаитыми оборотами розмаитыи вѣтры справуютъ (далѣе люди непостоянные въ вѣрѣ и благочестіи сравниваются съ планетами). Θеоліогове зась повѣдаютъ, же вѣтеръ ангели справуютъ, бо видѣлъ св. Іоаннъ Богословъ въ обявеню чотирохъ ангеловъ, стоячихъ на чтырехъ углехъ земли и держащихъ четыри вѣтры земныи, жебы вѣтеръ не дыхалъ ни на землю, ни на море, ни на дерева („ангелами называются пустынники и дѣвственники, патріархове и епископове“ и проч.). Галятовскій не отдаетъ предпочтенія какому нибудь одному мнѣнію; ко всѣмъ мнѣніямъ онъ относится одинаково равнодушно и пользуется ими, какъ вообще всѣми своими реальными познаніями, какъ матеріаломъ для казанья, своего рода циркумстанціей, или подходящей къ слову околичностью.

Въ казаньѣ на Сошествіе св. Духа Галятовскій причиной землетрясенія считаетъ вѣтеръ. „Вѣтеръ маетъ такую моцъ, же трясетъ землею, бо гды зайдетъ вѣтеръ въ яскини и печеры земныи, а потымъ хочетъ выйти, и не знайдетъ мѣстца, которымъ-бы могълъ изъ яскинь подземныхъ выйти на верхъ, на той часъ вѣтеръ ходитъ зъ великимъ импетомъ по печерахъ земныхъ, шукаючи мѣстца, которымъ-бы могълъ изъ земли на верхъ выйти и отъ того вѣтренего импету и порушеня земля рушается и трясется“.

Во второмъ казаньѣ на Покровъ пресвятой Богородицы изложены свѣдѣнія о разныхъ птицахъ, свѣдѣнія, очевидно, почерпнутыя изъ средневѣковыхъ физіологовъ. Говорится о грифѣ, спереди похожемъ на орла, а сзади на льва, о лебедѣ, который жалобно поетъ передъ своей смертью, о журавлѣ, который, оберегая журавлиную стаю, стоитъ на одной ногѣ, а другой держитъ камень (если задремаетъ, выпуститъ камень и пробудится), о ботянѣ, который кормитъ своихъ престарѣлыхъ родителей, о фениксѣ, воскресающемъ изъ мертвыхъ, о ласточкѣ, которая нашла траву хелидонію и ею открываетъ слѣпые глаза у своихъ дѣтей, о моноцодіатѣ, которая не имѣетъ ногъ, никогда не садится на землю, а живетъ на вѣтвяхъ дерева, прикрѣпившись къ нимъ двумя жилками, выходящими изъ спиннаго хребта, объ алціонѣ, который вьетъ гнѣздо на морѣ и, плавая въ свитомъ гнѣздѣ, выводитъ птенцовъ, о весьма чистоплотной египетской птицѣ порфиріонѣ, которая не ѣстъ и умираетъ, если въ томъ домѣ, гдѣ она поселилась, совершилось чужеложство

и, наконецъ, о харадріѣ, который знаетъ, умретъ-ли больной человѣкъ или останется живымъ, и въ первомъ случаѣ печально поетъ. Подобнаго рода фантастическія животныя встрѣчаются и у другихъ духовныхъ писателей XVII в., польскихъ и русскихъ, напримѣръ въ словахъ Епифанія Славинецкаго [1]) и у польскаго проповѣдника Бирковскаго.

Въ казаньѣ на св. Николая изложены свойства и особенности нѣкоторыхъ цвѣтовъ. „Лилѣя межи всѣми квѣтами есть паномъ и першее мѣстце маетъ“... „Рута ужовъ звитяжаетъ, боятся еи ужи и утѣкаютъ отъ неи“... „Геліотропіонъ значитъ послушенство, завше схиляется до солнца и ему конфирмуется; гды солнце на всходѣ и оно на всходѣ; гды солнце на заходѣ, и оно на заходѣ, гды солнце на полудню, и оно на полудню“. Подобнаго рода разсказы о растеніяхъ встрѣчаются изрѣдка у Епифанія Славинецкаго. Такъ, въ словѣ на текстъ: „аще кто хощетъ по Мнѣ ити“ упоминается о деревѣ „лотосѣ“, которое растетъ въ Ливіи; всякій, вкусившій отъ него, забываетъ о своемъ отечествѣ [2]). Разсказы о чудесныхъ деревьяхъ и травахъ встрѣчаются также у польскихъ проповѣдниковъ XVII в., напримѣръ, Сарбѣвскаго.

Во второмъ казаньѣ на Преображеніе Господне Галятовскій говоритъ, что „солнце маетъ такую моцъ, же справуетъ въ землѣ золото, срѣбро, цѣнь, мѣдь, желѣзо, олово и иншіи крущци, бо тепло солнечное проходитъ презъ пары земныи и во внутренностяхъ земныхъ крущци справуетъ“.

Во второмъ казаньѣ на Срѣтеніе Господне объяснены чудесныя свойства разныхъ камней: карбунсулъ свѣтитъ въ темнотѣ, шафиръ улучшаетъ зрѣніе, хризолитъ отгоняетъ меланхолію, берилъ дѣлаетъ человѣка храбрымъ, агатъ предохраняетъ отъ укушенія змѣи, аметистъ избавляетъ отъ пьянства, магнитъ притягиваетъ желѣзо, можетъ извлекать пулю изъ раны. Подобнаго рода разсказы встрѣчаются у польскаго проповѣдника Старовольскаго.

Свѣдѣнія Галятовскаго о составѣ человѣческаго тѣла, высказанныя во второмъ казаньѣ на „Преображеніе Господне“, и о силахъ души, высказанныя во второмъ казаньѣ на Сошествіе св.

---

[1]) Пѣвницкій, «Труды кіев. дух. акад.» 1861 г. III. 151—152.

[2]) Тамъ-же, III. 151.

Духа, крайне смутны и неопредѣленны. Тѣло человѣка состоитъ изъ четырехъ элементовъ: „воздуха, воды, земли и огня, которые борятся между собой и приводятъ человѣка къ смерти. Душа имѣетъ три силы: роснучую [1]), чаючую и разумѣючую".

Чтобы дать надлежащую оцѣнку реальныхъ знаній Галятовскаго, нужно принять къ свѣдѣнію, что знали по части естествовѣдѣнія современные ему корифеи науки и литературы: Ставровецкій, Славинецкій, Полоцкій, Барановичъ, Стефанъ Яворскій. Порывшись въ ихъ сочиненіяхъ, принявъ къ свѣдѣнію оброненныя ими мимоходомъ замѣчанія о міроустройствѣ, не трудно придти къ тому заключенію, что реальныя знанія Галятовскаго были по тому времени довольно обширны. Онъ зналъ гораздо болѣе научныхъ теорій о причинахъ явленій и силъ природы, чѣмъ современные ему ученые, хотя, нужно признаться, пользовался своими реальными знаніями такъ-же неблагоразумно, какъ и другіе схоластическіе писатели XVII в.

Транквилліонъ Ставровецкій въ „Зерцалѣ Богословія" (1618 г.) раздѣлялъ міръ на невидимый и видимый. Невидимый—ангелы и демоны. Видимый міръ состоитъ изъ 4 стихій: воздуха, воды, земли и огня. Небесная твердь—сухая, не промокаемая, легкая матерія, въ которую вставлены солнце, луна и звѣзды. Надъ твердью разлита вода, оберегающая ее отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Земля кругла. Земли и моря имѣютъ своихъ ангеловъ хранителей. Гроза происходитъ отъ того, что паръ съ моря поднимается въ верхніе слои горячаго воздуха [2]).

Лазарь Барановичъ въ „Лютнѣ" посвятилъ нѣсколько безсодержательныхъ виршей солнцу, лунѣ и звѣздамъ. О солнцѣ говорится, что это отецъ дня, побудитель къ труду, источникъ плодородія; „Wilgotny miesiąc suchą ziemię chlodzi"; „gwiazdy jak swiecy gorają na niebie [3])"...

Извѣстно, что Симеонъ Полоцкій дѣлалъ астрономическія наблюденія и записывалъ ихъ въ свою записную книжку [4]). Любо-

---

[1]) Т. е. растительную.

[2]) Костомаровъ, Рус. ист. въ жизнеоп. II. 70.

[3]) Lutnia, 277.

[4]) Опис. рукоп. синод. библ. II. 191—102.

пытно послушать, что говоритъ онъ о міроустройствѣ. Въ „Вѣнцѣ вѣры“ Симеонъ Полицкій заявляетъ, что есть три неба: 1) эмпирейское, неподвижное, самое высшее, 2) кристальное, движущееся съ неизреченною скоростью и 3) твердь съ двумя поясами, поясомъ неподвижныхъ звѣздъ и поясомъ планетъ. Планетный поясъ раздѣляется на семь круговъ, по числу планетъ (Кронъ, Дей, Аръ и др.). Отъ земли до тверди 80 темъ (т. е. 800,000) миль, а отъ верха земли до эмпирейскаго неба такъ далеко, что если-бы ѣхать туда со скоростью 80 миль въ часъ, потребовалось-бы 50,000 лѣтъ. Звѣзды „веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики, явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дальныхъ вещей родительны“... Планеты ниже звѣздъ. Онѣ движутся иногда по одному пути со звѣздами, иногда по пути противоположному. Самая малая звѣзда въ 80 разъ менѣе земли, а слѣдующая за ней по величинѣ звѣзда въ 170 разъ болѣе земли; солнце въ 166 разъ болѣе земли; луна въ 30 разъ менѣе земли. Ежечасно солнце проходитъ 717 миль, изъ которыхъ каждая требуетъ двухъ-часовой ходьбы человѣка. Земля кругла, черна, холодна, тяжела. Она центръ всего міра. Внутри земли находится адъ. Землятрясенія происходятъ отъ движенія демоновъ въ аду.

Силы и явленія природы объяснялись теологическимъ путемъ. „Седмь тысячъ уже лѣтъ и 228 исчисляемъ отъ сотворенія міра, говоритъ Стефанъ Яворскій, 32 года спустя послѣ смертн Галятовскаго, въ одной своей проповѣди, и черезъ все тое время вои небесные, солнце, луна, звѣзды, въ непрестанной пребываютъ службѣ, въ неустанной стражбѣ, въ незанятномъ теченіи, въ неудержимомъ движеніи, служатъ, работаютъ не себѣ на пользу, но человѣкомъ, вселенную просвѣщаютъ, согрѣваютъ, землю плодоносною творятъ и въ самыхъ внутренностяхъ земныхъ злато, сребро, каменіе многоцѣнное и руды различныя дѣйствіемъ своимъ и инфлюенціями содѣлываютъ. Одному только нѣкоему астроному Копернику приснилося, будто солнце, луна и звѣзды стоятъ, а земля оборачивается, противо свящ. Писанію [1]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что одинъ изъ ученѣйшихъ людей XVII в., человѣкъ высокаго нравственнаго характера, Епифа-

[1]) Покарскій, Наука и литература при Петрѣ В. II 454.

ній Славинецкій склонялся на сторону Коперника, хотя, по своей осторожности, и не высказалъ этого достаточно ясно. Въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. Епифаній Славинецкій, монахъ Исаія и Арсеній Сатановскій перевели космографію, въ которой объяснены системы Птоломея и Коперника. „Нынѣ изящнѣйшіе всѣ математики, говорится здѣсь, Копернику подражаютъ... Кое отъ двоихъ сихъ разумѣній есть приличнѣйшее и съ природнымъ расположеніемъ міра согласуется, на мѣстѣ семъ не хощемъ уставлять; но въ вещахъ небесныхъ искустнымъ оставляемъ любопрѣтися“ [1]).

Свѣдѣнія западно-русскихъ ученыхъ XVII вѣка по физіологіи и психологіи были также весьма ошибочны и скудны. Въ „Жезлѣ Правленія“ (1666 г.) Симеонъ Полоцкій со словъ „естественныхъ тайнъ имѣющихъ искусство“ говоритъ о зачатіи младенца. „Зачинается дитя изъ сѣмени, огустѣваетъ и воображается черезъ сорокъ дней мальчикъ, черезъ 80 дней дѣвочка, а потомъ уже Богомъ одушевляется [2]).

Въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній физіологическаго свойства. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ ставитъ вопросъ какихъ-то философовъ, почему у человѣка голова болитъ, а у животныхъ не болитъ, и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „звѣріе долу преклонну имутъ главу, того ради пары, отъ желудка происходящіе, не входятъ до ихъ главы, ниже ей могутъ вредити, а у человѣка голова не къ землѣ преклонена, по горѣ вознесена; того ради пары внутренніе вредные, отъ желудка происходящіе, восходятъ до головы въ гору, и оную повреждаютъ“. Въ другомъ мѣстѣ черный цвѣтъ волосъ объясняется тѣмъ, что въ человѣкѣ много теплоты, огня; „обычно бо есть огню окуряти и очернѣвати“. У старыхъ людей бѣлютъ волосы, потому что со старостью теплота уменьшается: „кто имѣетъ бѣлые (?) власы, у того много мокроты; у кого волоса русые, въ томъ много желчи [3]).“

Языкъ Галятовскаго въ „Ключѣ“ простой и ясный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе Галятовскаго напоминаетъ по силѣ и простотѣ Іоанна Вишенскаго. Макарнизмовъ нѣтъ. Часто попада-

---

[1]) Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. II. 337.

[2]) Жезлъ Правленія, листъ 27.

[3]) Проповѣди Ст. Яворскаго, II. 84.

ются народныя малорусскія слова и фразы. Можно допустить, что нѣкоторыя проповѣди, простѣйшія по содержанію, были понятны простому народу. Если-бы и въ содержаніи „Ключа“ было столько народности, сколько въ его языкѣ, то это было-бы капитальное произведеніе.

„Ключъ разумѣнія“ возникъ въ бурное время южно-русской исторіи. Войны Хмельницкаго съ поляками только-что окончились; только что совершилось присоединеніе Малороссіи къ московскому государству. Еще свѣжа была могила славнаго малорусскаго гетмана. Политическія и религіозныя страсти были еще сильно возбуждены. Народъ, вынесшій тяжелую борьбу за свою національную самобытность и экономическую независимость отъ польскихъ пановъ и ихъ наперсниковъ евреевъ, жилъ полной героическою жизнью. И ничто не затронуло, не взволновало души кіевскаго ученаго казнодѣя Галятовскаго. Грозныя и много знаменательныя событія прошли мимо его, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой, — нимало не отразились въ „Ключѣ“. Въ то время, какъ рѣшалась участь украинскаго народа, когда относительно самаго его національнаго существованія поставленъ былъ роковой вопросъ: „быть или не быть“, Галятовскій поглощенъ былъ вопросами о томъ, будутъ-ли умершіе принимать пищу въ будущей жизни, сколько дней пробылъ въ раю Адамъ и т. п. На Галятовскомъ вполнѣ раскрылось денаціонализирующее значеніе кіево-могилянской академіи.

Галятовскій не отозвался на народныя думы, желанія и волненія, потому что видѣлъ въ крестьянахъ хамово отродье. „Маетъ пречистая Дѣва мѣсце на земли межи всѣми людьми, говоритъ онъ въ проповѣди на Благовѣщеніе, бо троякій есть станъ людскій: одинъ посполитый, другой панскій, третій духовный. Презначали тыи три станы сыны Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ. Симъ презначалъ станъ духовный, Афетъ презначалъ станъ панскій, Хамъ презначалъ станъ посполитый, бо Хамъ служилъ двумъ братамъ своимъ, Симови и Афетови. Такъ люде посполитыи служатъ панамъ и духовенству. Маетъ теды пречистая Дѣва мѣсце межи людьми посполитыми, бо люде посполитыи даютъ панамъ своимъ дани, слухаючи апостола Павла, который мовитъ: *Воздадите убо всѣмъ дол-*

жная; ему-же убо урокъ урокъ, и ему-же дань дань, и ему-же страхъ страхъ, и ему-же честь честь.

„Ключъ разумѣнія“ при жизни Галятовскаго былъ подвергнутъ злой критикѣ. Критическій разборъ „Ключа“ затерялся, такъ что неизвѣстно, когда и кѣмъ онъ былъ сдѣланъ; но что такой разборъ былъ, видно изъ словъ самаго Галятовскаго въ концѣ „Алфавита“. „Песъ одинъ, говоритъ онъ, называемый зоиломъ (рѣчь идетъ о неизвѣстномъ критикѣ), по невѣжеству и зависти, зубами своими грызъ „Ключъ“ мой, но не угрызъ и поламалъ себѣ зубы, потому что мой „Ключъ“ похваленъ всѣми учеными людьми, охотно принятъ церковью и нашелъ многихъ читателей“.

Галятовскій не ограничился, да и не могъ ограничиться скромною дѣятельностію проповѣдника и профессора. Какъ высокопоставленное въ духовной іерархіи лицо, какъ руководитель высшаго въ южной Россіи православнаго училища, Галятовскій на первыхъ-же порахъ своей ученой и литературной дѣятельности вмѣшался въ религіозно-церковную полемику православныхъ съ латино-уніатами. Къ борьбѣ съ латино-уніатами Галятовскаго вызывало крайне угнетенное положеніе православной церкви въ Рѣчи Посполитой въ второй половинѣ XVII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. польское правительство не выступало прямо и рѣшительно противъ южно-русской православной церкви. Оно тѣснило православныхъ преимущественно административными мѣрами. Съ шестидесятыхъ годовъ XVII ст. оно стало тѣснить ихъ законодательнымъ путемъ, воспользовавшись тѣмъ, что южно-русское дворянство къ этому времени перешло въ латинство. На варшавскомъ сеймѣ 1658 г. іезуитъ Корватъ требовалъ, чтобы король и сеймъ истребили всѣхъ иновѣрцовъ въ Польшѣ, какъ враговъ Бога. Маршалъ посольской палаты Любовицкій по этому поводу замѣтилъ, что врагами Бога могутъ быть названы только аріане (т. е. социніане). Въ 1667 г. было постановлено, чтобы православное духовенство отбывало постойную повинность, что было для него крайне тягостно, по причинѣ своеволія и буйства польскихъ войскъ; православные были исключены изъ числа лицъ, имѣвшихъ право занимать староства. Въ 1676 г. православнымъ, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества, было воспрещено выѣзжать за границу [1]).

[1]) Антоновичъ, Очеркъ сост. прав. церкви въ ю. з. Россіи. 14.

Малорусскіе лѣтописцы мемуаристы XVII в. горько жалуются на притѣсненія православныхъ латино-уніатами. Народъ въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ до сихъ поръ еще вспоминаетъ о польскомъ и еврейскомъ гнетѣ.

Православіе нигдѣ не находило защиты и поддержки. Католическое польское правительство было на сторонѣ притѣснителей. Южно-русское дворянство измѣнило вѣрѣ и языку народа и перешло въ разрядъ его угнетателей. Церковныя братства были придавлены административными и законодательными мѣрами. Попытки, направленныя къ противодѣйствію уніи, имѣли характеръ случайный и представлялись въ видѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ явленій. Объединиться онѣ могли только при содѣйствіи церковной іерархіи, которая руководила-бы ими и сводила частныя усилія къ общей программѣ дѣйствій. Православные іерархи одновременно должны были обнаружить рѣдкія качества: образованность, энергію и непоколебимую стойкость въ убѣжденіяхъ. Во второй половинѣ XVII в. въ юго-западной Россіи не оказалось ни Іова Борецкаго, ни Петра Могилы. „Слышу отъ благочестивыхъ духовныхъ и мірскихъ, писалъ въ Москву изо Львова московскій резидентъ Тяпкинъ въ 1675 г, что ихъ владыки здѣсь только мантіей благочестивой вѣры восточной украшаются, внутри-же тяжки св. церки, какъ волки, и больше римскому костелу похлебствуютъ, чѣмъ церкви Божіи защищаютъ [1])". Дѣйствительно, высшее православное духовенство правобережной Украйны: Іосифъ Шумлянскій, Иннокентій Винницкій, Варлаамъ Шептыцкій, Сильвестръ Тваровскій, тайно приняли унію и въ тайнѣ-же, выдавая себя православными, проводили унію въ города и села.

Въ то время, какъ высшее православное духовенство правобережной Украйны удачно разыграло роль Іуды предателя, въ Кіевѣ и Черниговѣ возникъ кружокъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ, поставившій своей задачей энергическую борьбу съ латино-уніатами. Главными дѣятелями этого кружка были Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій и Иннокентій Гизель.

Галятовскій враждебно столкнулся съ католицизмомъ лѣтъ за десять прежде, чѣмъ кружокъ Барановича обнаружилъ свою дѣ-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи. XII. 227.

ятельность. Въ 1663 г. Янъ Казиміръ съ многочисленнымъ польскимъ войскомъ двинулся въ восточную Малороссію. Цѣлую недѣлю онъ пробылъ въ Бѣлой Церкви. Коронный канцлеръ епископъ Пражмовскій 8 ноября пригласилъ къ обѣду нѣсколько высшихъ православныхъ іерарховъ, Гедеона (Юрія) Хмельницкаго, Адама Келиборскаго, Антонія Винницкаго и Іоанникія Галятовскаго Потомъ пришелъ королевскій проповѣдникъ іезуитъ Адріанъ Пекарскій и сѣлъ за столомъ прямо противъ Галятовскаго. Вся комната была наполнена полковниками, ротмистрами, капитанами, ксендзами. Между Галятовскимъ и Пекарскимъ за столомъ произошелъ любопытный диспутъ о главенствѣ папы. Въ 1676 г. Галятовскій напечаталъ свой разговоръ съ Пекарскимъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Besiada bialocerkiewska“ [1]). „Бесѣда“ вскорѣ была переведена на русскій языкъ [2]).

Споръ завелъ впервые Пражмовскій, затѣмъ вмѣшался и весь споръ велъ Пекарскій. Пражмовскій изрѣдка вставлялъ свое замѣчаніе. Пражмовскій и Пекарскій проводили то положеніе, что папамъ искони принадлежало главенство въ церкви, что они предсѣдательствовали на соборахъ и судили константинопольскихъ патріарховъ, и что верховная власть въ церкви перешла къ нимъ отъ ап. Петра, будто-бы первенствовавшаго среди апостоловъ. Галятовскій привелъ слова св. Кипріана, что „были тоже и другіе апостолы, какъ и Петръ, отличенные равною съ нимъ честью, и властью, и достоинствомъ“. На замѣчаніе Пекарскаго, что православные, не признавая папу главой церкви, должны имѣть главою мірянина, Галятовскій возразилъ, что Христосъ глава церкви, а не кто иной. „Розмова“ оканчивается указаніемъ Галятовскаго на неудачный исходъ флорентинскаго собора 1439 г.

Вѣроятно Галятовскій предвидѣлъ споръ и заблаговременно справился съ книгами. Его возраженія Пекарскому мѣтки и сильны. Возраженія эти обнаруживаютъ въ Галятовскомъ знаніе св. Писанія, умѣлое пользованіе отцами церкви и діалектическую ловкость. Если споръ шелъ вполнѣ такъ, какъ говорится о томъ въ „Бесѣдѣ“,—

---

[1]) Самуилъ Величко вставилъ «Розмову» Галятовскаго въ свою лѣтопись (II. 42—76).

[2]) Востоковъ, Опис. Румянц. Музея. № 376, листы 21—27.

а не вѣрить Галятовскому въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ никакого основанія, то Пекарскій оказался побѣжденнымъ. Галятовскій нанесъ весьма сильные діалектическіе удары своему противнику. Такъ, онъ говоритъ, обращаясь къ Пекарскому: „да, честный отецъ, напрасны наши несогласія, напрасны споры, когда мы признаемъ главою одного Христа, и каждый изъ насъ говоритъ: „я Христовъ", а ваша милость признаете главой церкви папу, и каждый изъ вашихъ милостей говоритъ: „я папинъ". И вотъ ап. Павелъ спрашиваетъ вашу милость: развѣ папа за васъ распятъ? развѣ вы во имя папы крестились?"

Нѣтъ сомнѣнія, Галятовскому часто приходилось вести бесѣды съ иновѣрцами, подобныя бѣлоцерковской. Въ предисловіи къ „Мессіи правдивому" Галятовскій говоритъ, что онъ спорилъ съ учеными еврейскими раввинами о религіозныхъ вопросахъ. Вѣкъ семнадцатый былъ въ Малороссіи по преимуществу вѣкомъ религіозныхъ споровъ, и относительно его можно вполнѣ повторить слова Рихцицкаго о вѣкѣ XVI: „kto tylko chce tknąć jako kolwek części dziejów XVI wieku, musi mieć na względzie religią: ona była w ten czas głównem pytaniem, główną trudnością; kto ją pominie, musi zostać albo jednostronnym, albo navet często niezrozumiałym" [1]). (Кто хочетъ коснуться какой либо части событій XVI в., долженъ принять во вниманіе религію; она была въ то время главнымъ вопросомъ, главнымъ интересомъ; кто обойдетъ ее, тотъ останется по необходимости или одностороннимъ, или непонятнымъ).

Были особыя причины, почему бѣлоцерковская бесѣда удостоилась печати. Галятовскій, вѣроятно, не безъ удовольствія вспоминалъ, какъ онъ въ многочисленномъ собраніи духовныхъ лицъ и восначальниковъ въ словесной борьбѣ одолѣлъ королевскаго проповѣдника, ловкаго іезуита, а вмѣстѣ съ нимъ и канцлера. Для православнаго ученаго было очень лестно повѣдать читающему южнорусскому міру о своей побѣдѣ. Можно думать, что осторожный Галятовскій въ первое время послѣ бѣлоцерковской бесѣды опасался говорить о ней печатно, боялся ее опубликовать, чтобы не подвергнуться непріятностямъ, особенно въ тяжелое и смутное время шестидесятыхъ годовъ, когда польскія войска проникали въ лѣво-

[1]) Rychcicky, Piotr Skarga. II. 15.

бережную Малороссію. Поселившись окончательно въ далекомъ отъ польскихъ границъ черниговскомъ елецкомъ монастырѣ, быть можетъ, не безъ побужденія со стороны Лазаря Барановича, Галятовскій издалъ свою „Бесѣду". Появленіе этой дѣльно составленной противолатинской статьи должно было упрочить славу Галятовскаго, какъ крупнаго ученаго и подкрѣпить партію Лазаря Барановича въ борьбѣ ея съ латино-уніатами. Въ особенности важно то обстоятельство, что грамотные православные, съ выходомъ въ свѣтъ „Бесѣды" Галятовскаго, нашли въ этомъ сочиненіи весьма подходящее пособіе для борьбы съ латино-уніатами въ такомъ существенномъ пунктѣ ихъ ученія, какъ главенство папы. Капитальныя возраженія противъ папства въ „Бесѣдѣ" изложены настолько коротко, просто и ясно вообще, дѣльно и общедоступно, что всякій грамотный православный, интересовавшійся религіозными спорами, могъ ею воспользоваться и руководствоваться при своихъ столкновеніяхъ съ уніатами и католиками.

На „Бесѣду" Галятовскаго католиками было сдѣлано возраженіе, озаглавленное „Рефутаціей". О существованіи „Рефутаціи" можно заключить по заглавію одной весьма рѣдкой книжки конца XVII в., именно: *Rycerz prawosławney katholickey cerkwi wschodniey rycerzowi kościoła rzymskiego na jego Refutacyą napisaną przeciw Rozmowie Białocerkiewskiey.* Авторъ книги и годъ изданія неизвѣстны. Мацѣевскій авторомъ книги считаетъ Галятовскаго [1]). Ни Вишневскій, ни Филаретъ не упоминаютъ этой книги при перечисленіи сочиненій Галятовскаго.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Харьковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Maciejowski, Pism. polskie. III. 180.

СТОРОЖЕНКИ.

(Фамильная лѣтопись).

Первыя отрывочныя извѣстія объ этомъ родѣ относятся къ XVII вѣку.

Въ 1610 г. Андрей Стороженко былъ, какъ онъ подписывался, „старшимъ полковникомъ войскъ запорожскихъ". Начальствуя надъ отрядомъ козаковъ, онъ извѣщалъ изъ подъ Почаева по пути къ г. Брянску [1]) извѣстнаго литовскаго канцлера князя Льва Сапѣгу о движеніи своего отряда и просилъ отъ себя и отъ подвѣдомственнаго ему „стана рыцарскаго", чтобы канцлеръ сообщилъ ему о размѣрѣ слѣдуемаго имъ жалованья и о срокахъ его назначенія.

Андрей Стороженко прибавлялъ въ подписяхъ къ имени и фамиліи—„древній дворянинъ Малыя Руси".

Извѣстно, что осенью 1609 г. король польскій Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ; въ тоже время приходили вѣсти въ Москву и въ Тушино, что отряды запорожцевъ, „служа королю, берутъ города его именемъ, и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ, вмѣстѣ съ иными областями сѣверскими, волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію [2])".

Письма Андрея Стороженка къ Сапѣгѣ въ оригиналахъ сохраняются въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани [3]).

Въ 1647, 1648 и 1649 гг. Михайло Стороженко былъ Тульчинскимъ [4]) сотникомъ въ браславскомъ полку.

---

[1]) Брянскъ—уѣздный городъ нынѣшней орловской губерніи.

[2]) Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. Гу. XII. стр. 103. изд. Эйнерлинга,

[3]) Въ бумагахъ моего дѣда я нашелъ копіи съ этихъ писемъ, скрѣпленныя подписью библіотекаря Іосифа Лукасѣвича, съ приложеніемъ печати герба гр. Рачинскихъ.

[4]) Тульчинъ—мѣстечко подольской губерніи.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Богданомъ Хмельницкимъ подъ Зборовымъ, въ августѣ 1649 года, былъ заключенъ между гетманомъ и королемъ польскимъ Яномъ Казиміромъ договоръ, по которому между прочимъ было опредѣлено количество реестровыхъ козаковъ: гетману полагалось имѣть 40,000 козаковъ. Имена этихъ избранныхъ были внесены въ такъ называемые „Реестра войска запорожскаго", которые были изданы съ подлинника профессоромъ О. М. Бодянскимъ въ 1875 году.

Въ этихъ „Реестрахъ" мы и находимъ въ браславскомъ полку сотника Тульчинскаго Михайла Стороженка.

Въ числѣ просто реестровыхъ козаковъ въ томъ-же браславскомъ полку, въ сотнѣ яланцской, стоитъ имя Яцька Стороженка; но, какъ говоритъ О. М. Бодянскій въ предисловіи къ „Реестрамъ", званіе простыхъ козаковъ „въ ту пору давало послѣднимъ права, одинаковыя съ шляхтою".

Послѣ Андрусовскаго договора Россіи съ Польшей (1667 г.), въ концѣ 60-хъ годовъ Иванъ Стороженко переселился на лѣвый берегъ р. Днѣпра. Сначала онъ служитъ сотникомъ ичанскимъ въ прилуцкомъ полку, а въ 1686 году является полковникомъ прилуцкимъ.

Еще будучи сотникомъ, онъ обзавелся хуторомъ подъ селомъ Ржавцемъ [1]). Отъ 1688—89 гг. сохранился рядъ купчихъ, совершеныхъ имъ на земли и угодья около мѣстечка Ични [2]) и села Ржавца и на грунты въ городѣ Прилукѣ. По универсалу, данному въ Батуринѣ 22 іюня 1690 г., гетманъ Мазепа, „респектуючи на его г. полковника прилуцкаго значные у войску запорозкомъ и зычливые услуги, которіе онъ здавна ронивъ и впередъ охочо ронити на службѣ монаршой мае", далъ въ награду ему село Ржавецъ и „млынъ подъ мѣстечкомъ Іваницею, на греблѣ мѣской стоячий, о едного кола мучного, а другого ступного".

Иванъ Стороженко умеръ въ полковничьемъ званіи 15 февраля 1693 г.

Сохранился портретъ его: въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой бородой. На столѣ сто-

---

[1]) Ржавецъ—нынѣ село прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

[2]) Ичня—нынѣ мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губ.

ятъ Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ, съ золоченными украшеніями. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ черным, повидимому, бархатнымъ поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта, съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава [1].

Таковъ былъ девятый, по счету покойнаго М. А. Максимовича, полковникъ прилуцкій [2]).

Имя жены его Марія. Кто она была по отцу, неизвѣстно.

Оставшись вдовою, Марія проситъ у Мазепы подтвержденія на владѣніе селомъ Ржавцемъ и другими, подаренными ея покойному мужу, имуществами. Мазепа даетъ въ Батуринѣ универсалъ 8-го февраля 1697 года, которымъ онъ подтверждаетъ право вдовы на владѣніе состояніемъ покойнаго мужа, „респектуючи на старынние услуги небожчика пана Ивана Стороженка, бывшого полковника прилуцкаго“.

У Ивана былъ сынъ Андрей, оставшійся послѣ отца, „маючимъ способность до службы войсковои“.

Въ 1703 г. мы видимъ Андрея Ивановича сотникомъ ичанскимъ: 10-го іюля 1703 г. жители ичанскіе Илюшъ Сѣрко и Дацко Германовичъ обмѣнялись сѣножатями и закрѣпили документально эту мѣну „на врядѣ ичанскомъ, передъ нами, какъ говорится въ документѣ, Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, атаманомъ городовымъ Костентиномъ Даниловичемъ, войтомъ тамошнимъ Кириломъ Яковичемъ, бурмистрами Иваномъ Кобенякомъ и Грицкомъ Чепѣгою“.

Въ 1706 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, въ середу на четвертой недѣлѣ великаго поста, „на врядѣ ичанскомъ, передъ Андреемъ Стороженкомъ сотникомъ, Михаиломъ Рабушкою атаманомъ городовымъ, Остапомъ Богаченкомъ войтомъ, Петромъ Семенчукомъ и Грицкомъ Прокоповичемъ Солтаникомъ бурмистрами“ разбиралось слѣдующее интересное дѣло: ичанскій житель Павло Коломийченко купилъ у ржавскаго жителя Остапа Молотка коня за восемнадцать злотыхъ, но за неимѣніемъ денегъ не доплатилъ 10 злотыхъ; Молотокъ по-

---

[1]) Кіевск. Стар. 1882. Т. 3. стр. 578.

[2]) Собр. соч. Максимовича. Т. 1. стр. 325.

требовалъ обезпеченія и Коломійченко отдалъ ему въ залогъ „поле рабочое на двѣ недѣли, да лѣсокъ“, но потомъ отнялъ. Молотокъ жалуется за это на Коломійченка ичанской радѣ и проситъ или отдачи денегъ, или-же отнятой земли и лѣска. Рада присуждаетъ Молотку землю и лѣсокъ Коломійченка.

Какъ видимъ, стоимость почти шести десятинъ земли равнялась тогда почти половинѣ стоимости одного коня.

Андрей Ивановичъ значительно увеличилъ свое состояніе. Достигъ онъ этого, отчасти скупая мелкіе земельные участки и угодья у козаковъ ичанской сотни, отчасти получая награды за службу, преимущественно отъ своего ближайшаго начальника—полковника прилуцкаго.

Хотя во всѣхъ купчихъ стоитъ выраженіе, что такой-то продаетъ „доброволне и безъ жадного примусу и насильствія, але зъ доброи воли своеи“, но весьма вѣроятно, что званіе сотника и соединяемая съ нимъ властъ играли не послѣднюю роль при этихъ покупкахъ.

Когда на радѣ обсуждался вопросъ о покупкѣ сотникомъ какого-нибудь козацкаго имущества, предсѣдателемъ, вмѣсто сотника, бывалъ атаманъ городовой.

Путемъ купли Андрей Ивановичъ пріобрѣлъ 24-го іюня 1073 г. отъ козаковъ ржавскихъ Константина и Лукьяна Полуяненокъ ставокъ у села Ржавца за 20 злотыхъ; въ воскресенье третьей недѣли великаго поста 1706 г. отъ Тимоша Павленка, козака ржавскаго, лѣсъ „за двадцять талярей злотои монеты доброи литовскои“; 21-го мая 1710 г. отъ козачки Ульяны Костихи подъ мѣстечкомъ Ичней „за певную цину, за двисти злотыхъ сполна монеты доброи личбы литовскои“.

Въ награду Андрей Ивановичъ получилъ различныя льготы и одинъ *ланъ* земли.

Листомъ отъ 21-го апрѣля 1706 г. полковникъ прилуцкій Дмитрій Горленко объявляетъ ко всеобщему свѣдѣнію, что онъ освобождаетъ сотника ичанскаго Андрея Стороженка отъ взноса въ полковую казну части дохода съ мельницы о двухъ колесахъ, находящейся на р. Иченцѣ на лучковской греблѣ, пріобрѣтенной еще прежде сотникомъ. Подать съ мельницъ, какъ читаемъ въ этомъ же листѣ, называлась „поколесовщыною“. Андрей Ивановичъ былъ

такъ награжденъ за „многолѣтнее уже въ походахъ и оказіяхъ войсковыхъ нелѣнивое служеніе и раненіе“.

Таковое-же объявленіе дѣлаетъ полковникъ прилуцкій Иванъ Носъ листомъ отъ 24-го февраля 1709 г. относительно двухъ мельницъ на р. Иченцѣ при селѣ Лучковкѣ.

Гетманъ Иванъ Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Нѣжинѣ 5-го февраля 1709 г., подтверждаетъ права ичанскаго сотника Андрея Стороженка, по его просьбѣ, на владѣніе селами Ржавцемъ и Томашовкой, въ сотнѣ ичанской, и Ступаковкой, въ сотнѣ иваницкой, а также мельницами на р. Смоши подъ м. Иваницей и подъ с. Ступаковкой.

„Универсалнымъ листомъ“ по ичанской и монастыринской сотнямъ полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ объявляетъ, что онъ увольнилъ „отъ всякихъ посполитыхъ тягостей подсусѣдковъ, жиючихъ на кгрунтахъ его (Стороженка) въ городѣ (Прилукѣ), а также на иченскихъ кгрунтахъ, и овсимъ позволилъ вшелякое чинити ему, Стороженковѣ, послушенство“. Листъ этотъ данъ въ Прилукѣ 19-го февраля 1715 г.

Листомъ отъ 2-го іюля 1715 г., писаннымъ подъ с. Гуровкою [1]), тотъ-же полковникъ Игнатій Кгалакганъ даетъ сотнику ичанскому *ланъ* земли, смежный съ ржавскими землями послѣдняго, изъ „здавна полковническихъ лановъ... зо всякими з того лану приходячими пожитками“.

Андрей Ивановичъ умеръ въ концѣ 1715 г. Онъ былъ женатъ на Матронѣ Гнилозубъ.

Другой сынъ полковника прилуцкаго Ивана былъ Григорій, сотникъ иваницкій. Объ немъ мы только и знаемъ по тяжбѣ его со вдовою брата Андрея, Матроною.

Григорій Ивановичъ хотѣлъ высыпать греблю на ставку у с. Ржавца, принадлежавшемъ Матронѣ, между двумя ея греблями. Матрона обратилась съ жалобою къ гетману Ивану Скоропадскому. Гетманъ выслалъ „для розыску и осмотренія одъ боку свого пана Семена Карпѣку и пана Александра Чуйкевича товариша войсковаго“. Слѣдствіе обнаружило неправоту Григорія Ивановича, а потому слѣдователи, по данному имъ отъ гетмана полномочію, своей

[1]) Нынѣ с. Згуровка, прилуцкаго уѣзда, полтавской губ.

„децизіей“ строго на-строго запретили обижать вдову; гетманъ-же, по обычному тогда порядку дѣлопроизводства, своимъ универсаломъ къ прилуцкимъ полковнику и старшинѣ подтвердилъ рѣшеніе слѣдователей-судей. Универсалъ былъ данъ въ Глуховѣ 25-го января 1716 г.

Кромѣ этого дѣла, вдова Андреева „предложила скаргу на пана Ігната Кгалакгана полковника прилуцкого“ гетману за то, что Кгалакганъ утаилъ два гетманскіе универсала, подтверждавшіе ея право на владѣніе сс. Ржавцемъ, Томашовкою, Ступаковкою, Лучковкою и другими землями и угодьями, а также за то, что онъ „чрезъ килько лѣтъ безъ данія причины зъ двохъ млыновъ Петра и Грицка Зоценковъ въ Ступаковцѣ будучихъ части войсковые на себе отбиравъ и по сей часъ оные отбирати насильно не перестае“.

Скоропадскій универсаломъ, даннымъ въ Глуховѣ 18-го января 1719 г., „грозно“ приказываетъ Галагану, „возвративши все одъ мала до велика“, впредь „не важитись затѣвати кривдъ, перешкоды и озлобленія надъ винами правными и жесточайшимъ за преслушаніе императорского указу и противность власти наказаніемъ“.

Гнилозубъ—отецъ Матроны былъ убитъ во время осады Чигирина турками лѣтомъ 1678 г., мать ея вышла замужъ за извѣстнаго охочекомоннаго полковника Пашковскаго.

Въ 1693 г. Семенъ Палій и полки переяславскій и охочекомонный Пашковскаго бились трое сутокъ между Днѣпромъ и Бугомъ, при Кодимѣ, съ татарами ногайскими и бѣлгородскими, шедшими на Кіевъ, и прогнали ихъ. Въ 1694 г. Палій, Пашковскій и др. ходили подъ Очаковъ и одержали блестящую побѣду надъ татарами [1]).

Послѣ нарвскаго пораженія изъ Украйны былъ посланъ Мазепою къ Ригѣ трехътысячный отрядъ подъ начальствомъ полтавскаго полковника Искры, а потомъ пятнадцатитысячный съ наказнымъ гетманомъ, стольникомъ и нѣжинскимъ полковникомъ, Обидовскимъ въ челѣ. Въ числѣ этихъ 15000 человѣкъ были два охочекомонные полка—Пашковскаго и Ѳедора Степановича, болѣе 1000 человѣкъ [2]).

---

[1]) Маркевичъ, Ист. Малор. Т. II. 337—38, 358.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Ист. Малор. Т. 3, стр. 43, 51.

1-го января 1702 г. въ Лифляндіи, въ битвѣ у селенія Эрестфера, окончившейся побѣдой фельдмаршала Шереметева и наказнаго гетмана Даніила Апостола надъ шведскимъ генераломъ Шлиппенбахомъ, полковникъ Пашковскій былъ убитъ.

У Андрея Ивановича Стороженка было два сына—Григорій и Иванъ.

Григорій съ молодыхъ лѣтъ отправлялъ войсковую службу. Въ 1715 г., когда умеръ отецъ, онъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ.

Лѣтомъ 1722 г. Григорій Андреевичъ участвовалъ въ походѣ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ къ Дербенту (въ нынѣшней дагестанской области), съ самимъ императоромъ Петромъ Великимъ во главѣ, и присутствовалъ при закладкѣ крѣпости св. Креста на р. Сулакѣ. По возвращеніи съ похода подъ Дербентъ, онъ былъ посланъ отъ всего малороссійскаго корпуса (10000 козаковъ подъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола), стоявшаго по р. Сулаку, къ императору въ Астрахань съ прошеніемъ о „нуждахъ походныхъ войсковыхъ малороссійскихъ“. Изъ Астрахани, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ въ Москву въ правительствующій сенатъ и оттуда привезъ въ войсковую генеральную канцелярію „милостивѣйшую грамоту“, неизвѣстно какого содержанія. Затѣмъ онъ состоялъ въ разныхъ коммисіяхъ при генеральной канцеляріи.

1-го октября 1727 г., одновременно съ избраніемъ въ гетманы Даніила Апостола, состоялось избраніе генеральной старшины и Григорій Андреевичъ былъ выбранъ генеральнымъ бунчужнымъ. 9-го октября онъ вмѣстѣ съ другими былъ посланъ въ Петербургъ къ императору Петру II съ извѣщеніемъ объ избраніи новаго гетмана. Посланники прибыли въ Петербургъ 22-го ноября, получили высочайшую аудіенцію и были отпущены съ богатыми подарками.

21-го января 1728 г. Яковъ Марковичъ [1]) видѣлъ возвращавшихся изъ Петербурга малороссійскихъ посланниковъ въ Москвѣ на обѣдѣ у гетманича Петра Апостола.

Возвратившись въ Украйну, Григорій исполнялъ должность генеральнаго бунчужнаго, состоялъ членомъ генеральнаго суда и принималъ „челобитческія прошенія“ на высочайшее имя.

---

[1]) Дневныя Записки Марковича. Т. I, 246, 247, 268, 305, 306, 318.

3-го января 1729 г. Тайный Верховный Совѣтъ перемѣнилъ всю генеральную старшину: генеральнымъ бунчучнымъ былъ назначенъ Иванъ Борозна.

Въ февралѣ 1728 г. гетманъ Даніилъ Апостолъ присутствовалъ на коронаціи Петра II въ Москвѣ. Онъ предложилъ на высочайшее разсмотрѣніе проектъ управленія Малороссіи.

Въ январѣ 1729 г. были посланы къ императору четыре лица, въ томъ числѣ и Григорій Андреевичъ, для принесенія благодарности за утвержденіе гетманскаго проекта. 19-го марта посланники поѣхали изъ Петербурга въ Глуховъ съ „премоцнѣйшею грамотою“ императора къ гетману.

По просьбѣ Григорія Андреевича и козаковъ ичанской сотни, гетманъ выслалъ бунчуковаго товарища Кирилла Троцкаго и войсковаго канцеляриста Павла Лабинскаго для проведенія грани между землями козаковъ ичанскихъ и жителей села Рожновки (борзенскаго уѣзда). Универсаломъ отъ 2-го сентября 1729 года гетманъ подтвердилъ сдѣланное разграниченіе.

По смерти Даніила Апостола, до избранія новаго гетмана, по указу императрицы Анны Іоановны, отъ 31-го января 1734 года было устроено правленіе изъ шести членовъ—предсѣдателемъ его былъ назначенъ князь Алексѣй Ивановичъ Шаховскій.

По опредѣленію Шаховскаго, Григорію Андреевичу поручено было заняться новымъ распредѣленіемъ „окладовъ и порціоновъ“ коммисарамъ, а также разными слѣдствіями.

9-го іюня 1732 года Андрей Миклашевскій, Семенъ Лизогубъ, Яковъ Марковичъ, Григорій Стороженко, Андрей Полуботокъ, Николай Ханенко были опредѣлены въ кандидаты на бунчучнаго генеральнаго.

Въ 1734 году Григорій Андреевичъ въ числѣ другихъ былъ назначенъ по имянному высочайшему указу въ учрежденную въ Москвѣ коммисію перевода и свода „книгъ правныхъ“ (законовъ) и въ первыхъ числахъ января 1735 года отправился въ Москву для присутствованія въ коммисіи, гдѣ и пробылъ полтора года. Затѣмъ онъ былъ посылаемъ отъ генеральной канцеляріи для предсѣдательствованія въ различныхъ коммисіяхъ при полкахъ. Ему поручено было также размежеваніе земель между „ландмилицкими“

орельскими[1]) полками и городскими, надъ чѣмъ онъ прозанимался два мѣсяца. Возвратившись къ себѣ въ Ичню, онъ не долго отдыхалъ дома: вскорѣ былъ полученъ изъ генеральной канцеляріи указъ, которымъ онъ призывался въ Глуховъ къ занятіямъ въ прежней коммисіи перевода и свода „книгъ правныхъ“. Изъ Глухова онъ былъ посланъ въ Лубны для привода лубенскаго полка къ присягѣ на вѣрность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ 1737—1741 гг. Григорій былъ назначенъ кандидатомъ сначала генеральнаго судьи, а потомъ генеральнаго подскарбія, продолжая состоять въ коммисіи о переводѣ и сводѣ „книгъ правныхъ“.

Въ 1737 году кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-аншефъ Леонтьевъ съ присутствующими членами войсковой генеральной канцеляріи, „имѣя власть всякіе принадлежащіе до уряду гетманского дѣла управлять“, далъ Григорію Андреевичу званіе бунчуковаго товарища.

Григорій Андреевичъ продолжалъ владѣть селами Ржавцемъ, Томашовкой, Ступаковкой, Лучковкой и другими, въ которыхъ по ревизіи 1730 года показано 264 двора. Кромѣ того онъ представилъ въ прилуцкую полковую канцелярію 9-го мая 1744 года реестръ 39 купчихъ на грунты въ мѣстечкѣ Ичнѣ.

По полному списку жителей села Ржавца отъ 1723 года видно, что сотникамъ ичанскому Григорію и иваницкому Ивану Стороженкамъ принадлежало 215 грунтовъ, на которыхъ жили посполитые люди; кромѣ того въ селѣ Ржавцѣ было 24 грунта козаковъ ржавскихъ куреня сотника ичанскаго.

Сохранился портретъ Григорія Андреевича, сдѣланный въ его молодые годы: изображенъ молодой красивый мужчина съ черными волосами, съ длинными усами, бритый, румяный, плотно сложенный. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ, на плечи накинутъ покрытый синимъ бархатомъ, подбитый, очевидно, куньимъ мѣхомъ, плащъ; возлѣ на креслѣ лежитъ высокая мѣховая, повидимому, бобровая шапка съ султаномъ.

Григорій Андреевичъ былъ женатъ на вдовѣ бунчуковаго товарища Кулябки-Евдокіи, урожденной Лизогубъ.

---

[1]) Орель — рѣка между нынѣшними полтавской и екатеринославской губерніями.

Иванъ Андреевичъ, сотникъ иваницкій, былъ женатъ два раза: постригши первую жену свою, по причинѣ болѣзни ея, въ монахини, онъ женился на другой, но недѣли черезъ двѣ самъ умеръ и постриженная тоже[1]). Это было, вѣроятно, въ концѣ 1725 года.

У Григорія Андреевича было четыре сына: Андрей, Петръ, Степанъ и Данило.

Андрей началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. 23-го сентября 1741 года, по просьбѣ отца, а также сотенной ичанской старшины, Андрей Григорьевичъ былъ назначенъ сотникомъ ичанскимъ. Назначеніе это состоялось на основаніи высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 1734 года, которымъ повелѣвалось „войсковыхъ канцеляристовъ достойныхъ за службу въ полковую старшину и сотники опредѣлять“. На званіе сотника Андрею былъ выданъ изъ генеральной войсковой канцеляріи универсалъ за подписью полковника Алексѣя Извольскаго, генеральнаго подскарбія Михаила Скоропадскаго, полковника Челищева и генеральнаго асаула Петра Валькевича—онъ былъ данъ въ Глуховѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ назначенія, а именно 31-го декабря 1749 года.

Очевидно, утвержденіе въ должности не имѣло особеннаго значенія, потому что еще 24-го декабря 1741 года, т. е. черезъ три мѣсяца послѣ опредѣленія Андрея Григорьевича въ званіе ичанскаго сотника, полковникъ прилуцкій Григорій Галаганъ обращается съ ордеромъ ко всѣмъ сотникамъ полка прилуцкаго, и между прочими и къ Андрею Стороженку, сотнику ичанскому, напоминающимъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ и денежныхъ штрафахъ за куплю грунтовъ у подначальныхъ козаковъ.

Петръ Григорьевичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ и умеръ, кажется, въ молодыхъ годахъ безъ потомства. Степанъ Григорьевичъ былъ сотникомъ повстинскимъ[2]) въ лубенскомъ полку. Данило Григорьевичъ — бунчуковымъ товарищемъ.

---

[1]) Записки Марковича. Т. I. 157.

[2]) Мы узнаемъ, что была въ лубенскомъ полку сотня повстинская, неизвѣстная Марковичу. Повстинъ—нынѣ большое козацкое село пирятинскаго уѣзда, на р. Удаѣ, верстахъ въ девяти отъ г. Пирятина, внизъ по теченію Удая.

Въ маѣ 1745 года братья подѣлились оставшимся послѣ отца состояніемъ: дѣлежу подлежали различныя недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя по универсаламъ, ордерамъ и купчимъ. Всѣхъ документовъ было 140.

У Ивана Андреевича, сотника Иваницкаго, былъ сынъ Михайло.

Въ 1739 г. онъ подалъ просьбу генералъ-аншефу Александру Румянцеву объ опредѣленіи его „подъ главный знакъ бунчукъ". Изъ уваженія къ заслугамъ предковъ, а также и въ немъ самомъ „усматривая къ службѣ охоту и годность", Румянцевъ и состоявшіе при немъ члены войсковой генеральной канцеляріи, генеральный подскарбій Андрей Марковичъ, генеральный судья Михайло Забѣла, а также полковникъ Иванъ Сенявинъ дали ему званіе бунчуковаго товарища. Указъ объ этомъ данъ въ мѣстечкѣ Домонтовѣ (золотоношскаго уѣзда), 14-го февраля 1739 г.

Михайло Ивановичъ получилъ отъ отца часть недвижимой собственности въ с. Ржавцѣ. Онъ значительно увеличилъ свое состояніе.

20-го ноября 1740 г. ржавскіе жители Ѳедоръ Пищоленко и Катерина Ивановна, жена Степана Штанченка, продали „панови и державцеви свому, его мосци, панови Михайлови Стороженкови, знатному товаришеви бунчуковому" ставокъ подъ с. Ржавцемъ за 7 рублей.

15-го декабря 1740 г. онъ купилъ у бывшаго старосты ржавскаго Николая Климовича земли, въ трехъ рукахъ, на 100 рабочихъ дней, по 50 коп. за день, а также сѣнокосъ и усадьбу въ селѣ Ржавцѣ за 16 р.

4-го января 1741 г. ржавская козачка Ганка Хоменчиха продала „ланъ", купленный ея мужемъ за десять талярей, по 50 к. за рабочій день.

7-го февраля 1741 г. ржавскій житель Иванъ Ивашенко продалъ свой „гай" за 4 р.

Можно предположить съ полной вѣроятностью, что Михайло Ивановичъ сдѣлалъ еще не одну столь-же выгодную покупку.

Я упоминаю объ этихъ сдѣлкахъ, потому что онѣ представляютъ большой интересъ для изученія быта и для исторіи землевладѣнія въ XVIII вѣкѣ въ Украйнѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ постепеннаго увеличенія стоимости земли и перехода ея

отъ козацкихъ общинъ и мелкихъ землевладѣльцевъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, позднѣйшаго дворянства.

Михайло Ивановичъ былъ женатъ на Аннѣ Борознѣ.

У Михайла Ивановича былъ сынъ тоже Михайло.

Михайло Михайловичъ началъ службу войсковымъ канцеляристомъ. Универсаломъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, даннымъ въ Батуринѣ 12-го сентября 1763 г., онъ былъ опредѣленъ въ званіе войсковаго товарища. Потомъ онъ былъ коммисаромъ въ повѣтѣ прилуцкомъ.

23-го декабря 1765 г. онъ получилъ изъ малороссійской коллегіи патентъ на званіе бунчуковаго товарища за подписями: графа Румянцева, бригадира князя Платона Мещерскаго, генеральнаго писаря Василія Туманскаго, полковника Осипа Хвостова, генеральнаго асаула Ивана Жоравки, генеральнаго хорунжаго Даніила Апостола и коллежскаго совѣтника Дмитрія Натальина.

Предписаніемъ черниговскому намѣстничеству отъ 23-го января 1782 г. графъ Румянцевъ-Задунайскій назначилъ его въ судьи совѣстнаго суда намѣстничества и опредѣлилъ во всѣ новоучрежденныя присутственныя мѣста. Въ званіи совѣстнаго судьи Михайло Михайловичъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а 28-го февраля 1784 г.—надворнаго совѣтника.

Михайло Михайловичъ продолжалъ округлять свое состояніе.

25-го января 1758 г. вдова Михайла Ивановича—Анна и сынъ ея Михайло купили у козака сотни иваницкой с. Ступаковки ставокъ и греблю съ мельницей и валюшными ступами за 45 р. Для закрѣпленія на купчей подписались: іерей Ѳеодоръ Кушакевичъ съ приложеніемъ своей печати (изображеніе трехмачтоваго корабля съ распущенными парусами), атаманъ сотенный ичанскій Михайло Мартосъ (печать—изображеніе дракона) и атаманъ ржавскій, Яковъ Озерскій.

2-го мая 1759 г. Михайло купилъ у жителя с. Лучковки „гаіокъ“. На купчей опять таки подписался „пресвитеръ Даміянъ Летнѣцкій“ и житель лучковскій Іванъ Свирскій (печать—изображеніе двухъ тюльпановъ).

Весьма интересное дѣло велъ Михайло Михайловичъ съ владѣльцемъ с. Рожновки (борзенскаго уѣзда) Петромъ Разумовскимъ, полковникомъ нѣжинскимъ, о захватѣ рожновцами земель, принадлежавшихъ посполитымъ людямъ Михайла Михайловича.

У него былъ въ с. Ржавцѣ кирпичный заводъ, конскій заводъ (2 жеребца и 20 кобылъ), заводскаго рогатаго скота около 100 штукъ.

Женатъ Михайло былъ на дочери бунчуковаго товарища Семена Полуботка—Ѳеодосіи.

За женой онъ взялъ большое приданное:

Въ городницкомъ уѣздѣ ему принадлежала деревня Новая Рудня—„положеніе имѣетъ на весьма песковатомъ бугристомъ мѣстѣ, при р. Вертечѣ, на коей плотина съ руднею, на одно ковадло, въ борѣ; въ сей деревнѣ посполитыхъ означеннаго Стороженка—14. Къ сей деревнѣ землѣ пахотной и сѣнокосу вовсе нѣтъ; жители ходятъ на заработки хлѣба, въ разніе степніе мѣста и притомъ нанимаются на работы къ руднямъ и другимъ заводамъ, отчего нужное пропитаніе себѣ имѣютъ“ [1]).

Шафонскій [2]), составившій описаніе черниговскаго намѣстничества нѣсколькими годами позже Пащенка и положившій „въ основаніе своего труда“, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, „работу Пащенка“ (предисловіе къ описанію Пащенка, стр. III), дѣлаетъ слѣдующія добавленія къ описанію д. Новой Рудни: „желѣзный заводъ (рудня) на р. Вертечѣ, построенъ въ 1706 г. черниговскимъ полковникомъ Павломъ Полуботкомъ. Руду для онаго около той-же рѣчки въ болотахъ, а уголье изъ его-же лѣса, возлѣ онаго завода стоящаго, достаютъ.

„На семъ заводѣ только весною пудовъ пятьдесятъ желѣза выковываются, которое въ степныхъ мѣстахъ по торгамъ и ярмаркамъ продается“ [3]).

Въ хуторѣ Криничное ему принадлежалъ винокуренный заводъ на 12 двойныхъ котловъ.

„Хуторъ Старой Млинокъ при плотинѣ, состоящей на р. Ворзнѣ, съ 2 мельницами, о трехъ колахъ, въ лѣсѣ“.

Въ с. Неданчичахъ принадлежало ему нѣсколько грунтовъ, съ жившими на нихъ семью посполитыми людьми [4]).

---

[1]) Описаніе черниговскаго намѣстничества (1781 г.) Дмитрія Пащенка. Въ Запискахъ черниг. губернск. статистич. комитета. Книга вторая. Выпуски 1, 2, 3, 4. 1868 г.

[2]) Черниг. намѣстнич. топографич. описаніе, изд. М. Судіенка. Кіевъ. 1851 г.

[3]) Изд. Судіенка, стр. 330.

[4]) Пащенко. Зап. черниг. губернск. стат. ком. Вып. 1 и 2. Стр. 47, 54, 56.

Въ хуторѣ Уклоновѣ принадлежала ему плотина на р. Ворзнѣ, съ мельницею на два „кола“, разстояніемъ отъ хутора Уклонова въ 2 верстахъ, при коей посполитская его Стороженка хата—1.

„Село Довжикъ, разстояніемъ отъ г. Чернигова въ 25 верстахъ, отъ мѣстечка Любеча въ 29 верстахъ, на столбовой дорогѣ отъ Чернигова въ мѣстечко Любечъ. Положеніе имѣетъ отъ г. Чернигова на западной сторонѣ, на ровномъ, довольно возвышенномъ мѣстѣ; между жильями сего села протекаетъ р. Свишка и тутъ-же въ нее впадаетъ протокъ Бревенецъ; на соединившихся сихъ рѣкахъ двѣ плотины показаннаго Стороженка, съ 4 амбарами о 6 колахъ. Въ семъ селѣ: .... домъ пріѣзжій Стороженка о 3 покояхъ. Обывателей: ... посполитыхъ Стороженка—81. Къ сему селу земли пахатной достаточно, сѣно укашиваютъ на тѣхъ-же пахатныхъ поляхъ при берегахъ, а лѣсу посредственно; обыватели занимаются хлѣбопашествомъ“.

„Деревня Внучки въ 4 верстахъ отъ с. Довжика. Положеніе имѣетъ на высокомъ ровномъ мѣстѣ, на правой сторонѣ р. Свишки, на которой плотина Стороженка съ 3 амбарами о 3 мучныхъ и валюшномъ колахъ, при пахатномъ полѣ и небольшой части лѣса; въ сей деревнѣ посполитыхъ Стороженка—90“.

„Деревня Табаіовка въ одной верстѣ отъ д. Внучекъ. Положеніе имѣетъ на ровномъ высокомъ мѣстѣ, при пахатныхъ поляхъ. Въ ней посполитыхъ Стороженка—18“ [1]).

У Михайла Михайловича былъ сынъ Николай, бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Со смертью Николая Михайловича прекратилась линія фамиліи Стороженковъ отъ Ивана Андресвича, сотника иваницкаго. Николай Михайловичъ былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ, сестрѣ извѣстнаго графа Михаила Андреевича Милорадовича.

У старшаго сына Григорія Андреевича—Андрея, было два сына Григорій и Александръ.

Они начали службу въ званіи войсковыхъ канцеляристовъ—Александръ при генеральномъ судѣ, а Григорій при войсковой генеральной канцеляріи, а потомъ при малороссійской коллегіи. 20-го декабря 1765 г. они получили изъ коллегіи патенты на званіе войсковаго товарища, за подписью графа Румянцева.

[1]) Лащенко. Зап. черниг. губернск. стат. ком. Выпуски 3 и 4. Стр. 57—59.

7-го мая 1770 г. Григорій получилъ званіе сотника иваницкаго.

Григорій участвовалъ въ турецкой войнѣ съ 1768 г. по 1774 г., въ которомъ былъ заключенъ миръ при Кучукъ-Кайнарджи.

Для усмиренія Пугачевскаго бунта изъ Украйны былъ отправленъ въ казанскую и оренбургскую губерніи тысячный отрядъ козаковъ подъ начальствомъ нѣжинскаго полковника Александра Якубовича. Въ составъ этого отряда попалъ и иваницкій сотникъ съ козаками своей сотни.

30-го іюля 1774 г. Якубовичъ далъ ему въ лагерѣ при р. Камѣ, „въ Башкирьи", аттестатъ, удостовѣряющій его личную храбрость и распорядительность. Григорій Андреевичъ, съ 13-го февраля по 30-е іюля, участвовалъ во всѣхъ походахъ и въ сраженіяхъ при д. Сатанихѣ 8-го и 11-го іюня, при д. Сабаевой 12-го іюня, за р. Уршаномъ 21-го и 22-го іюня, при с. Часниковкѣ 27-го іюня.

Въ подтвержденіе этого аттестата князь Петръ Голицынъ, командовавшій корпусомъ, въ составъ котораго вошелъ и украинскій отрядъ, выдалъ въ Казани отъ себя удостовѣреніе отъ 7-го августа 1774 г., что „сотникъ иваницкій оказывалъ всегда отличную храбрость и распорядительность, не щадя ни мало живота своего и велъ себя такъ, какъ доброму и честному человѣку свойственно".

За „усердную и добропорядочную службу съ 1760 года" малороссійская коллегія выдала ему 31-го августа 1781 г. въ Глуховѣ патентъ на званіе бунчуковаго товарища.

Графъ Румянцевъ-Задунайскій въ доношеніи правительствующему сенату отъ 24-го мая 1779 г. ходатайствуетъ о награжденіи Григорія Андреевича имѣніемъ.

У Степана Григорьевича было два сына—Михайло и Иванъ. Михайло въ 1765 г. былъ премьеръ-маіоромъ. У него былъ сынъ Александръ, не имѣвшій сыновей.

Иванъ Степановичъ умеръ въ молодыхъ годахъ холостякомъ.

У бунчучнаго товарища Даніила Григорьевича было два сына—Петръ и Павелъ.

Павелъ родился въ 1775 г., получилъ воспитаніе въ сухопутно-кадетскомъ корпусѣ и началъ службу поручикомъ.

Петръ родился въ 1779 г., тринадцати лѣтъ онъ состоялъ регистраторомъ въ канцеляріи графа Румянцева.

Въ 1786 г. имъ принадлежала часть села Ржавца и слободы Лисогоръ, въ мѣстечкѣ Иваницѣ нѣсколько грунтовъ.

Хотя сыновья Петра Даниловича—люди XIX вѣка, но такъ какъ на нихъ кончается эта линія фамиліи Стороженковъ, то я позволю себѣ упомянуть объ нихъ.

У Петра было два сына—Николай и Алексѣй.

Николай былъ женатъ, но не имѣлъ сыновей. Алексѣй былъ холостъ.

Алексѣй Петровичъ былъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ, оставившимъ не одинъ прелестный разсказъ изъ малорусскаго народнаго быта.

Прилагаю родословный списокъ Стороженковъ.

1. Андрей Стороженко, „старшій полковникъ войскъ запорожскихъ“ около 1610 года.
2. Михайло, сотникъ тульчинскій браславскаго полка около 1647—49 годовъ.
3. Яцко, козакъ реестровый 1649 года.
4. Иванъ, сотникъ ичанскій съ конца 60-хъ годовъ XVII в., полковникъ прилуцкій 1686—1693 гг. Жена—Марія. . 1.
5. Андрей, сотникъ ичанскій, 1715 года. Жена—Матрона Гнилозубъ . . . . . 2.
6. Григорій, сотникъ иваницкій около 1716 года . . . . 2.
7. Григорій, 1715 года сотникъ ичанскій, 1727 года—генеральный бунчучный, 1732 года—кандидатъ на генеральнаго бунчучнаго, 1734 года—членъ коммисіи о переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ, 1737—41 годовъ кандидатъ на генеральнаго судью и генеральнаго подскарбія, бунчуковый товарищъ. Жена—вдова бунчуковаго товарища Кулябки, Евдокія, урожденная Лизогубъ . . . . 3.
8. Иванъ, сотникъ иваницкій. Былъ женатъ два раза. . . 3.
9. Андрей, войсковый канцеляристъ 1741 года — сотникъ ичанскій . . . . . 4.
10. Петръ, войсковый канцеляристъ 1741 г. . . . . 4.
11. Данило, бунчуковый товарищъ около 1770 года . . . 4.
12. Степанъ, сотникъ повстинскій. . . . . 4.

13. Михайло, бунчуковый товарищъ 1739 года. Жена—Анна Борозна . . . . . 4.
14. Григорій, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищъ, сотникъ иваницкій 1770 годъ, бунчуковый товарищъ 1781 года . . . . . 5.
15. Александръ, войсковый канцеляристъ, войсковый товарищъ 1765 года . . . . . 5.
16. Михайло, премьеръ-маіоръ 1765 года . . . . . 5.
17. Иванъ . . . . . 5.
18. Павелъ родился въ 1775 году, началъ службу поручикомъ 5.
19. Петръ, родился въ 1779 году, началъ службу 13-ти лѣтъ регистраторомъ, поручикъ . . . . . 5.
20. Михайло, войсковый товарищъ 1763 года, коммисаръ 1765 года, бунчуковый товарищъ 1765 года, совѣстный судья 1782 года, надворный совѣтникъ 1784 года. . . 5.
21. Алексѣй, брестскій предводитель дворянства . . . . . 6.
22. Николай . . . . . 6.
23. Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ, черниговскій губернскій предводитель дворянства . . . . . 6.
24. Александръ . . . . . 6.
25. Александра. Мужъ генералъ-маіоръ О'коннеръ . . . . 6.

Выдающимся въ родѣ Стороженковъ лицемъ какъ по своимъ дарованіямъ, такъ по литературной и служебной дѣятельности является не давно скончавшійся Алексѣй Петровичъ Стороженко. Несмотря на самыя разнообразныя вліянія образованія и жизни, онъ сохранилъ свою національную физіогномію до конца своихъ дней. Его недюжинный талантъ не получилъ еще надлежащей оцѣнки, а его беллетристическія произведенія далеко не всѣ извѣстны въ печати, его многолѣтняя служебная дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ, въ центрѣ высшаго управленія остается совершенно почти неизвѣстною. Умеръ онъ вдали отъ родныхъ и къ нимъ не перешелъ его обширный портфель. Значительная часть его бумагъ, какъ мы слышали, находится у кого-то въ Брестѣ; множество писемъ находится въ разныхъ другихъ мѣстахъ и рукахъ. При тщательныхъ поискахъ, по свѣжей еще памяти, открылись-бы, можетъ

быть, рукописи покойнаго, существованія которыхъ мы не предполагаемъ.

Не безплодно было-бы для рода и потомства сохранить память объ этой личности даровитой и замѣчательной по своей служебной дѣятельности.

Принимаемъ на себя этотъ не легкій трудъ, но чувствуемъ сразу всю скудость имѣющагося у насъ матеріала. Позволяемъ себѣ надѣяться, что намъ не откажутъ въ содѣйствіи и довѣріи многочисленные почитатели таланта и памяти Алексѣя Петровича и покорнѣйше просимъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ перепискѣ съ нимъ, или которымъ случайно достались его письма и другія рукописи, подѣлиться таковыми временно съ нами. По снятіи съ нихъ копій, они немедленно будутъ возвращены, тщательно сохраненными. Весьма желательны были-бы также личныя воспоми- о покойномъ и за сообщеніе оныхъ мы были-бы особенно благодарны.

Какъ письма, такъ и воспоминанія просимъ адресовать на имя редакціи „Кіевской старины“, для передачи намъ.

Н. В. С—ко.

Кіевъ, 8-го января 1884 г.

ИСТОРІЯ САМОУПРАВЛЕНІЯ У КУБАНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Кубанская область получила настоящій свой видъ только въ 1860 году, когда изъ двухъ, самостоятельно существовавшихъ до того. козачьихъ войскъ—черноморскаго и части кавказскаго линейнаго было образовано одно подъ именемъ кубанскаго. Поэтому, и исторія самоуправленія кубанскихъ козаковъ также распадается на двѣ независимыя исторіи: иначе самоуправленіе складывалось у черноморцевъ и иначе у линейцевъ. Такъ, отдѣльно одно отъ другаго, мы и отмѣтимъ историческое прошлое самоуправленіе у обоихъ названныхъ войскъ.

Относительно самоуправленія черноморскихъ козаковъ сложился тотъ неосновательный взглядъ, что будтобы черноморское войско, не смотря на свою генетическую связь съ Запорожьемъ, явилось тѣмъ не менѣе чѣмъ то новымъ, непохожимъ на это послѣднее по своему общественному строю. Такъ, семья и панское сословіе, не имѣвшія мѣста въ Запорожьи, получили полное право гражданства въ Черноморіи, чѣмъ будто-бы нарушились самыя основы сѣчеваго козачьяго самоуправленія. Историческіе факты дѣйствительно таковы: и семья и панское сословіе наложили рѣзкій отпечатокъ на жизнь козачества. И тѣмъ не менѣе, не смотря на это, Черноморія дала, въ предѣлахъ возможнаго, рѣдкій примѣръ согласованія старинныхъ излюбленныхъ формъ народной жизни съ новѣйшими ея требованіями, тѣмъ не менѣе черноморцы, съ ловкостью истыхъ политиковъ, перенесли съ собою на новое мѣстожительство порядки стараго Запорожья и привили ихъ здѣсь, на сколько позволили то обстоятельства.

Не въ добрую пору народилось черноморское войско. Центральное правительство косо въ это время посматривало на каза-

ковъ и ихъ самоуправленіе. Пугачевщина была еще у всѣхъ на памяти, съ запорожскою Сѣчью едва только были сведены счеты. И Екатерина II, и Потемкинъ одинаково стремились положить конецъ козачьимъ тенденціямъ въ средѣ малороссовъ. Братъ славянинъ Текелій, разрушая Сѣчь, постарался съ усердіемъ вандала стереть съ лица земли даже невинные историческіе памятники запорожцевъ. Только война съ турками и настоятельная нужда въ испытанныхъ козачьихъ войскахъ вызвали на свѣтъ снова организацію козачества изъ разрозненныхъ и разсѣянныхъ сѣчевиковъ. Давая, поэтому, новую жизнь козачеству, правительство всячески старалось съузить его права и подавить его былую, традиціонную автономію.

Начало существованія черноморскаго войска можно считать съ 1787 года. Въ это время часть разсѣянныхъ запорожцевъ, благодаря хлопотамъ бывшихъ запорожскихъ старшинъ Бѣлаго, Чепѣги и Головатаго, были кое-какъ собраны въ одно „войско“ и главное начальствованіе надъ козаками, согласно съ ихъ желаніемъ, было поручено Сидору Бѣлому. Бѣлый носилъ званіе войсковаго атамана и пытался было устроить Сѣчь у днѣпровскаго лимана съ Кинбурнской стороны. Войску была даже возвращена часть регалій запорожской Сѣчи—знамена, булава кошеваго и перначи, и дана собственная уже его войсковая печать [1]). Тѣмъ не менѣе на всемъ этомъ лежали черты какой-то вынужденной дѣланности. Сѣчь въ сущности представляла собою временный военный станъ, всецѣло находившійся въ распоряженіи русскихъ генераловъ, какъ часть дѣйствовавшей въ то время русской арміи. У войска не было надлежащей точки опоры для самостоятельнаго существованія—не было своей собственной земли, хотя въ 1788 г. и было уже сдѣлано обѣщаніе пожаловать землю „для поселенія въ керченскомъ кутѣ или на Тамани“ [2]).

Позже, въ 1790 году, черноморскому войску была отведена подъ поселеніе земля между рр. Днѣстромъ и Бугомъ. Войско здѣсь основало около 25 крупныхъ поселеній и не мало хуторовъ. Здѣсь поселились уже, кромѣ бездомной сиромы, и семейные ко-

---

[1]) Короленко, «Черномоцы», стр. 6.

[2]) Тамъ же, прил. III, стр. 3.

заки. Войско вмѣстѣ съ тѣмъ сохранило нѣкоторые остатки сѣчеваго устройства. Оно имѣло свой кошъ въ селеніи Слободзеѣ, своихъ кошеваго атамана, судью, писаря и есаула. Были учреждены также три полковыя паланки: березанская, поднѣстрянская и кинбурнская. Однако не смотря на все это, козаки все таки не чувствовали твердой почвы подъ собою, „не видѣли, по свидѣтельству Котляревскаго, точнаго тому положенія". Отъ старинной сѣчевой іерархіи остались одни лишь осколки, немногіе выборные старшины могли быть таковыми только съ согласія и утвержденія правительства, а, главное, казачество хорошо видѣло и понимало, что ему не ужиться рядомъ съ помѣщиками и что самая принадлежность ему указанныхъ земель была сомнительна.

И дѣйствительно, уже въ 1791 г. черноморцы получили повелѣніе переселиться изъ-за Буга на Таманскій или Фанагорійскій полуостровъ. Черноморцамъ такимъ образомъ не только предстояло бросить нѣсколько насиженныя уже мѣста, но въ перспективѣ виднѣлось нѣчто еще болѣе худшее: Таманскій полуостровъ представлялъ такой клочекъ земли, на которомъ было-бы тѣсно войску даже при тогдашнемъ его составѣ; но черноморцы, сплоченные уже въ одну козачью общину, нашлись въ этихъ крутыхъ обстоятельствахъ и вышли изъ нихъ побѣдителями. Имъ помогла тутъ привычка къ самоуправленію и желаніе добиться, во чтобы то ни стало, самостоятельной жизни.

Въ сущности, конечно, самое возникновеніе козачества обязано иниціативѣ и заботамъ исключительно самихъ-же козаковъ; они, въ лицѣ своихъ старшихъ, подали объ этомъ адресъ Екатеринѣ II, они ходатайствовали раньше о томъ-же предъ всесильнымъ Потемкинымъ. Позже, въ 1789 г., когда козачество ощутило надобность въ собственной своей землѣ и когда какъ по этому вопросу, такъ и относительно приравненія козачьей службы къ донской въ военномъ отношеніи, между пѣшими и конными козаками произошли несогласія, бывшій тогда войсковымъ атаманомъ Чепѣга просилъ войскового судью Антона Головатаго „приложить стараніе привесть и пѣхотную команду о землѣ въ единомысліе, а также и о донской службѣ" [1]). Вслѣдствіе этого Головатый собралъ на островѣ

[1]) Тамъ-же, стр. 56.

Березани козачью раду изъ пѣхотныхъ козаковъ, которые и выразили свое согласіе относительно ходатайства о землѣ въ особомъ приговорѣ. Такимъ образомъ случай этотъ показываетъ, что общинная самодѣятельность была видною характерною чертою въ жизни черноморскаго козачества: община, а не отдѣльныя ея лица или даже представители, являлась окончательнымъ судьею и вершителемъ дѣлъ по важнѣйшимъ вопросамъ этой жизни.

Особенно-же ярко отмѣченная черта выразилась при переселеніи черноморцевъ изъ-за Буга на Кубань. Получивъ приказаніе о переселеніи, козаки на общей войсковой радѣ порѣшили послать прежде всего опытныхъ людей для осмотра Тамани и прилегавшихъ къ ней земель. Такимъ лицемъ былъ избранъ войсковый есаулъ Мокій Гуликъ съ командою козаковъ: затѣмъ, по приговору войсковой рады, судья Антонъ Головатый съ нѣсколькими войсковыми товарищами были избраны въ депутаты къ императрицѣ для исходатайствованія правъ „на вѣчно спокойное погомственное владѣніе“ тою землею, которую намѣтило для себя козачество. Депутаціи было вручено прошеніе на имя императрицы отъ имени всего войска и особая инструкція относительно тѣхъ пунктовъ, о которыхъ депутація должна была хлопотать. Не смѣя даже заикнуться о правахъ бывшей запорожской Сѣчи, войско принуждено было пустить въ ходъ хитрость. Такъ, оно скромно просило объ отдачѣ ему во владѣніе земель „на Тамани съ окрестностями оной“, а окрестности эти, по занимаемому ими пространству, въ 30 разъ превышали самый таманскій полуостровъ. Такъ оно не заикнулось и словомъ объ организаціи самоуправленія, а впослѣдствіи выработало свой собственный законодательный актъ, служившій въ сущности снимкомъ съ организаціи самоуправленія въ запорожской Сѣчи.

Результатомъ хлопотъ депутаціи въ Петербургѣ были двѣ жалованныя грамоты отъ 30 іюня и отъ 1 іюля 1792 года[1]). Въ этихъ грамотахъ были выражены тѣ начала, которыя легли потомъ въ основу общиннаго самоуправленія черноморскихъ козаковъ. Надо отдать полную справедливость той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала въ этомъ отношеніи козачья депутація и въ

[1]) П. С. Іок., т. XXIII, стр. 342 и 346.

особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и бандуру, и чудачество козака-малоросса, этотъ замѣчательно умный человѣкъ на столько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти козачьихъ выраженіяхъ.

На основаніи первой изъ этихъ грамотъ, войско представляло собою коллективное юридическое лице; земля была отдана ему также въ коллективную собственность; войску положено было опредѣленное жалованье, дарована свободная внутренняя торговля и вольная продажа вина на войсковыхъ земляхъ, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено употребленіе другихъ регалій бывшей Запорожской Сѣчи; въ административномъ отношеніи войско подчинено было таврическому губернатору, но имѣло свое собственное начальство, такъ называемое „войсковое правительство“, состоявшее изъ войсковаго атамана, судьи и писаря; хотя затѣмъ въ грамотѣ и выражено было, „чтобы земское управленіе сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными учрежденіями о управленіи губерній“, но войсковому правительству предоставлена была „расправа и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ войскѣ“, и только „важныхъ преступниковъ“ повелѣвалось отсылать къ таврическому губернатору „для осужденія по законамъ“; наконецъ, на черноморское войско возложены были „бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ“.

Вторая грамота, отъ 1 іюля, обнимала собственно вопросъ о переселеніи козаковъ изъ-за Буга на Кубань и о пожалованіи старшинамъ патентовъ на офицерскіе чины.

Такимъ образомъ, въ грамотахъ не было прямыхъ указаній на то, въ какой формѣ должно было выразиться самоуправленіе войска. На дѣлѣ-же войско придерживалось уже въ этомъ отношеніи порядковъ Запорожской Сѣчи. Оно воспользовалось, поэтому, какъ неопредѣленностью оффиціальныхъ документовъ, такъ и прецедентомъ сложившейся уже практики, и выработало въ формѣ писанныхъ правилъ 1794 года, извѣстныхъ подъ именемъ „Порядка общественной пользы“ [1]), свою особую организацію козачьяго само-

[1]) Ив. Попка. «Черноморскіе козаки», стр. 277—288.

управленія. „Вспоминая первобытное войска подъ названіемъ запорожцевъ состояніе“, войсковое правительство постановило въ этомъ замѣчательномъ документѣ слѣдующія важнѣйшія правила:

Въ войскѣ должно было существовать „войсковое правительство, на всегда управляющее войскомъ“, и состоявшее изъ кошеваго атамана, войсковаго судьи и войсковаго писаря.

„Ради войсковой резиденціи“ основанъ городъ Екатеринодаръ.

Въ Екатеринодарѣ, „ради собранія войска и прибѣжища бездомовныхъ козаковъ“, устроено было 40 куреней, изъ которыхъ 38 носили тѣ-же названія, что и въ Запорожской Сѣчи; а все войско положено было „поселить куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ“.

Въ каждомъ куренѣ ежегодно, 29 іюня, положено было избирать куреннаго атамана.

Куренные атаманы обязаны были безотлучно находиться при куреняхъ, дѣлать наряды по службѣ, примирять тяжущихся и „разбирать голословно маловажныя ссоры и драки“, а „за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству“.

Старшины, безъ должности, должны были повиноваться въ куреняхъ „атаману и товариществу“, а этимъ послѣднимъ въ свою очередь предписывалось уважать старшинъ.

„Для завѣдыванія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгоденственному спокойствію благоустройнаго порядка“, войсковая территорія была раздѣлена на пять округовъ.

Для управленія округами въ каждомъ изъ нихъ полагалось „окружное правленіе“, состоявшее изъ полковника, писаря, асаула и хорунжаго и имѣвшее свою окружную печать съ гербомъ.

Окружныя правленія и лица, составлявшія ихъ, обязаны были „чинить непремѣнное и немедленное исполненіе“ письменныхъ распоряженій войсковаго правительства. На правленіе, кромѣ того, возложено было имѣть попеченіе объ экономическихъ нуждахъ населенія, „а также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать“, заботиться объ исправномъ и своевременномъ вооруженіи козаковъ, о дорогахъ и мостахъ, о благоустройствѣ и чистотѣ въ куренныхъ селеніяхъ, о пожарной части, о преслѣ-

дованіи воровъ и грабителей и о мѣрахъ противъ повальныхъ болѣзней на людяхъ и на скотѣ.

Въ частности козакамъ какъ чиновнымъ, такъ и рядовымъ, дозволено было заводить на войсковой землѣ и угодьяхъ дворы, хутора, мельницы, лѣса, сады, виноградники и рыбные заводы, а „въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ общихъ сего войска благъ“, позволялось, кромѣ того, селить при хуторахъ родственниковъ и „вольноотпущенныхъ людей“.

Собственно для окружныхъ правленій была выработана также особая инструкція, въ которой подробно были изложены права и обязанности окружной администраціи, какъ земской полиціи и исполнительнаго органа.

Таковы въ существенныхъ чертахъ были порядки того самоуправленія, которымъ должны были начать свою новую жизнь на Черноморіи наслѣдники Запорожья. Сравнивая эти порядки съ тѣмъ, чѣмъ пользовалось въ этомъ отношеніи Запорожье, нельзя конечно не замѣтить, что права козачества были значительно съужены. Для Запорожской Сѣчи почти не существовало никакихъ законовъ, изданныхъ центральнымъ правительствомъ; она сама составляла свои законы, на основаніи обычая, и даже карала своихъ преступныхъ сыновъ смертною казнію. Управленіе-же черноморскимъ войскомъ предписывалось въ жалованной грамотѣ сообразовать съ узаконеніями по управленію губерніями. Въ Запорожьѣ широко практиковалось выборное начало. Въ Черноморіи оно было оставлено только для мелкихъ единицъ—куреней. Въ Запорожьи старшина была выборною. На Черноморіи, разъ козакъ занялъ въ войсковой іерархіи чиновное мѣсто, за нимъ закрѣплялось званіе пана правительственными дипломами навсегда.

Съ другой стороны, за козачествомъ были оставлены, во первыхъ, право войсковой земельной собственности и, во вторыхъ, куренное самоуправленіе, т. е. такого рода устои, на которыхъ крѣпко могла еще стоять общинная жизнь козачества. Козаки вообще старались удержать даже внѣшнія черты сѣчеваго устройства. Такъ, были оставлены курени въ Екатеринодарѣ; подъ именемъ округовъ были учреждены тѣ-же запорожскія паланки, въ которыхъ, какъ и въ Запорожьи, администрацію составляли полковникъ, писарь, асаулъ

и хорунжій; администрація эта ежегодно выбиралась войсковымъ правительствомъ, т. е. если не самимъ товариществомъ, то все таки его представителями, составлявшими коллегіальное учрежденіе; въ сферѣ обыденныхъ отношеній предписывалось даже почитать, какъ и въ Запорожья, старшинъ непроходившихъ общественной службы и проч. Но суть конечно заключалась въ перенесеніи самоуправленія въ курень.

Такимъ образомъ, въ Черноморіи въ первый разъ ясно обозначилась та диференцировка автономныхъ функцій козачества, благодаря которой одна часть этихъ функцій перешла къ центральному правительству, а другая осталась за войскомъ въ формѣ спеціальныхъ его правъ. Высшая администрація козачества, представляя собою одну лишь внѣшнюю форму сѣчевой администраціи, безъ внутренняго правоваго содержанія, была собственно органомъ правительственнымъ, такъ какъ и назначалась, и смѣнялась, и руководилась, и была отвѣтственною исключительно предъ центральнымъ правительствомъ. Самоуправленіе затѣмъ замкнулось въ тѣсныя рамки куренной, сельской общины.

Не само конечно козачество додумалось до подобной реорганизаціи вѣковой своей жизни, но привели его къ ней историческій ходъ событій, обстоятельства внѣшнія, которыя должны были съузить широкое приволье козачьей жизни. Подъ вліяніемъ ихъ, козачество работало несомнѣнно въ духѣ своихъ вѣковыхъ идеаловъ и съумѣло разбить безсемейную Запорожскую Сѣчь на сорокъ мелкихъ черноморскихъ сѣчей, въ основу которыхъ, по словамъ грамоты, должно было лечь „распространеніе семейственнаго житія“; но если при этомъ оно измѣнило и ограничило свою внутреннюю организацію, то это зависѣло не отъ превращенія безсемейнаго козачества въ семейное, а условливалось обстоятельствами чисто внѣшними—требованіями и интересами центральнаго правительства.

Но и упомянутое сѣчевое устройство черноморскаго козачества существовало безъ измѣненій только до 1801 года, когда войску была дана новая грамота императоромъ Павломъ, значительно измѣнившая прежнее козачье устройство и изгнавшая изъ употребленія даже нѣкоторыя названія лицъ и учрежденій, заимствованныхъ черноморцами изъ Запорожской Сѣчи. Напрасно раньше, въ 1797 году, кошевой атаманъ Т. Т. Котляревскій хлопоталъ о томъ,

чтобы дозволено было войсковое правительство „именовать по прежнему Кошемъ войска вѣрныхъ черноморскихъ козаковъ“ и заботился о пожалованіи войску „бунчука и трости войсковой, поелику сіи привиллегіи были въ войскѣ запорожскомъ жалованными“. Атаманъ видимо желалъ удержать хотя-бы одни внѣшнія черты стараго сѣчеваго устройства, чтобы покрайней мѣрѣ они напоминали молодому козачеству о былой автономіи его дѣдовъ и отцовъ. Но центральное правительство въ свою очередь неизмѣнно шло по разъ намѣченному пути. Въ силу упомянутой грамоты, вмѣсто „войсковаго правительства“, была учреждена „войсковая канцелярія“, въ которой должны были присутствовать отъ войска атаманъ и два члена, а отъ правительства „особа“ по назначенію отъ него; при канцеляріи-же долженъ былъ состоять правительственный прокуроръ. Въ дѣловомъ отношеніи, согласно съ образцами тогдашняго бюрократизма, канцелярія была раздѣлена на шесть „экспедицій“—криминальную, гражданскую, казенную, межевую, полицейскую и сыскную. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, указомъ императора Павла отъ 13 ноября, войско было раздѣлено въ военномъ отношеніи на 20 полковъ.

Въ царствованіе Александра I, указомъ отъ 25 февраля 1802 г., вновь положено было учредить „войсковое правительство съ такимъ-же числомъ присутствующихъ, какъ и въ донскомъ войскѣ“, а въ войсковой канцеляріи донскаго войска, въ силу того-же указа, повелѣно было присутствовать войсковому атаману, двумъ непремѣннымъ членамъ и четыремъ ассесорамъ, при чемъ учрежденные при Павлѣ экспедиціи, за исключеніемъ полицейской, положено было совсѣмъ уничтожить. По воинскимъ дѣламъ Черноморію приказано было подчинить инспектору крымской инспекціи, а по части гражданской—таврическому губернскому начальству и „особенно управляющему губерніею“. Затѣмъ участіе въ войсковомъ правительствѣ „особаго генерала“ также рѣшено было отмѣнить, оставивъ лишь прокурора [1]). Такимъ образомъ, благодаря этому узаконенію, былъ сдѣланъ какъ-бы шагъ назадъ къ прежнему козачьему устройству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣленіе войска на 20 полковъ въ военномъ отношеніи осталось въ своей силѣ.

[1]) Пол. собр. зак., т. XXVII, стр. 54.

По словамъ г. Попки, старые казаки рѣзко отличали то устройство казачества, какое послѣднимъ было получено въ силу узаконеній Павла и Александра I, отъ прежняго, выраженнаго письменно въ „Порядкѣ общественной пользы", обозначая его въ своихъ воспоминаніяхъ лаконически: „до полковъ". И на самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи замѣчалась видимая разница, хотя разница эта началась раньше дѣленія войска на полки. Такъ, первые три кошевые атамана—Бѣлый, Чепѣга и Головатый, были еще избраны козачествомъ по старинному обычаю на войскокой радѣ и только утверждены правительствомъ; четвертый затѣмъ Котляревскій былъ уже прямо назначенъ правительствомъ, безъ всякаго выбора, и съ этихъ поръ войсковые атаманы назначались правительствомъ изъ среды козаковъ до 1855 года, когда назначеніе войсковыхъ атамановъ начало производиться изъ однихъ лицъ не козачьяго происхожденія. Грамотою императора Павла были совсѣмъ уничтожены зданія войсковаго судьи и войсковаго писаря. Дѣленіе на полки, ослабивъ отчасти у козаковъ право собственныхъ военныхъ распорядковъ, наложило на войско узы внѣшней сторонней регламентаціи. Назначеніе въ войсковую канцелярію довѣренныхъ отъ центральнаго правительства лицъ, помимо выраженнаго самимъ фактомъ войску недовѣрія, связывало козачью администрацію въ области самостоятельныхъ ея дѣйствій и начинаній. Однимъ словомъ, послѣдними правительственными распоряженіями окончательно были стерты слѣды собственно войсковаго козачьяго самоуправленія. Отъ запорожской Сѣчи осталось одно куренное, общинное въ тѣсномъ смыслѣ, самоуправленіе.

И такъ, начало теперешняго общиннаго самоуправленія черноморцевъ надо искать въ томъ отдаленномъ времени, когда на Черноморіи существовала куренная община, позаимствованная въ свою очередь изъ запорожской Сѣчи.

На сколько можно судить объ этомъ отдаленномъ времени, куренное самоуправленіе цѣликомъ держалось на народныхъ обычаяхъ и традиціяхъ. Писанныхъ законовъ не существовало для этой мелкой козачьей общины. Куренный атаманъ былъ лицемъ выборнымъ и ежегодно смѣняемымъ, по желанію избравшей его общины, разъ онъ былъ ей не угоденъ. Куренное общество или кругъ было традиціонною козачьею громадою, вершившею свои общественныя

дѣла на общихъ радахъ. Тутъ, на этихъ радахъ, товарищество и атаманъ обсуждали свои нужды, распредѣляли выполненіе общинныхъ повинностей, устанавливали извѣстнаго рода хозяйственные порядки и чинили судъ и расправу въ тѣхъ границахъ, какія позволялись имъ войсковою администраціею, но какія, впрочемъ, были не ясно опредѣлены, а потому, и еще болѣе по старой привычкѣ, часто преступались козачествомъ.

Впрочемъ, собственно въ исполнительныхъ органахъ куреннаго управленія въ разное время были вводимы нѣкоторыя измѣненія. Обычнымъ представителемъ общины былъ въ этомъ отношеніи атаманъ, при которомъ состоялъ писарь. Но затѣмъ въ одно время, кромѣ куренныхъ атамановъ, были такъ называемые сельскіе атаманы, въ другое время, именно во время водворенія переселенцевъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, назначились „смотрителя“ во вновь устраивавшіяся селенія. Въ концѣ концевъ куренное правленіе составляли куренной атаманъ и два куренные судьи, съ неизбѣжнымъ писаремъ, на которомъ лежало веденіе канцелярской части. Всѣ эти лица были выборными и первыя три лица, кромѣ исполнительной роли, несли обязанности ближайшей судебной инстанціи, роль которой, впрочемъ, какъ-то терялась въ куренномъ козачьемъ „кругѣ“ или „радѣ“, представлявшемъ собою высшую инстанцію козачьяго куреннаго самоуправленія.

Въ такомъ видѣ куренное самоуправленіе существовало до 1842 года, когда то, что держалось въ куренныхъ общинахъ на обычаѣ и традиціяхъ, въ первый разъ было формулировано и занесено въ правительственныя законоположенія. Въ этомъ году вышло первое казачье Положеніе.

Положеніемъ 1842 года[1]) управленіе черноморскимъ козачьимъ войскомъ было подраздѣлено на военные и гражданское. Для военнаго управленія были учреждены войсковое и окружныя дежурства. Въ гражданскомъ-же отношеніи органы управленія распадались на войсковыя, окружныя и станичныя.

Къ войсковымъ учрежденіямъ относились: 1) войсковое правленіе, 2) войсковая врачебная управа, 3) войсковая прокуратура, 4) торговый словесный судъ и 5) полиція города Екатеринодара.

---

[1]) П. С. Зак., т. XVII.

Существенный органъ въ козачьемъ управленіи представляло собственно войсковое правленіе, которое состояло изъ четырехъ экспедицій: исполнительной, хозяйственной, поземельной и гражданской.

Окружное гражданское управленіе въ свою очередь распадалось: 1) на окружной судъ, 2) окружное сыскное начальство, 3) словесный мировой судъ и 4) окружную прокуратуру въ лицѣ окружнаго стряпчаго. Существенное значеніе въ дѣлѣ козачьяго управленія имѣли собственно окружные суды и въ особенности сыскныя начальства. Въ составъ первыхъ входили судья и два засѣдателя—одинъ отъ чиновниковъ и одинъ отъ козаковъ. Такъ какъ въ засѣдатели выбирались обыкновенно лица станичными сходами, то въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, въ положеніи 1842 г. было допущено нѣчто въ родѣ участія куренной или станичной общины въ войсковомъ управленіи. Но это было именно только нѣчто. Въ силу самаго положенія, попавшія въ засѣдатели отъ козаковъ лица могли участвовать въ рѣшеніяхъ тѣхъ только дѣлъ, которыя касались станицы или козаковъ. Засѣдатели, слѣдовательно, являлись въ такихъ случаяхъ лишь защитниками интересовъ рядоваго козачества; но такая защита могла быть игрушкою въ рукахъ всесильнаго пана, который засѣдалъ во всѣхъ козачьихъ учрежденіяхъ и ворочалъ всѣмъ, конечно, не въ обиду и не въ убытокъ себѣ.

Наконецъ, станичныя учрежденія составляли собственно органы козачьяго самоуправленія. Это были станичный сборъ и станичное правленіе, въ которыхъ выражалась юридически автономная дѣятельность станицы или вѣрнѣе станичнаго общества.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя статьи Положенія 1842 года о черноморскомъ войскѣ были приравнены къ однохарактернымъ статьямъ Положенія отъ 26 мая 1635 года о донскомъ войскѣ, и такъ какъ послѣднее было издано раньше перваго, то въ извѣстныхъ случаяхъ черноморскіе козаки должны были руководиться имъ. Такъ, въ области собственно станичнаго управленія черноморское войско должно было придерживаться главы XVI „Наказа гражданскому управленію войска донскаго“ и „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія“, а также главы Положенія о порядкѣ станичныхъ выборовъ. Это конечно не означало, что станичное самоуправленіе черноморцевъ было перемѣнено на иной ладъ.

Нѣтъ, на указанныхъ пунктахъ у черноморцевъ и донцевъ было много общаго, къ которому они пришли путемъ самостоятельной жизни и развитія.

Согласно обоимъ казачьимъ Положеніямъ и черноморскому и донскому, каждая станица въ лицѣ полноправныхъ общинниковъ представляла собою отдѣльное станичное общество, на которомъ лежали хозяйственные распорядки, касавшіеся всей станицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ станичному обществу была оставлена часть правъ стариннаго казачьяго круга или рады. Такъ, общество на полномъ сборѣ могло судить и наказывать своихъ членовъ „за маловажные проступки", „за бродяжество" и прочее. Въ частности автономныя функціи станичной общины были раздѣлены между двумя органами—станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ.

Какъ гласитъ параграфъ 115 упомянутыхъ „Отдѣльныхъ правилъ къ наказу гражданскаго управленія", станичный сборъ долженъ былъ руководиться „въ сужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ" тѣмъ общимъ основаніемъ, „чтобы общественная собственность со стороны всякаго незаконнаго притязанія оставалась совершенно неприкосновенною, чтобы польза общая всегда предпочитаема была частной; чтобы всѣ обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто изъ нихъ не присвоялъ не принадлежащаго ему; чтобы не былъ упущенъ изъ виду ни одинъ источникъ, могущій приносить станицѣ доходъ, а по расходамъ была соблюдена строгая хозяйственность и отчетность; чтобы мѣры взыскательности служили къ неослабному сохраненію и утвержденію древнихъ обычаевъ, доброй нравственности по общежитію и въ семействахъ, благочестія, чинопочитанія и уваженія къ старшимъ, и всегдашней готовности къ исполненію обязанностей службы; чтобы тѣлесное наказаніе опредѣлялось по однимъ яснымъ и никакому сомнѣнію не подверженнымъ доводамъ; чтобы престарѣлые, дряхлые и больные, неимѣющіе покрова, обрѣтали пристанище и успокоеніе, а сироты обезпечивались въ своемъ достояніи; чтобы искоренялось пристанодержательство подозрительныхъ людей, бродяжество нищихъ и прочее". Самые-же подлежавшіе обсужденію станичнаго сбора предметы подраздѣлялись на двѣ категоріи: по однимъ изъ нихъ, каковы „распоряженія по земельному довольствію, назначеніе опекуновъ, опредѣленіе мѣры тѣлеснаго наказанія" и т. п., постановленія мо-

гли производиться не менѣе, какъ $^2/_3$ голосовъ всѣхъ домохозяевъ; по другимъ, какими были разборъ ссоръ и дракъ, дѣла о буйствѣ и непослушаніи въ нетрезвомъ видѣ и проч., постановленія могли производиться и неполнымъ сборомъ.

Собственно станичное правленіе представляло собою „мѣстную исполнительную власть, дѣйствовавшую на пространствѣ юрта каждой станицы." Въ составъ станичнаго правленія входили станичный атаманъ и двое судей, которые выбирались обществомъ на полномъ сборѣ и утверждались въ своей должности войсковымъ атаманомъ на три года. Кромѣ того, при каждомъ станичномъ правленіи полагалось по два писаря, но, по своему положенію, они не принадлежали къ составу станичной администраціи, хотя въ дѣйствительности и играли именно такую роль. Какъ исполнительному органу, станичному правленію должно было подчиняться „все народонаселеніе станицы".

Съ другой стороны, станичному правленію была присвоена въ извѣстныхъ предѣлахъ и судебная функція. Ему было предоставлено право „неукоснительно производить словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже двадцати рублей, потраву чужаго хлѣба или сѣна, поврежденіе сада и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія". Но въ такихъ случаяхъ, разобравъ извѣстное дѣло и записавъ кратко сущность его въ журналѣ, станичное правленіе передавало его на судъ станичнаго общества. Въ свою очередь станичное „общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашалось съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагало свое рѣшеніе." Такимъ образомъ, функціи станичнаго суда распредѣлялись между станичнымъ сборомъ и станичнымъ правленіемъ, причемъ послѣднее играло роль предварительной слѣдственной власти, а первый имѣлъ значеніе высшей судебной инстанціи.

Къ тому времени, когда было издано Положеніе 1842 года о черноморскомъ войскѣ, войско это уже окончательно сложилось въ сословномъ отношеніи. То, что было только въ зародышѣ при заселеніи края, въ это время стало вполнѣ законченнымъ фактомъ.

Прежняя старшина превратилась въ пановъ, въ дворянское сословіе. Рядомъ съ этимъ сословіемъ вышло изъ той-же среды рядоваго козачества и козачье духовенство. Занявъ опредѣленное мѣсто въ войскѣ, оба сословія стали, разумѣется, въ извѣстныя отношенія къ сѣрой массѣ. Принадлежность ихъ къ войску давала имъ права рядоваго козачества, а чиновное положеніе предоставляло преимущества привиллегированныхъ людей. Въ положеніе 1842 года въ первый разъ занесено одно изъ такихъ преимуществъ для дворянства. Помимо обычныхъ козачьихъ правъ на землю въ количествѣ 30 дес., дворянскому сословію было предоставлено въ пожизненное пользованіе по 1500 дес. на генерала, по 400 дес. на штабъ-офицера и по 200 дес. на оберъ-офицера. Это, понятно, должно было еще рѣзче выдѣлить офицеровъ и чиновниковъ изъ массы рядоваго козачества.

Исторія черноморскаго войска богата вообще фактами самаго безцеремоннаго отношенія пановъ къ куренному самоуправленію. Съ особенною яркостью выразилось это въ захватѣ панами лучшихъ земельныхъ угодій и въ исключительномъ пользованіи ими. Какъ примѣръ такихъ отношеній, можно привести здѣсь слѣдующій фактъ. Въ 1823 г. общество и атаманъ „вновь устроеннаго селенія на Албашахъ“, впослѣдствіи новодеревянковскаго куреня, послали козака Павла Вариводу къ полковому хорунжему Пичкѣ для уговора на счетъ того, чтобы Пичка не толочилъ своимъ скотомъ „кута“, оставленнаго обществомъ подъ общій для него и Пички сѣнокосъ, на что раньше изъявилъ согласіе самъ Пичка. „Но, какъ говорится въ жалобѣ атамана въ комитетъ по переселенію, онъ, г. Пичка, не взирая на просьбу общества, посланнаго козака Вариводу первѣе разругалъ разнообразно, потомъ билъ его плетью до удовольствія своего и отобралъ плеть; еще имѣлъ противозаконныя похвалки смерти предать“ [1]). И подобными фактами, повторяемъ, полна исторія козачьяго самоуправленія.

Само собою понятно, что тамъ, гдѣ позволяли обстоятельства, рядовое козачество всячески старалось отстоять свою общинную самостоятельность. Старинные козачьи обычаи были еще сильны; козачество не могло еще забыть своей прежней автономіи, и община

[1]) Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

часто переступала тѣ границы, которыя были положены ей въ этомъ отношеніи писаннымъ закономъ. Такъ, въ той-же новодеревянковскій станицѣ общество постановило въ 1847 г. удалить изъ своей среды заштатнаго священника изъ козаковъ. Постановленный на этотъ счетъ приговоръ на столько любопытенъ самъ по себѣ, что не лишне будетъ привести его здѣсь въ существенныхъ чертахъ. Заштатный священникъ Иванъ Ивановъ, гласитъ приговоръ, „дѣлалъ намъ разныя притѣсненія, оскорбленія и обиды; рѣдкій изъ насъ не испыталъ отъ него неистерпимыхъ ругательствъ и побоевъ, особенно въ пьяномъ видѣ, въ коемъ онъ довольно часто упражняется". Жалобы на священника „были неисчислимы, но удовлетвореній (по нимъ) никто не получалъ". Правда, было сдѣлано распоряженіе о высылкѣ священника Иванова въ монастырь, но оно не приведено въ исполненіе. Къ тому-же, со времени смерти жены священника, за хозяйку у него живетъ „станицы новомлинской женщина Варвара Губарева развратнаго поведенія, вздорнаго и строптиваго характера и рѣшительно испорченной нравственности. Будучи близкою къ нему, какъ домоправительница, она подстрекаетъ и вооружаетъ Иванова противъ многихъ изъ насъ". А посему общество поручаетъ станичному правленію „ходатайствовать о скорѣйшемъ удаленіи изъ станицы, ради нашего спокойствія, вздорнаго и буйнаго священника Иванова, а его развратную и безнравственную домоправительницу Варвару Губареву заразъ удалить изъ среды насъ, куда будетъ благоугодно начальству" [1]). И затѣмъ подъ приговоромъ стоитъ 119 подписей.

Такимъ образомъ, куренная или станичная община была въ сущности общиною всесословною. Въ составъ ея входили вмѣстѣ съ рядовыми козаками и козачьи офицеры или чиновники, а мѣстами даже духовенство. Лица изъ дворянскаго сословія, не рѣдко выбирались станичными атаманами, хотя, по весьма понятной причинѣ, станичники и предпочитали имъ своего брата-козака. На сходахъ, въ дѣлахъ всей общины одинаково участвовали и козаки, и офицеры, и духовныя лица козачьяго происхожденія. И если объ участіи офицеровъ въ прежнемъ самоуправленіи станицъ козаки сохранили темныя воспоминанія, то лица духовныя играли иногда

[1]) Изъ архива новодеревянковскаго станичнаго правленія.

въ этомъ самоуправленіи довольно почтенную роль. Козакъ-священникъ всегда былъ уважаемымъ лицемъ въ станицѣ. За немногими исключеніями, масса сохранила объ этихъ священникахъ добрыя воспоминанія, выдѣляя ихъ изъ рядовъ остальнаго, пришлаго духовенства. Это было свое, „козàче“, по выраженію черноморцевъ, духовенство, ставшее таковымъ большею частію по „собственному призванію“, по желанію общинъ и по ходатайствнмъ ихъ предъ епархіальнымъ начальствомъ путемъ представленія такъ называемыхъ „одобрительныхъ приговоровъ“. Неудивительно, что такого рода духовныя лица имѣли авторитетный голосъ по многимъ вопросамъ на станичныхъ сходахъ, которые эти лица обыкновенно обязательно посѣщали.

Инымъ путемъ и въ иныхъ формахъ шло развитіе внутреннихъ распорядковъ въ козачьихъ общинахъ Старой и Новой Линій. Съ самаго возникновенія этихъ общинъ и до 1870 года, въ жизни ихъ играло чрезвычайно важную роль военное начало. Тутъ не было такой органической связи съ прошлымъ козачества, какая чувствовалась на каждомъ шагу въ черноморскомъ войскѣ. Управленіе здѣсь отличалось своего рода простотою, но это была простота военной дисциплины. Общинная жизнь долго тлѣла подъ покровомъ военнаго приказа и всецѣло подчинялась ему. Поэтому, и исторія здѣшняго самоуправленія не отличается ни характерными эпизодами самостоятельнаго развитія, ни сложностью послѣдняго.

Ядро козачьихъ общинъ на Линіи составили донскіе выходцы. Они попали сюда въ 1794 году, какъ ослушники начальству, и слѣдовательно, по отношенію къ организаціи самоуправленія оказались еще въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ черноморцы. Правда, линейцы могли перенести съ собою на Кубань изъ стараго мѣстожительства вполнѣ выработанные и сложившіеся уже порядки самоуправленія донскихъ козаковъ. Но, во первыхъ, на Кубани были условія не тѣ, что на Дону, а во вторыхъ, переселенцы были водворены на Линіи, какъ мятежники. Размѣщенные въ шести станицахъ, основанныхъ на мѣстѣ бывшихъ до того военныхъ укрѣпленій, они составили кубанскій полкъ и, какъ пограничный полкъ, получили строго военную организацію. Во главѣ всѣхъ станицъ стоялъ полковой командиръ, отъ котораго зависѣла козачья старшина, командовавшая и распоряжавшаяся вмѣстѣ съ командиромъ

станицами. Собственно-же станичное самоуправленіе связано было съ мелочами обыденной жизни и держалось на обычаѣ, при посредствѣ станичныхъ круговъ или сходовъ.

Чрезъ десять лѣтъ, въ 1803 и 1804 годахъ, на Кубани было основано еще пять станицъ. Это уже были не донцы, а переселенцы изъ Слободской Украйны, входившіе раньше въ составъ екатеринославскаго войска. Получивъ такую-же военную организацію, какая дана была ихъ предшественникамъ донцамъ, эти новые поселенцы образовали особый, кавказскій полкъ. Согласно указу военной коллегіи отъ 11 іюля 1803 г., въ военномъ отношеніи полкъ этотъ долженъ былъ состоять изъ полковаго командира, 5 асауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, одного квартирмейстра, одного полковаго писаря и 500 козаковъ. Но такъ какъ въ наличности не оказалось полнаго количества козачьей старшины; то инспектору кавказской инспекціи генералу Кнорринту было предписано, „чтобы онъ отрядилъ въ станицы надежнѣйшаго штабъ-офицера и приказалъ-бы въ присутствіи его учинить выборъ: во первыхъ въ войсковые старшины двухъ или трехъ кандидатовъ, достойныхъ и заслуженныхъ чиновниковъ, а потомъ въ асаулы, сотники и хорунжіе“ [1]). Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ козачеству было предоставлено одно изъ тѣхъ правъ, которое составляло существенную черту старинаго козачьяго самоуправленія. Это, впрочемъ, была лишь временная мѣра. Козаки, получивъ полковую организацію, въ отношеніи самоуправленія были поставлены въ общія съ донскими выходцами условія.

Полковое устройство на долго потомъ осталось у линейцевъ господствующею формою управленія. За нимъ какъ-то ступевывалось самоуправленіе станицъ, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія всецѣло были подчинены станичнымъ начальникамъ (атаманамъ), которые назначались военною администраціею изъ чиновныхъ козаковъ, а не выбирались станичными обществами, какъ это велось на Черноморіи. Въ 1832 г. изъ упомянутыхъ линейныхъ полковъ и изъ козаковъ, жившихъ въ области р. Терека, образовано одно кавказское линейное козачье войско, получившее, какъ и другія войска, своего атамана. Преобразованіе это не имѣло, собственно говоря

[1]) І. Дебу, «О кавказской линіи», изд. 1829 г., стр. 74.

никакого вліянія на самоуправленіе линейныхъ козаковъ. Ихъ станичныя общины остались въ этомъ отношеніи тѣми-же малозначущими единицами, какими были и прежде. Но въ высшемъ козачьемъ управленіи произошла значительная перемѣна: разрозненные до того козачьи полки получили объединеніе подъ властію одного общаго начальника. Точно также и дальнѣйшее расширеніе войска не имѣло никакого вліянія на самый характеръ самоуправленія линейцевъ. Дѣло сводилось только къ увеличенію козачьихъ полковъ, организованныхъ по разъ принятому шаблону. Такъ, одновременно съ образованіемъ кавказскаго линейнаго войска, въ козачество былъ зачисленъ цѣлый рядъ крестьянскихъ, смежныхъ съ козачьими землями, поселеній. Такимъ-же путемъ, въ формѣ полковъ, занята была впослѣдствіи Новая или Лабинская Линія.

Нужно вообще замѣтить, что по отношенію къ организаціи линейнаго козачества центральнымъ правительствомъ на первыхъ порахъ не было издано ни жалованныхъ грамотъ, ни соотвѣтствующихъ имъ, общихъ регламентирующихъ законовъ. Исторія самоуправленія линейныхъ козаковъ въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ исторіи самоуправленія черноморцевъ. Линейный козакъ всегда жилъ болѣе военною дисциплинированною жизнію, чѣмъ черноморецъ. Приказы начальства замѣняли ему законъ центральнаго правительства, и это, разумѣется, находилось въ ближайшей связи съ тою ролью, которая лежала на линейцѣ, какъ пограничномъ воинѣ. Однако, не смотря на то, что военный режимъ сдерживалъ козака въ границахъ возложенныхъ на него обязанностей и что у домашняго очага козакъ находилъ свои обычные порядки, свой судъ и расправу, необходимость въ общемъ, объединяющемъ все козачье управленіе, законѣ должна была чувствоваться по мѣрѣ расширенія войска, съ каждымъ годомъ, все сильнѣе и сильнѣе. Такой законъ дѣйствительно и былъ выработанъ впослѣдствіи въ формѣ „Положенія о кавказскомъ козачьемъ линейномъ войскѣ“ отъ 16 февраля 1845 года [1]).

Въ силу Положенія 1845 года, войско было раздѣлено на 17 полковыхъ округовъ, а управленіе его разграничено на военное и гражданское. Вообще-же мѣстное управленіе составляли: 1) вой-

[1]) Пол. собр. зак., т. XX.

сковой наказный атаманъ, 2) войсковое дежурство, 3) войсковое правленіе, 4) бригадныя управленія, 5) временныя военно-судныя коммисіи, 6) полковыя и станичныя управленія и 7) торговый словесный судъ. Въ хозяйственномъ отношеніи для войска имѣло большое значеніе войсковое правленіе; по отношенію-же собственно къ гражданскому управленію существенную роль играли, съ одной стороны, бригадныя и полковыя управленія, а съ другой станичныя управленія. Всѣ эти учрежденія были связаны между собою въ порядкѣ восходящихъ инстанцій: низшую инстанцію составляли станичныя управленія, а высшую—бригадныя. Бригадныя управленія состояли изъ командира и его канцеляріи, которою заправлялъ бригадный адъютантъ. Въ составъ-же полковыхъ управленій входили предсѣдатель, которымъ былъ полковой командиръ, и 4 или 3 засѣдателя, назначавшіеся исключительно изъ отставныхъ чиновниковъ. Наконецъ, станичныя управленія представляли собою собственно уже органы козачьяго самоуправленія.

Такимъ образомъ, старинный козачій строй линейцевъ, державшійся на дѣленіи войска на полки, остался неизмѣннымъ и по положенію 1845 года. Были лишь расширены рамки высшаго козачьяго управленія, при чемъ военное начало, какъ регулирующій факторъ, по прежнему легло въ основу всѣхъ козачьихъ распорядковъ. Это ярко отразилось на самой станичной общинѣ.

Станичное самоуправленіе линейцевъ значительно отличается отъ такого-же самоуправленія у донскихъ и черноморскихъ козаковъ. Существенное отличіе линейныхъ общинъ въ этомъ отношеніи составляла организація станичныхъ управленій. Въ составъ этихъ учрежденій входили станичный начальникъ и двое судей, но выборными лицами были лишь послѣдніе. Въ силу параграфа 289 положенія, станичные начальники назначались войсковою администраціею и, притомъ, исключительно изъ войсковыхъ офицеровъ или чиновниковъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ одинъ владикавказскій полкъ, да и то не въ пользу козачьяго самоуправленія. Во владикавказскомъ полку, за отсутствіемъ козачьихъ офицеровъ, дозволялось даже назначать станичными начальниками офицеровъ регулярныхъ войскъ. Наконецъ, самое опредѣленіе станичныхъ начальниковъ производилось войсковымъ наказнымъ атаманомъ по представленію бригадныхъ командировъ.

Такое положеніе станичнаго начальника, какъ независимаго ни въ какомъ отношеніи отъ общины лица, обусловливалось чисто военными обстоятельствами. Вѣдая гражданское управленіе станицы, станичный начальникъ былъ по преимуществу военнымъ командиромъ. Такъ, на немъ лежали обязанности принимать въ чрезвычайныхъ случаяхъ „всѣ мѣры къ предупрежденію и отраженію внезапныхъ нападеній на станицу горцевъ"; „онъ заботился, дабы ровъ и валъ около станицы всегда были содержимы въ должной исправности"; онъ долженъ былъ слѣдить за караулами станицы; станичный начальникъ „наблюдалъ, чтобы жители станицы, тамъ, гдѣ это по мѣстности необходимо, выходя на полевыя работы или сѣнокосы, всегда имѣли при себѣ оружіе, на случай внезапнаго нападенія хищниковъ"; на станичномъ же начальникѣ лежали заботы по обученію строевой службѣ малолѣтковъ. Такимъ образомъ, одинъ уже этотъ перечень обязанностей станичнаго начальника указываетъ на ту роль, какую играло это лице въ станичномъ самоуправленіи: послѣднее всецѣло было подчинено станичному начальнику.

Та же печать военной субъординаціи лежала на отношеніяхъ общины даже къ своимъ выборнымъ лицамъ. Судьи выбирались обыкновенно общинами на три года, но, по занимаемому ими положенію, они отличались отъ станичныхъ судей черноморскаго войска. Въ послѣднемъ судьею былъ рядовой казакъ и самое его положеніе, но мимо лежавшихъ на немъ обязанностей, не давало ему никакихъ исключительныхъ правъ на мѣсто въ войсковой чиновной іерархіи. На Линіи-же судья, если онъ даже не былъ офицеромъ, пользовался правами послѣдняго по положенію 1845 года. Какъ относились сами козаки къ судьямъ, это отчасти можно видѣть изъ слѣдующаго случая. 2 мая, какъ повѣствуется въ общественномъ приговорѣ станицы вознесенской за 1841 годъ, двое судей и два казака приходили мимо дома казака Золотова; на завалинкѣ у дома сидѣла въ это время жена Золотова и казачка Азарова. Послѣдняя сказала одному изъ судей: „отчего ты не скинешь шапки?" на что судья отвѣтилъ: „у меня сзади глазъ не имѣется" и просилъ ее болѣе не смѣяться, за что другой судья, также вступаясь, сказалъ Азаровой, что она смѣяться надъ судьею не должна, ибо она женщина и женщина безъ поведенія". Результатомъ была драка, въ которой принялъ участіе и мужъ Азаровой. И вотъ, раз-

сматривая это дѣло, сходъ присудилъ за оскорбленіе судей „козачку Азарову, въ примѣръ другимъ, наказать при сборѣ общества и женщинъ чрезъ десятскихъ розками“, а мужа Азаровой посадить въ карцеръ на три дня на хлѣбъ и воду [1]). Такъ до безобразія усердно относилась сама община къ охранѣ чести своихъ не сдержанныхъ на языкѣ, но пользовавшихся правами хорунжихъ, судей!

Вообще періодъ заправленія станицами со стороны станичныхъ начальниковъ по назначенію памятенъ для линейца, какъ періодъ его безправія и своеволія чиновнаго люда. Жалъ общину и козака въ это время не одинъ станичный начальникъ, а вся вообще чиновная старшина. Козаки и теперь еще живо вспоминаютъ, какъ развозили они во время праздниковъ, куръ, гусей, утокъ, индѣекъ, свиней и другую живность и съѣстные припасы по разнымъ управленіямъ, какъ за всякую малость приходилось имъ платиться кровными копѣйками разнымъ чиновнымъ воротиламъ, какъ тяжелы были натуральныя повинности, которыя они несли въ интересахъ упроченія хозяйствъ чиновной олигархіи! Конечно, и тогда, какъ теперь, было не безъ добрыхъ и честныхъ людей. Но, при узкихъ рамкахъ станичнаго самоуправленія, съ одной стороны, и при давленіи чиновнаго козака, съ другой, станичное населеніе терпѣло больше обидъ и несправедливостей, чѣмъ въ настоящее время. Вотъ почему съ введеніемъ въ дѣйствіе положенія 1870 года о козачьихъ войскахъ, давшаго больше простора станичному самоуправленію, не одна община вспомнила и поставила на видъ грѣхи своимъ прежнимъ начальникамъ. Въ нашихъ рукахъ находится довольно характерный въ этомъ отношеніи документъ въ формѣ общественнаго приговора, которымъ общество положило исключить бывшаго своего бригаднаго командира „изъ общества и посемейныхъ списковъ, какъ зачисленнаго безъ согласія общества“. Общество постановило вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать у исключеннаго имъ генерала участокъ земли въ 400 десятинъ, обративъ его въ общій юртъ, а за исполненныя, въ періодъ командованія имъ бригадою, работы станичными жителями взыскать чрезъ судъ „примѣрно по крайней мѣрѣ по тысячѣ рублей, а всего за 12 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ 12,900 рублей сер.“ Конечно, съ оффиціальной точки зрѣнія, общество не имѣло права ни исключать изъ своихъ чле-

[1]) Изъ архива вознесенскаго станичнаго правленія.

новъ генерала, ни отбирать у него высочайше пожалованный участокъ земли; но дѣло тутъ очевидно не въ допущенной обществомъ ошибкѣ, а въ самомъ фактѣ отношенія послѣдняго къ такой когда-то важной особѣ, какъ командиръ. Видно, не легко давались бригадные порядки козаку, разъ онъ рѣшился выразить такой маловѣроятный въ лѣтописяхъ военнаго люда протестъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что на отмѣченную роль чиновнаго козачества въ станичныхъ общинахъ въ сильнѣйшей степени вліяло то обстоятельство, что общины эти носили всесословный характеръ. Какъ и черноморцы, линейные офицеры вышли главнымъ образомъ изъ среды рядоваго козачества. Какъ и на Черноморіи, въ старолинейныхъ общинахъ офицеръ имѣлъ права рядоваго козака плюсъ преимущества привиллегированнаго члена общины. Неудивительно, поэтому, что въ дѣлахъ общины онъ могъ творить, что хотѣлъ, слѣдуя правилу: большому кораблю—большое и плаваніе. Это было для него тѣмъ удобнѣе, что самъ онъ является въ такихъ случаяхъ и судьею, и подсудимымъ. Бригадный, полковой, члены военно-судныхъ коммисій, разные засѣдатели, адъютанты, станичные начальники и пр., и пр.—все это были свои люди, люди чиновные, облеченные властью и склонные, какъ всѣ люди, не забывать себя и своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, самоуправленіе не было мертвою буквою для станичныхъ общинъ. Да иначе и не могло быть, пока земля была общественною, пока живы были козачьи круги, обычаи и традиціи...

Соединеніе въ 1860 г. черноморскаго войска съ нѣсколькими бригадами бывшаго кавказскаго линейнаго не имѣло никакого вліянія на измѣненія въ станичномъ самоуправленіи составныхъ частей. Каждая часть вошла въ составъ, какъ самостоятельное цѣлое, и для черноморскаго войска оставлено было въ прежней силѣ положеніе 1842 года, а бывшіе линейцы должны были руководиться положеніемъ 1845 года. Измѣненія коснулись лишь положенія и правъ наказнаго атамана. Прежде наказный атаманъ зависѣлъ отъ командующаго войсками, который въ свою очередь находился въ подчиненіи у главнокомандующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. При образованіи кубанской и терской областей положено было званіе наказнаго атамана соединить съ обязанностями начальника области и командующаго войсками. Значитъ, положеніе

наказнаго атамана сдѣлалось болѣе почетнымъ и значительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было „изъ статей, составлявшихъ доходъ бывшаго кавказскаго линейнаго войска, тѣ, которыя находились въ исключительномъ районѣ одного какого-либо полка или бригады (какъ напримѣръ: желтенникъ, нефть, рыболовство при устьяхъ Терека и т. п.) отчислить безъ раздѣленія въ то войско, куда поступаетъ часть, которой эта статья присвоена или въ районѣ которой находится“ [1]). А войсковой капиталъ терскаго войска положено было раздѣлить между обѣими, кубанскою и терскою, частями, что и было произведено, на основаніи распоряженія отъ 16 сентября 1861 года, по расчету 99,708 десятинъ отошедшихъ въ кубанское войско и 54,341 десятины въ терское [2]).

Точно также и при заселеніи Закубанья въ станичномъ самоуправленіи кубанскихъ козаковъ не произошло никакихъ перемѣнъ. Вновь населенныя станицы были разбиты на полки и бригады, а въ дѣлахъ управленія опредѣлено было руководиться положеніемъ 1845 года о бывшемъ кавказскомъ линейномъ войскѣ.

Такъ шли дѣла до 1870 годъ, когда было издано „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ“. Строго разграничивъ функціи станичныхъ обществъ и станичныхъ правленій, положеніе это совершенно выдѣлило станичный судъ, придавъ ему характеръ крестьянскаго волостнаго суда, и положило въ основу станичныхъ учрежденій выборное начало. Такимъ образомъ, красная нить козачьяго общиннаго самоуправленія не порвалась въ теченіе восьмидесятилѣтняго существованія козачьихъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ кубанской области, но привела въ концѣ концовъ къ практикѣ нынѣшняго станичнаго самоупраленія.

Ф. Щербина.

---

[1]) П. С. Зак., т. XXV, стр. 11.
[2]) П. С. Зак., т. XVI. стр. 11.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго[1].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 ГОДЪ.

I. Дѣтство.

Родился я въ полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда, въ селеніи Малютенцахъ. Первые годы дѣтства моего протекли въ Петербургѣ. Отецъ мой служилъ въ гвардіи, полковникомъ конной артиллеріи; предъ нимъ разстилалось блестящее служебное поприще. Мать моя, дочь малороссійскаго помѣщика, извѣстная въ краѣ своими добродѣтелями, была осуществленіемъ идеи женскаго совершенства въ нравственномъ отношеніи.

Родъ нашъ происходитъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Иллиріи, родоначальникомъ которой, по Длугошу, извѣстному историку, былъ Зоардъ, полководецъ Аттилы. Гербъ нашъ Корчакъ, дополненный

[1]) Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, покойный Петръ Димитріевичъ Селецкій скончался въ г. Кіевѣ въ 1879 г. въ званіе гофмейстера и въ должности кіевскаго губернскаго предводителя дворянства. Этихъ степеней онъ достигъ продолжительною своею службою, скромною, но честною и безпритязательною. 30-ть лѣтъ провелъ онъ на службѣ въ Кіевѣ сперва въ должности чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, потомъ вицегубернатора и вмѣстѣ члена совѣта кіевскаго института и наконецъ предводителя дворянства по назначенію отъ правительства. Если къ этому прибавить 4-ре года университетскаго образованія, проведенные имъ также въ Кіевѣ, то окажется, что всею своею сознательною жизнію онъ принадлежитъ Кіеву и можетъ быть названъ по этому кіевлянином, позднѣйшей, конечно формаціи.

въ верхней половинѣ щита, въ голубомъ полѣ, крестомъ надъ полумѣсяцемъ и звѣздами, внесенъ въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ всероссійской имперіи (часть III, отдѣленіе 1-е, страница 106). Предки мои, переселясь въ Россію въ тысячу пятисотыхъ годахъ, служили всегда вѣрою и правдою своему новому отечеству.

Пращуръ мой былъ бунчуковымъ товарищемъ, два сына его: Лаврентій и Иванъ Яковлевичи Селецкіе были женаты: первый на Лизогубовой, второй на Апостолъ. Прадѣдъ мой Лаврентій Яковлевичъ служилъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ, братъ его Иванъ екатеринославскимъ губернаторомъ и впослѣдствіи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ (1798 г. См. „Русская Старина“, октябрь 1875 г. Статья: Князь Потемкинъ-Таврическій, стр. 261, 263). Во время пребыванія въ Кіевѣ императрицы Екатерины II въ 1787 году, 21 апрѣля Лаврентій Яковлевичъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и получилъ большой брилліантовый перстень (Дневникъ предводителя дворянства Полетики, Андрея, 1787 г). Сверхъ этого, ея величество въ ознаменованіе своего особеннаго благоволенія къ почтъ-директору Малороссіи благоволила подарить Лаврентію Яковлевичу дорожный золо-

---

По своему происхожденію, Петръ Димитріевичъ принадлежалъ къ старинному южно-русскому роду и представляетъ собою послѣднюю его отрасль, переродившуюся на почвѣ общерусской и даже общеевропейской.

Записки П. Д. Селецкаго, представляя полную его автобіографію, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ ближайшую къ намъ по времени жизнь кіевскаго, преимущественно высшаго общества и мѣстной администраціи, и въ этомъ отношеніи представляютъ для насъ современниковъ весьма интересныя и любопытныя данныя, а для будущаго историка края цѣнный и, быть можетъ, во многомъ ничѣмъ иным не замѣнимый матеріалъ. Записки дышатъ искренностію и правдивостію, которыя отличали автора и во всей его жизни. Авторъ не рисуется, но просто передаетъ то, что подпадало его умственному наблюденію въ его-ли собственной жизни, или въ жизни другихъ, при чемъ не обходитъ ни своихъ, ни чужихъ слабостей, увлеченій и погрѣшностей, но говоритъ о нихъ съ тою скромностію и сдержанностію, которыя составляли отличительныя его черты. Записки начаты въ то время, когда авторъ достигъ полнаго своего развитія, когда угомонились страсти, установились взгляды, убѣжденія и отношенія, когда прожитое прежде было много разъ передумано и осмыслено, когда на смѣну прежней разбросанности и нѣкотораго разгула пришла сосредоточенность и могли сложиться то спокойствіе и безпристрастіе, которыя проходятъ по всѣмъ

ченный чайный сервизъ. Погребецъ съ этимъ сервизомъ постоянно переходилъ къ старшему въ родѣ, въ потомствѣ Лаврентія Яковлевича. У Ивана Яковлевича было двѣ дочери: старшая за Синельниковымъ, младшая за Алексѣевымъ: мужскаго поколѣнія онъ не оставилъ. У Лаврентія Яковлевича было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Петръ, мой дѣдъ, служилъ генеральнымъ судьею въ Черниговѣ и женился на В. Я. Лукашевичъ; второй сынъ, Василій, былъ женатъ на княжнѣ Е. М. Долгоруковой, сестрѣ князя Ивана Михайловича, писателя. Вотъ статья, посвященная памяти Василія Лаврентьевича въ „Капищѣ моего сердца“ Долгорукаго:

„Февраля 20. Селецкой. † 1831. Василій Лаврентьевичъ, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ отличную честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но, не имѣя возможности на ней жениться, потому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину Малороссію и тамъ прожилъ лѣтъ двадцать, не давая о себѣ никакой вѣсти. Съ тою же скоропостижностью, съ какою оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ

разсказамъ и сужденіямъ автора. Описываемое имъ время, лица и происшествія, которыхъ онъ касается, какъ личность и жизнь его самаго—все это такъ не далеко отъ насъ, такъ свѣжо въ памяти у многихъ, что передаваемыя имъ свѣдѣнія и сужденія могутъ быть провѣрены и дополнены многими изъ читателей, безъ особыхъ объясненій. Извѣстная доброта Петра Димитріевича, его искренняя набожность и особая мягкость души—послѣдствіе его исключительнаго воспитанія кладутъ особый отпечатокъ на его Записки.

Мы печатаемъ Записки въ полномъ ихъ видѣ, не выпуская даже описанія заграничнаго путешествія Петра Димитріевича, безъ котораго многое осталось-бы непонятнымъ въ его жизни и личности и которое само собою представляетъ много любопытныхъ подробностей о знакомствѣ автора Записокъ съ такими знаменитостями музыкальнаго міра, какъ Листъ, Мендельсонъ, Мейерберъ и др. При этомъ мы и не пробуемъ касаться ни біографіи, ни характеристики самаго автора, полагая, что его Записки послужатъ первымъ и едва-ли не лучшимъ для того матеріаломъ.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу искреннюю благодарность за сообщеніе Записокъ Григорію Евгеніевичу Бразолю, къ которому они перешли по ближайшему родству его съ П. Д. Селецкимъ.—Ред.

Чернигова къ сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея; сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ, раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкій примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ какъ мать моя скончалась, и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ рядной, выдѣлить ей часть изъ имѣнія, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ оной въ пользу дочерей моихъ и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступилъ столь нѣжно и благодѣтельно! Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ правиламъ его, нежели родству, а потому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ: ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: „свой своему по неволѣ другъ“, а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число родила сестра сына: онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!“

Третій сынъ Лаврентія Яковлевича, Яковъ, былъ женатъ на Шагаровой. Три дочери Лаврентія Яковлевича были замужемъ: первая за Милорадовичемъ, вторая за Кандыбой, третья за Иваненко. У Петра Лаврентьевича было три сына: Дмитрій, мой отецъ, женатый на Марьѣ Даниловнѣ Вукаловичевой, Андрей и Михаилъ—умерли холостыми.

У Василія Лаврентьевича былъ сынъ Михаилъ, у него три сына отъ двухъ браковъ: Михаилъ, Викторъ и Николай. У Якова Лаврентьевича было двѣ дочери: старшая за П. С. Джунковскимъ, младшая за Н. В. Синельниковымъ.

Состояніе наше было хорошее: за моими родителями числилось болѣе тысячи душъ. Я имѣлъ четырехъ сестеръ, но на мнѣ сосредоточивалась вся нѣжность материнской любви и отеческихъ заботъ. Меня держали однако довольно строго. Я безотчетно боялся отца и безпредѣльно любилъ мать. Была у меня еще бабушка, со стороны матери, добрѣйшая и почтенная старушка, проводившая все свое время въ мо-

литвѣ и постѣ. Она меня любила и баловала болѣе всѣхъ; къ ней я былъ очень привязанъ и чтилъ какъ святую. Дѣдовъ моихъ не помню; изъ разсказовъ матушки знаю, что Петръ Лаврентьевичъ пользовался большимъ почетомъ въ черниговской губерніи, былъ очень уменъ и образованъ, а дѣдушка Даніилъ Андреевичъ обладалъ рѣдкими качествами души, необыкновенною прямотою характера и замѣчательнымъ остроуміемъ. Мать моя всегда съ благоговѣніемъ отзывалась о своемъ отцѣ, называла его лучшимъ изъ людей, и никогда не могла вспомнить о немъ безъ слезъ.

Нрава я былъ добраго, но любилъ порѣзвиться и пошалѣть; ростомъ необыкновенно великъ, очень худъ и слабаго сложенія. Характеръ былъ у меня веселый; я былъ впрочемъ склоненъ къ мечтательности и нерѣдко задумчивость замѣняла шумную дѣтскую рѣзвость. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, меня перевезли въ деревню; тамъ я прожилъ до одинадцати лѣтъ. Нравственнымъ и религіознымъ моимъ воспитаніемъ занималась матушка, она-же учила меня музыкѣ. Гувернеромъ былъ французъ, науки преподавалъ русскій учитель.

Отецъ мой заставлялъ меня ѣздить верхомъ. На воспитаніе мое вообще было обращено большое вниманіе, издержекъ не жалѣли, надзоръ за мною былъ бдительный. Но когда отецъ и матушка уѣзжали и я оставался съ бабушкой и наставниками, своеволіе брало верхъ надъ подчиненностью.

Изъ деревенской жизни мнѣ памятны два обстоятельства. Однажды, зимой, у незнакомой дамы, ѣхавшей въ Казань, сломался экипажъ у дома нашего, находящагося на большой почтовой дорогѣ, и пока его чинили, она пробыла у насъ цѣлый день. Путешественница, довольно молодая еще женщина, очень понравилась мнѣ, ласкала меня, много говорила объ отдаленныхъ странахъ, гдѣ живала, и съ которыми я былъ знакомъ только изъ географическихъ картъ, и предложила мнѣ, конечно шутя, уѣхать съ ней тайкомъ въ Казань; любовь къ путешествіямъ такъ сильно развита была во мнѣ, что, не смотря на безпредѣльную привязанность мою къ матери и бабушкѣ, я тотъ часъ согласился слѣдовать за незнакомкой. Въ сумерки, когда пришли доложить, что экипажъ путешественницы готовъ, я ушелъ въ свою комнату,

надѣлъ теплое платье, взялъ часть своихъ пожитковъ и отправился къ воротамъ ожидать похитительницу: подъѣхалъ ея возокъ, я въ него вошелъ съ поспѣшностью; но вмѣсто путешественницы въ возкѣ сидѣла моя мать...

Воспитанный женщиною и окруженный почти однѣми женщинами, я съ дѣтства особенно полюбилъ прекрасную половину человѣчества: изъ мужчинъ я зналъ коротко только гувернера и учителя, они давали мнѣ весьма посредственное понятіе о нашемъ полѣ, и поэтому я всегда чувствовалъ большое влеченіе къ женщинамъ вообще, а лѣтъ съ девяти къ одной въ особенности. То была прелестная генеральша Г..... Сѣсть поближе къ ней, поцѣловать ея ручку, услужить ей чѣмъ нибудь, было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Но недолго оставался я вѣренъ своей первой привязанности: на одинадцатомъ году мнѣ понравилась г-жа Г..... Давно не видѣвши ее, въ одно прекрасное утро я ускакалъ къ ней въ деревню, верхомъ, за десять верстъ. Меня приняли очень ласково, но когда узнали, что я пріѣхалъ одинъ и безъ позволенія, то, не смотря на слезы и моленія, отправили обратно въ экипажѣ, въ сопровожденіи двухъ служителей. Со стыдомъ и оскорбленнымъ чувствомъ самолюбія возвратился я домой и пересталъ думать о г-жѣ Г..... До одинадцати лѣтъ я велъ себя довольно хорошо; очень любилъ моего наставника, умнаго, добраго и тихаго Антона Никитича, одного изъ лучшихъ воспитанниковъ кіевской духовной академіи и питалъ особое расположеніе къ гувернеру французу за его строгость и частыя жалобы на мое любимое занятіе гулять въ саду въ сырую погоду и подставлять голову во время дождя подъ водосточныя трубы. Строгость вообще дѣйствовала на меня довольно дурно: я становился еще непослушнѣе и упрямѣе, когда хотѣли поступать со мною круто; но всегда смирялся предъ кроткими словами моей матери. Занимался я прилежно, и въ одинадцать лѣтъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, и пріобрѣлъ достаточныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые преподавалъ мнѣ русскій учитель.

Ближайшимъ сосѣдомъ нашимъ и моимъ крестнымъ отцемъ былъ дальній родственникъ нашъ, графъ Александръ Петровичъ Завадовскій. Онъ меня очень любилъ, и я часто бывалъ у него въ Тепловкѣ; въ

праздники иногда меня отпускали къ нему на цѣлый день. Завадовскій былъ отличный стрѣлокъ; я имѣлъ страсть къ стрѣльбѣ, и какъ сынъ артиллериста, получалъ часто въ подарокъ пушки и пистолеты, но игрушками этими не довольствовался, и присутствуя при упражненіяхъ Завадовскаго въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ въ вдѣланные въ стѣну ножи, просилъ его выучить меня стрѣлять хорошо изъ его пистолетовъ. Графъ подарилъ мнѣ пару превосходныхъ небольшихъ кухенрейтеровъ и заставлялъ стрѣлять изъ нихъ. Я вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ и кончилъ тѣмъ, что на разстояніи двадцати шаговъ попадалъ въ цѣль и рѣзалъ пули объ остріе ножей. Завадовскій былъ въ восторгѣ и сталъ меня ласкать болѣе прежняго. Въ Тепловкѣ бывали ярмарки. Нерѣдко Завадовскій сажалъ меня въ свой шарабанъ, которымъ самъ правилъ, и мы отправлялись на ярмарку, около церкви. Въ шарабанѣ всегда лежало нѣсколько мѣшковъ съ серебряной монетой, и графъ доставлялъ мнѣ удовольствіе, заставляя бросать народу деньги: широкой рукой исполнялъ я это порученіе, и мы обыкновенно возвращались домой съ пустыми мѣшками. Зачастую Александръ Петровичъ приказывалъ своему груму покупать множество разныхъ *женскихъ* украшеній у ярмарочныхъ продавцевъ и заставлялъ меня дарить серьги, ожерелья, платочки и т. п. сельскимъ красавицамъ. Привычки щедрости крестнаго отца доставили мнѣ однажды случай проявить свою собственную: бабушка мнѣ ни въ чемъ не отказывала и предупреждала мои желанія; у ней въ комодѣ всегда былъ запасъ звонкой монеты,—выдвинетъ, бывало, ящикъ съ деньгами и позволяетъ мнѣ наполнить ими мои карманы. Въ одно прекрасное утро такимъ образомъ я взялъ у нее довольно много разной монеты и роздалъ все прислугѣ къ предстоявшей ярмаркѣ. Выдала меня ключница, и я получилъ порядочный нагоняй отъ матушки и отца за излишнюю щедрость, съ угрозой наказанія за рецедиву и отобранія денегъ, которыми надѣляла бабушка.

Ѣздилъ я съ графомъ Завадовскимъ и верхомъ, но верховая ѣзда мнѣ не давалась: никогда не могъ порядочно сидѣть на лошади, въ особенности на англійскомъ сѣдлѣ. Доставалось мнѣ часто отъ отца за неумѣніе держать себя хорошо на лошади. Александръ Петровичъ совѣтовалъ моему отцу заставлять меня дѣлать гимнастическія упражненія

и учиться фехтованію. При этомъ, помню, какъ онъ разсказывалъ исторію своей дуэли въ Италіи съ однимъ маркизомъ на шпагахъ, въ подтвержденіе необходимости умѣть владѣть этимъ *оружіемъ*. Графъ плохо владѣлъ шпагой, но не могъ отказаться отъ дуэли на шпагахъ, будучи слишкомъ хорошо извѣстнымъ стрѣлкомъ изъ пистолета. Маркизъ, отличный босцъ, поскользнулся и падая наткнулся на шпагу Завадовскаго. Исходъ дуэли былъ несчастный: маркизъ умеръ, какъ умеръ и Шереметевъ, вслѣдствіе дуэли на пистолетахъ съ Александромъ Петровичемъ. „Правду сказала Lenormand, присовокупилъ послѣ разсказа Завадовскій, она мнѣ предсказала долгую жизнь и смерть въ моей постели“. Кстати о Шереметевѣ: не разъ говорилъ о немъ при мнѣ Завадовскій съ глубокимъ сожалѣніемъ. Дуэль состоялась изъ-за танцовщицы Истоминой. Секундантами были: Грибоѣдовъ со стороны графа и Якубовичъ со стороны Василія Александровича Шереметева: Шереметевъ стрѣлялъ первый, пуля скользнула по воротнику сюртука Завадовскаго. Завадовскій не имѣлъ намѣренія убить Шереметева и по просьбѣ Грибоѣдова готовился сдѣлать умышленный промахъ; но выведенный изъ терпѣнія Шереметевымъ, сказавшимъ, что если Завадовскій выстрѣлитъ на воздухъ, то рано или поздно онъ убьетъ Завадовскаго, Александръ Петровичъ потребовалъ Шереметева къ барьеру и ранилъ его въ животъ. Шереметевъ вскорѣ умеръ отъ этой раны. Завадовскій за дуэль былъ высланъ за границу, а Якубовичъ переведенъ въ армію и посланъ на Кавказъ, гдѣ встрѣтилъ Грибоѣдова, дрался съ нимъ на пистолетахъ и ранилъ Грибоѣдова въ кисть лѣвой руки.

Злая судьба, говаривалъ Завадовскій, сдѣлала меня два раза убійцей; печальная необходимость заставляла драться, но въ дѣлѣ чести уклоняться отъ дуэли нельзя, поэтому нужно пріучиться хорошо владѣть всякимъ оружіемъ, и въ правомъ дѣлѣ, какъ ни грустно, лучше сдѣлаться невольнымъ убійцей, чѣмъ быть убитымъ.

Не смотря на свои слабости и чисто англійскія причуды, графъ Александръ Петровичъ въ существѣ былъ добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

Грибоѣдовъ списалъ съ него своего князя Григорія.

«Чудакъ естественный! Насъ со смѣху моритъ,
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка».

(Горе отъ ума).

И дѣйствительно это была личность типичная въ высшей степени. Высокій, худощавый, съ выразительнымъ, нѣсколько рябоватымъ лицемъ, очень длинными руками и тонкими ногами, съ рѣчью сквозь зубы, не всегда удобопонятною, въ эксцентрическихъ туалетахъ англійскаго покроя и съ манерами истаго британца, Александръ Петровичъ въ былое время былъ очень оригиналенъ и слылъ чудакомъ, но безспорно былъ уменъ и отлично образованъ.

Я привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, вполнѣ подчинился его вліянію и сталъ усваивать его манеры. Подражаніе было на столько удачно, что приводило въ негодованіе моего отца. Вслѣдствіе моего отвѣта на замѣчаніе отца по этому предмету, что держу себя какъ Александръ Петровичъ, мнѣ было сказано, что запретятъ ѣздить въ Тепловку, если не исправлюсь.

Не смотря на это, я до того началъ проникаться англоманіей, что однажды на вопросъ моего дорогого Александра Петровича, чѣмъ хочешь быть? я отвѣтилъ: хочу быть лордомъ. Въ награду получилъ шотландскую шапочку съ бантомъ и лентами;—къ большому огорченію моему не только мнѣ запрещено было ее носить, но въ теченіи цѣлой недѣли меня ни разу не пустили къ Завадовскому.

Вскорѣ любезность моего крестнаго отца вознаградила меня за это лишеніе. Онъ пріѣхалъ къ намъ и упросилъ отца моего отпустить меня въ Драбовъ, къ брату Завадовскаго, графу Василію Петровичу. Посѣщеніе Драбова доставило мнѣ большое удовольствіе. Хотя Драбовъ не могъ сравниться съ Тепловкой ни по мѣстоположенію, ни по постройкамъ и садамъ, я былъ въ восторгѣ отъ молодой супруги хозяина, красавицы графини Елены Михайловны, рожденной Влодекъ. Не стану описывать ея наружность: нѣтъ возможности передать неуловимую прелесть ея лица, гибкость стана, грацію и симпатичность, которыми была проникнута вся ея особа; довольно сказать, что она была въ свое время извѣстною красавицей и ея гравированные портреты служили лучшимъ украшеніемъ кипсековъ. Идея красоты, чувство прекраснаго сильно развивались во мнѣ, и графиня на меня произвела глубокое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе не осталось не замѣченнымъ: меня ласкали, баловали въ Драбовѣ, и я уѣхалъ оттуда съ слезами на глазахъ, вполнѣ оча-

рованный Еленой Михайловной. Мужъ ея, графъ Василій Петровичъ былъ очень красивъ, привѣтливъ, но нравился мнѣ менѣе своего брата.

По возвращеніи домой, я сдѣлался задумчивымъ, постоянно мечталъ о графинѣ Завадовской, часто говорилъ о ней съ моей матушкой.

Дальнѣйшее пребываніе мое въ деревнѣ, не могло принести мнѣ никакой пользы и поэтому родители мои предположили отдать меня въ пансіонъ, въ одинъ изъ ближайшихъ губернскихъ городовъ.

II. Пансіонъ.

Въ Харьковѣ мать моя, осмотрѣвъ всѣ учебныя заведенія, рѣшилась помѣстить меня въ пансіонъ Р. Я былъ принятъ въ пансіонѣ воспитанниками, какъ обыкновенно принимаютъ новичковъ; надо мной сначала смѣялись, подвергали разнымъ испытаніямъ; но когда убѣдились, что я мало обращалъ вниманія на насмѣшки товарищей и что стоялъ выше многихъ по образованію, то меня оставили въ покоѣ. Иногда впрочемъ доставалось мнѣ за мою привязанность къ матери, о которой я никогда не могъ вспоминать равнодушно; но и тутъ оскорбляемое чувство говорило во мнѣ такъ сильно и краснорѣчиво, что вскорѣ отучилъ я товарищей моихъ насмѣхаться надо мною и заставилъ ихъ уважать и въ другихъ чувство сыновней привязанности.

Содержателемъ нашего пансіона былъ почтенный шестидесяти лѣтній старикъ, итальянецъ по фамиліи, нѣмецъ по религіи, французъ по службѣ и воспитанію. Звали его Карломъ Ивановичемъ. Онъ служилъ въ Наполеоновской арміи капитаномъ инженеровъ. Всѣхъ воспитанниковъ своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: добрыхъ и злыхъ. Первые назывались бѣлыми душами, вторые черными. Сверхъ этого существовало еще различіе въ пансіонерахъ по количеству платы за нихъ вносимой; тѣ, за которыхъ платили больше, пользовались особенными матеріальными выгодами и не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Я попалъ прямо въ число бѣлыхъ душъ, а какъ за меня вносили больше обыкновенной платы, то въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался любимымъ воспитанникомъ Карла Ивановича. Онъ до того полюбилъ меня, что поручилъ своей супругѣ Каролинѣ Ивановнѣ мое музыкальное

образованіе. Четыре раза въ недѣлю, являлся я къ ней брать уроки музыки на фортепьяно; она была очень довольна моимъ прилежаніемъ и способностями, и въ ознаменованіе своего благоволенія заставляла меня разъигрывать въ четыре руки разныя пьесы съ единственною ея дочерью Аделаидою Карловною, прехорошенькой дѣвочкой лѣтъ пятнадцати.

У насъ было три класса, и чрезъ полгода послѣ моего поступленія въ пансіонъ, меня перевели во второй, за отличные успѣхи. Все шло какъ нельзя лучше. Карлъ Ивановичъ въ письмахъ къ моей матери не могъ довольно нахвалиться мною, и я достигъ самой большой милости: мнѣ дозволялось лѣтомъ во всякое время ходить въ садъ Карла Ивановича и кушать тамъ фрукты. Этимъ преимуществомъ пользовались очень не многіе, но строжайше было запрещено уносить фрукты изъ сада для себя или для другихъ.

Первое паденіе мое совершилось, какъ и паденіе перваго человѣка, посредствомъ запрещеннаго плода. Любимцы Карла Ивановича, накушавшись вдоволь фруктовъ, возвращаясь изъ сада, около воротъ всегда были осматриваемы надзирателемъ или содержателемъ пансіона. Между товарищами былъ у меня одинъ пріятель, бѣдный по состоянію, не знатный происхожденіемъ и хотя бѣлый душею, но не пользовавшійся дозволеніемъ ходить въ садъ Карла Ивановича. Часто просилъ онъ меня принести ему грушу или яблоко и не рѣдко удавалось мнѣ исполнить его просьбу, положивъ фрукты подъ мышки; но въ одинъ вечеръ хитрость моя была открыта, мнѣ запретили ходить въ садъ, и Карлъ Ивановичъ пересталъ ласкать меня. Нашелъ я впрочемъ вознагражденіе въ Каролинѣ Ивановнѣ: послѣ каждаго урока она приказывала Аделаидѣ Карловнѣ подчивать меня разными лакомствами. Тронутый этимъ вниманіемъ, я болѣе и болѣе привязывался къ хорошенькой Адели, цѣловалъ ея ручки и необыкновенно скоро разъучивалъ пьесы, которыя мы играли вмѣстѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что и Аделя находила удовольствіе въ моемъ обществѣ и что я ей нравился. Мы стали видѣться чаще, свиданья продолжались долѣе: мы любили другъ друга. Недолго впрочемъ наслаждались этимъ счастьемъ: однажды Карлъ Ивановичъ вошелъ неожиданно въ комнату, гдѣ я бралъ уроки музыки, и увидѣлъ, что вмѣсто игры на фортепьяно, я упражнялся

съ Аделаидой Карловной въ сладкихъ поцѣлуяхъ. Негодованію Карла Ивановича не было конца: онъ меня тотчасъ разжаловалъ въ черныя души и посадилъ въ карцеръ на три дня. Что сдѣлалось съ бѣдненькой Аделью, мнѣ было неизвѣстно и неизвѣстность эта увеличивала горечь моего положенія.

Когда я вышелъ изъ карцера, мнѣ наступилъ четырнадцатый годъ. Въ пансіонѣ все измѣнилось для меня: изъ любимцевъ я попалъ въ опальные, надзиратели и учителя стали обращаться со мною строго и не всегда вѣжливо; впрочемъ я нашелъ еще нѣкоторое утѣшеніе въ дружбѣ моихъ товарищей: въ немилости они стали любить меня болѣе, чѣмъ въ счастливыя времена. Я былъ однако увѣренъ, что невзгода скоро пройдетъ, что со временемъ меня опять возведутъ въ достоинство любимца, и поэтому никогда не участвовалъ въ шалостяхъ товарищей и продолжалъ учебныя занятія съ большимъ прилежаніемъ. Наступило время экзаменовъ: меня перевели въ третій классъ, съ награжденіемъ похвальнымъ листомъ, и отпустили на каникулы въ деревню. Мать моя была совершенно счастлива моими успѣхами въ наукахъ. Отецъ мой былъ произведенъ въ генералы, назначенъ начальникомъ артиллерійской дивизіи и квартировалъ недалеко отъ насъ. Мы видѣлись часто, онъ сталъ ласкать меня болѣе прежняго, чувство страха во мнѣ исчезло, и я привязался къ нему съ увлеченіемъ свойственнымъ юности.

Я росъ очень быстро, и въ слѣдствіе этого у меня развилась необыкновенная въ мои лѣта болѣзнь: сильная грудная боль и кровохарканіе. Родители мои были въ отчаяніи; но попеченія ихъ и искусство медика Шеффера, жившаго въ Прилукахъ, не далеко отъ нашей деревни, совершенно излечили меня.

Я выѣзжалъ къ сосѣдямъ и очень любилъ деревенскіе балы; на одномъ изъ нихъ, данномъ теткою моего отца г-жею В., я встрѣтилъ дѣвицу В., недавно вышедшую изъ института; она была прекрасна и такъ понравилась мнѣ, что въ самомъ разгарѣ бала я отправился въ садъ, чтобы сорвать пунцовую гвоздику и принести ей въ замѣнъ той, которую я вытащилъ изъ ея букета и спряталъ на память. На дворѣ было сыро и холодно. За мной послали, чтобы меня воротить, я убѣжалъ дальше и воротился чрезъ полчаса съ гвоздикой. Результатомъ

моей любезности была сильная горячка, продержавшая меня дней двадцать въ постели. Когда я выздоровѣлъ, мать моя прочла мнѣ длинное наставленіе о пылкости моего характера, объ огорченіяхъ ей нанесенныхъ моею болѣзнію, и я обѣщалъ быть впредь благоразумнѣе. Драгоцѣнная гвоздика была однако засушена и доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ. И кто изъ васъ, читатель, не былъ счастливъ сладкимъ раздумьемъ, восторженной мечтой надъ цвѣткомъ пріобрѣтеннымъ отъ любимой особы?

Возвратясь въ пансіонъ, я сталъ заниматься науками по прежнему съ усердіемъ, но Карлъ Ивановичъ не любилъ меня и началъ дѣлать мнѣ разныя непріятности: не пускалъ иногда со двора, не смотря на добросовѣстныя мои занятія и хорошее поведеніе; ставилъ дурныя отмѣтки изъ фортификаціи, которую намъ преподавалъ въ старшемъ классѣ, и продолжалъ звать меня черной душой. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, пансіонеровъ отпускали въ городъ въ день ихъ рожденія и имянинъ. Чтобы вознаградить тѣ праздники, когда меня оставляли въ пансіонѣ безъ всякой причины, я нѣсколько разъ въ годъ праздновалъ свое рожденіе и имянины; это мнѣ удавалось потому, что память Карла Ивановича притупилась отъ старости, и онъ не помнилъ нашихъ именъ. Зрѣніе содержателя пансіона тоже значительно ослабѣло, и этотъ недугъ послужилъ мнѣ однажды какъ нельзя лучше. Сердце мое было тогда занято сестрою одного изъ моихъ товарищей; я былъ знакомъ съ ея родителями, и они довольно часто приглашали меня къ себѣ и возили въ театръ. Въ театрѣ давали по большей части драмы и трагедіи; любимой пьесой всѣхъ пансіонеровъ была: „Жизнь игрока“. Меня пригласили на одно изъ представленій этой пьесы, но Карлъ Ивановичъ не пустилъ. Внѣ себя отъ негодованія, я рѣшился его обмануть довольно оригинально. Въ частномъ женскомъ пансіонѣ оканчивала свои науки моя дальняя родственница, дѣвица С.; я вытребовалъ отъ нея полный женскій туалетъ, который мнѣ пришелся въ пору, упросилъ брата нравившейся мнѣ дѣвицы пріѣхать за мной въ каретѣ и назвать меня своей сестрой. Подъ именемъ этой дѣвицы, явился я къ Карлу Ивановичу съ просьбою отпустить въ театръ нѣсколькихъ пансіонеровъ, и меня въ томъ числѣ. Въ кабинетѣ Карла Ивановича

царствовалъ полумракъ: въ очкахъ и зеленомъ зонтикѣ, почтенный старикъ не узналъ меня, поцѣловалъ мою руку,—тогда подходили еще къ ручкѣ,—и снисходя къ убѣдительной просьбѣ хорошенькой дѣвицы, за которую меня принялъ, онъ отпустилъ насъ. Въ дамскомъ нарядѣ нельзя было явиться къ родителямъ моего товарища, я перемѣнилъ туалетъ и провелъ вечеръ очень весело. Шалость моя впрочемъ вскорѣ была открыта. Болѣе всего Карлъ Ивановичъ негодовалъ на то, что я осмѣлился дать ему поцѣловать мою руку. Меня посадили въ карцеръ на хлѣбъ, на воду; вышедши изъ карцера по истеченіи недѣли, я сдѣлался страшилищемъ Карла Ивановича и любимцемъ моихъ товарищей. Мнѣ наступилъ тогда пятнадцатый годъ.

Еслибы со мною обращались ласково, то я-бы опять возвратился къ добру, но разнаго рода притѣсненіямъ не было конца: необыкновенная строгость и что еще хуже—несправедливость возмутили меня: я сдѣлался зачинщикомъ всѣхъ шалостей и диктаторомъ товарищей. Весь классъ сталъ учить уроки только тѣхъ преподавателей, которые нравились мнѣ, поэтому фортификація и латинскій языкъ или очень дурно. Вмѣсто крѣпостей, чертили башенки и рисовали домики съ огородами, а на вопросы учителя латинскаго языка не рѣдко весь классъ отвѣчалъ блеяніемъ, потому что у учителя были курчавые волосы и онъ очень походилъ на барана.

Всѣ шалости въ пансіонахъ, всѣ непріятности, дѣлаемыя учениками надзирателямъ и учителямъ, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы распространяться о нихъ, да всего и не вспомнишь. Запалъ мнѣ впрочемъ въ память побѣгъ, сдѣланный подъ моей командой изъ пансіона. Верстахъ въ семи отъ города была дача, принадлежавшая богатому помѣщику; на дачѣ этой давали балъ, на который насъ не пустили. Не долго думая, въ сумерки мы ускакали верхомъ на лошадяхъ знакомыхъ намъ уланскихъ офицеровъ изъ Чугуева, въ числѣ которыхъ былъ Жакъ д. Б., нашъ сосѣдъ по деревнѣ и большой мой пріятель, и потанцовавши вдоволь, воротились въ пансіонъ на разсвѣтѣ.

Карлъ Ивановичъ часто жаловался на меня матери моей, въ перепискѣ съ нею, но никогда не объяснялъ ей всѣхъ подробностей моихъ шалостей, боясь лишиться пансіонера, за котораго платили исправно.

Сближалось время окончанія годичнаго курса; оставаться болѣе въ пансіонѣ было безполезно: я отчетливо зналъ все, что тамъ преподавали въ послѣднемъ классѣ, исключая фортификаціи и латинскаго языка, и поэтому просилъ моихъ родителей не оставлять меня долѣе у Карла Ивановича. Наступили экзамены, я ихъ выдержалъ очень хорошо, игралъ на актѣ концертъ Гуммеля съ оркестромъ, и безъ всякаго сожалѣнія разстался съ Карломъ Ивановичемъ и его пансіономъ.

III. Высшее училище.

Отецъ мой вышелъ въ отставку въ 1835 году и поселился въ деревнѣ; онъ рѣшился везти меня въ Петербургъ и отдать въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній. Мать моя сопровождала насъ; мы поѣхали на Москву и въ Москвѣ прожили нѣсколько недѣль. Я съ большимъ вниманіемъ осматривалъ достопримѣчательности древней столицы, и Москва понравилась мнѣ, какъ нельзя болѣе. Мы квартировали у родственника моего отца, А. А. Ригельмана, весьма умнаго и пріятнаго старика, женатаго на П. Г. Галаганъ. Единственный ихъ сынъ, Н. А. Ригельманъ, только что поступилъ тогда въ московскій университетъ по словесному факультету; при немъ находился еще гувернеръ. Я очень подружился съ молодымъ Ригельманомъ.

Въ Петербургъ мы пріѣхали позднею осенью; городъ этотъ съ перваго разу произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, въ которомъ я не могъ дать себѣ отчета. Прошло двѣ недѣли: я ни разу не видѣлъ солнца; густой туманъ, проникавшій меня своею сыростью, въ особенности былъ мнѣ ненавистенъ.

По долгомъ размышленіи, куда меня помѣстить для окончанія воспитанія, предположено было, что я поступлю во вновь открывавшееся высшее гражданское училище. Зданіе этого училища еще не было совершенно готово, и по совѣту директора меня отдали къ одному изъ его родственниковъ, инженерному капитану, занимавшемуся приготовленіемъ молодыхъ людей къ поступленію въ разныя учебныя заведенія, для того чтобы приготовить меня къ экзамену. Инженерный капитанъ взялъ за это значительную плату и занимался мною очень мало. Эк-

заменъ впрочемъ я выдержалъ въ третій классъ открывшагося училища очень удовлетворительно изъ всѣхъ предметовъ; но изъ латинскаго языка получилъ такую дурную отмѣтку, что вмѣсто третьяго класса меня помѣстили во второй. Послѣ пріемнаго экзамена родители мои уѣхали: я остался у инженернаго капитана и прожилъ у него четыре мѣсяца до поступленія въ училище.

Людей занимающихся приготовленіемъ юношества въ учебныя заведенія очень много въ Петербургѣ, и занятіе это приноситъ большія выгоды. Впрочемъ очень не многіе изъ приготовителей исполняютъ свое дѣло добросовѣстно, а по большей части довольствуются полученіемъ значительной платы за пансіонеровъ и занимаются ими очень мало. Такъ было и со мною: капитанъ, послѣ экзамена въ училищѣ, не обращалъ на меня ни какого вниманія, за мной не было надзора, я пересталъ учиться, каждый вечеръ ѣздилъ въ театръ, велъ жизнь довольно разсѣянную и пріучился къ совершенному своеволію.

Наступило время поступленія въ училище. Первые дни прошли довольно сносно: новость моего положенія занимала меня, но, всмотрѣвшись ближе въ подробности предстоявшей жизни, меня взяло раздумье. Вставать въ 6 часовъ утра, умываться въ общемъ мѣдномъ умывальникѣ, строиться въ ряды, чтобы итти къ молитвѣ, сидѣть въ классѣ на урокѣ, какъ въ клѣткѣ, не имѣя возможности дать свободы своимъ движеніямъ, писать и болѣе думать о томъ, чтобы не закапать скамейку чернилами, нежели о томъ, что пишешь, отправляться по командѣ на обѣдъ и выходить изъ за стола совершенно голоднымъ, не смѣть заниматься чѣмъ-бы то ни было въ рекреаціонной залѣ, когда приказано отдыхать и веселиться, итти стройными рядами въ спальню, раздѣваться и складывать по формѣ свое платье на табуретѣ, не имѣть возможности укрыться чѣмъ-нибудь теплымъ, кромѣ легкаго одѣяла, въ огромной комнатѣ со стѣнами подъ мраморъ и съ одинадцатью градусами тепла въ зимнее время, засыпать непремѣнно чрезъ четверть часа и спать не иначе, какъ на правомъ боку,—всему этому, какъ оно ни было для меня дико и непріятно, я подчинился съ стоическою твердостью. Но не выходить изъ училища въ будни, а только по праздникамъ, и то не иначе, какъ если за вами пришлютъ кого-нибудь съ

такъ называемымъ родственнымъ билетомъ, на которомъ означены фамилія воспитанника и адресъ родственника или знакомаго, берущаго воспитанника къ себѣ на домъ, ходить и ѣздить въ городѣ непремѣнно въ сопровожденіи лакея, бывать въ театрѣ только въ ложахъ и то всегда съ родными, никогда не заходить въ кондитерскія и не ѣздить на извощикахъ,—на это я никакъ не могъ согласиться, привыкнувъ во время пребыванія моего у инженернаго капитана не стѣсняться подобными мелочами. Товарищи меня полюбили за мой веселый, беззаботный характеръ, начальникамъ я не совсѣмъ нравился потому, что не всегда исполнялъ обязанности, возложенныя на воспитанниковъ.

За двѣ недѣли до поступленія моего въ училище, я познакомился у моихъ родственниковъ съ одной молодой еще дамой, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе своею красотой и крѣпко заинтересовала своимъ положеніемъ. Ей было двадцать восемь лѣтъ, а супругу ея насчитывали за шестьдесятъ. Она была совершенная красавица, а мужъ уродливый старикъ. Она была жива и игрива по молодости и по природѣ, ее звали Лаурой, родомъ она была итальянка, а Иванъ Васильевичъ Б., за котораго она вышла замужъ, былъ флегматикъ самой непріятной наружности и, казалось, не имѣлъ большаго расположенія къ своей супругѣ. Полюбить эту очаровательную женщину со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ юноши было для меня дѣломъ одного мгновенія. Я вскорѣ совершенно предался этой страсти и выдумывалъ разные предлоги, чтобы чаще видѣть госпожу Б. Сначала я только пользовался позволеніемъ выходить изъ училища по праздникамъ; но родные мои иногда не присылали за мною, и, чтобы не проводить въ училищѣ тѣхъ счастливыхъ дней, въ которые я могъ видѣться съ Лаурой, я нанялъ особаго служителя, и его единственною обязанностью было являться съ родственнымъ билетомъ въ училище по праздникамъ и воскресеньямъ и объявлять воспитателямъ (такъ назывались у насъ надзиратели и гувернеры), что присланъ за мною отъ г. К., дальняго моего родственника, на имя котораго былъ написанъ училищный билетъ.

Привязанность моя къ Лаурѣ такъ быстро развилась, что жизнь въ училищѣ по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлалась для меня

невыносимой. Цѣлые дни проводилъ я въ мечтахъ о прелестной итальянкѣ, всю недѣлю жилъ надеждой видѣть ее въ воскресенье. Науками я занимался очень мало, или совсѣмъ не занимался, но этого не замѣчали мои наставники, потому что въ классѣ, въ который я поступилъ, читали предметы давно мнѣ знакомые. Въ музыкѣ я дѣлалъ замѣтные успѣхи; они обратили на меня вниманіе высокаго покровителя нашего училища. Кромѣ фортепьяно, я игралъ на віолончели, и игра на этомъ инструментѣ служила мнѣ большимъ развлеченіемъ и утѣшеніемъ въ моемъ положеніи. Попечитель нашего училища очень любилъ музыку и заставилъ меня и Сѣрова учиться на віолончели; учителемъ нашимъ былъ Кнехтъ. Изъ всѣхъ инструментовъ звуки віолончели болѣе другихъ походятъ на человѣческій голосъ и болѣе другихъ способны выражать чувства наши. Въ звукахъ этого инструмента такъ много пѣвучести, въ меланхолическомъ пѣніи его такъ много безотрадной тоски, что віолончель сильно дѣйствуетъ на душу, въ особенности, когда она настроена грустью...

Прошло четыре мѣсяца со дня поступленія моего въ училище, и знакомство мое съ Лаурой съ каждымъ праздникомъ дѣлалось короче, привязанность моя къ ней становилась сильнѣе. Меня принимали очень ласково: старикъ мужъ смотрѣлъ на меня, какъ на доброе дитя, развлекавшее иногда своими разсказами и любезностями его жену, а Лаура такъ привыкла ко мнѣ, что считала совершенно своимъ. Она очень любила музыку, пѣла превосходно и часто заставляла меня акомпанировать на фортепьяно или на віолончели. Привязанности моей она, казалось, не замѣчала, или лучше сказать не замѣчала въ ней увлеченія, съ которымъ я любилъ. Изъ веселаго и рѣзваго отрока я сдѣлался задумчивымъ, мечтательнымъ юношей, товарищи меня не узнавали; съ потерей веселости я потерялъ ихъ расположеніе, въ шалостяхъ ихъ никогда не участвовалъ, никому не повѣрялъ своей тайны, но изыскивалъ средства почаще выходить изъ училища.

Не такъ то легко было укрыться отъ бдительныхъ глазъ безчисленныхъ училищныхъ аргусовъ. Весьма многимъ изъ предписанныхъ правилъ я не могъ подчиняться и очень часто попадался въ отпуску нашимъ надзирателямъ на извощикѣ, или пѣшкомъ безъ лакея, или въ

театрѣ въ креслахъ, или въ кондитерской за чашкой кофе. Эти преступленія строго у насъ наказывались. На первыхъ порахъ я упрашивалъ надзирателей не доносить обо мнѣ директору, потомъ отдѣлывался отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подарками, но, наконецъ, былъ подверженъ отвѣтственности, и нѣсколько праздниковъ сряду просидѣлъ въ училищѣ. Чтобы избавиться отъ этихъ непріятностей, я рѣшился не носить въ отпуску училищнаго мундира, заказалъ себѣ партикулярное платье и черный парикъ, измѣнявшій нѣсколько цвѣтъ моихъ волосъ, купилъ очки и досталъ помады тѣлеснаго цвѣта, которою закрашивалъ большое родимое пятно, находящееся у меня надъ лѣвымъ глазомъ. Переодѣтый такимъ образомъ, я безпрепятственно могъ ходить и ѣздить по городу и безнаказанно проводить дни отпуска, гдѣ и какъ хотѣлъ. Для того же, чтобы почаще отлучаться изъ училища, я придумалъ новое средство. Въ больницѣ были особыя комнаты для опасно больныхъ и для тѣхъ, у которыхъ была какая нибудь прилипчивая болѣзнь; иногда впрочемъ и обыкновеннымъ больнымъ отводили эти комнаты. Надзиратель больницы получалъ отъ меня постоянное вознагражденіе за разныя снисхожденія и часто отводилъ мнѣ особую комнату, изъ которой былъ выходъ по лѣстницѣ на дворъ. Директоръ имѣлъ привычку посѣщать больницу ежедневно нѣсколько разъ и вечеромъ приходилъ обыкновенно въ восемь часовъ; послѣ вечерняго посѣщенія директора, надзиратель по большей части или уходилъ со двора, или ложился спать, въ полной увѣренности, что больные спятъ. Я подкупилъ одного изъ фельдшеровъ и въ дни его дежурства, чрезъ день, послѣ восьми часовъ вечера отправлялся къ Лаурѣ или въ театръ и возвращался часамъ къ двѣнадцати.

Устроивъ такимъ образомъ свободные выходы изъ училища, чтобы пользоваться ими нѣсколько разъ въ недѣлю, я долженъ былъ часто сказываться больнымъ, и докторъ нашъ С. запретилъ, наконецъ, принимать меня въ больницу. Тогда я притворился больнымъ бѣлою горячкою, дозволилъ терзать себя всѣми средствами, употребляемыми къ излеченію этой болѣзни: глоталъ приписываемыя микстуры, съ стоическою твердостію выдержалъ два раза кровопускательныя банки и совершенно успѣлъ обмануть нашего доктора и другаго эскулапа, призваннаго для

консультаціи. Бѣлая горячка продолжалась полтора мѣсяца, и въ этотъ періодъ страсть моя развилась до крайнихъ предѣловъ; я видѣлъ Лауру почти каждый вечеръ и любилъ ее съ новымъ увлеченіемъ. Скрывать долѣе чувствъ моихъ я не могъ и высказалъ ихъ Лаурѣ. Она хотѣла обратить мое признаніе въ шутку, но я былъ такъ краснорѣчивъ, такъ настойчивъ, слова мои были такъ чистосердечны, привязанность моя такъ неподдѣльна, что нельзя было не выслушать меня серьезно. Въ отвѣтѣ Лауры, основанномъ не на чувствѣ оскорбленнаго достоинства, а на твердомъ сознаніи неноколебимости своего долга и всѣхъ его обязанностей, если и не было высказано полнаго сочувствія ко мнѣ, то я могъ однакоже замѣтить нѣкоторое участіе къ моему положенію, нѣсколько состраданія. Этотъ проблескъ какого-то чувства, не враждебнаго мнѣ, желаніе Лауры вразумить меня и объяснить привязанность мою дѣтскимъ увлеченіемъ, ея совѣты оставаться въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ и не говорить ей болѣе о любви моей — самолюбіе мое перетолковало иначе: въ словахъ ея, казалось мнѣ, выразилось сожалѣніе не только ко мнѣ, но и сожалѣніе, хотя не ясно высказанное о положеніи ея самой; въ глазахъ-же ея, въ черныхъ, томныхъ и очаровательныхъ, я прочелъ болѣе, чѣмъ ожидалъ, и остался совершенно доволенъ моимъ объясненіемъ. Пламенное воображеніе мое рисовало въ будущности картины счастія, и инстинктъ говорилъ мнѣ, что грезы мои осуществятся. Изъ тихаго, робкаго чувства привязанность моя перешла въ такое сильное, восторженное увлеченіе, въ такую пылкую необузданную страсть, что въ порывахъ любви моей я часто спрашивалъ себя: дѣйствительно-ли притворяюсь больнымъ и не помѣшался-ли въ самомъ дѣлѣ?

Скоро прошло время пребыванія моего въ больницѣ; мой добрый геній, фельдшеръ, покровительствовавшій мнѣ, заболѣлъ и на мѣсто его назначили другаго, который о предложеніи моемъ выпускать меня по вечерамъ доложилъ директору; къ счастію это предложеніе приняли за новое доказательство болѣзненнаго моего состоянія; но выходить изъ больницы я уже не могъ и по необходимости долженъ былъ выздоровѣть въ непродолжительномъ времени. Какъ и прежде, я сталъ видѣться съ Лаурою только по праздникамъ и воскресеньямъ и продолжалъ ходить въ городъ въ партикулярномъ платьѣ.

Однажды, въ вечеру, Лауры не было дома, и я отправился въ большой театръ. Давали любимую мою оперу: „Роберта Дьявола“ Мейербера. Великолѣпная постановка этой оперы, занимательное либретто, однимъ словомъ все въ этомъ образцовомъ произведеніи вкуса, геніальности, музыкальной учености и счастливаго вдохновенія, производило на меня невыразимо пріятное впечатлѣніе. Я сидѣлъ въ креслахъ; кончился первый актъ, я окинулъ взоромъ всѣхъ моихъ сосѣдей и не замѣтилъ между ними ни одного знакомаго лица: подлѣ меня было пустое мѣсто. Въ началѣ втораго акта, это мѣсто занялъ г. Т., надзиратель нашего училища, одинъ изъ самыхъ лютыхъ враговъ моихъ, нѣмецъ родомъ, маленькій ростомъ, близорукій и очень непріятной наружности. Онъ начинаетъ всматриваться въ меня и, кажется, узнаетъ. Тогда между нами завязывается слѣдующій разговоръ:

— Послушайте, какъ вы смѣете ходить одни въ театръ и въ партикулярномъ платьѣ?

— Милостивый государь, не мѣшайте мнѣ слушать прекрасную музыку Мейербера.

— Я васъ серьезно спрашиваю, какъ вы смѣете быть здѣсь, и не въ мундирѣ.

— Вы со мной-ли говорите?

— Съ кѣмъ-же, какъ не съ вами?

— Въ такомъ случаѣ я васъ не понимаю.

— Вы меня не понимаете, такъ поймете сейчасъ: не угодно-ли вамъ сію минуту ѣхать со мною?

— Извините, не могу удовлетворить вашему желанію: я очень люблю музыку „Роберта“ и не намѣренъ уѣхать изъ театра до окончанія пьесы.

— Такъ вы еще не слушаете меня? Будетъ-же вамъ.

— Вы, милостивый государь, или не въ своемъ умѣ, или ошибаетесь и принимаете меня за другаго.

— Нѣтъ, С., я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы принять за другаго.

— Я дѣйствительно С., но не понимаю, какое право даетъ вамъ эта фамилія говорить мнѣ грубости.

— Вы еще насмѣхаетесь надо мной, такъ погодите-же, завтра въ училищѣ я съ вами раздѣлаюсь.

— А! Вы быть можетъ изъ училища N?

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— И вѣроятно служите тамъ инспекторомъ или воспитателемъ?

— Вы, кажется, въ этомъ не совершенно увѣрены?

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло. Вы приняли меня за моего брата, который воспитывается въ училищѣ N.; ошибиться впрочемъ не трудно, мы очень похожи другъ на друга, но я нѣсколько старше брата, у него волосы свѣтлѣе моихъ, и у меня нѣтъ родимаго пятна надъ глазомъ, по которому брата моего тотчасъ можно узнать.

— Извините, я дѣйствительно принялъ васъ за вашего брата, но онъ такой повѣса ..... еще разъ прошу меня извинить.

Зная нѣсколько слабыя струны нашего Т., я въ разговорѣ такъ къ нему поддѣлался, что онъ былъ отъ меня въ восторгѣ; въ особенности понравилось ему мое сужденіе о музыкѣ вообще и о нѣмецкой въ особенности.

Передъ пятымъ актомъ я его просилъ передать моему брату нѣсколько денегъ, увѣривъ его, что не могу прійти скоро въ училище, по случаю предстоящей поѣздки на нѣсколько дней изъ Петербурга, и въ концѣ представленія уѣхалъ изъ театра.

Мы разстались большими пріятелями. На другой день Т., не отдавая мнѣ денегъ, полученныхъ имъ наканунѣ, а сказавъ, что сохранитъ ихъ для моихъ надобностей (имѣть деньги воспитанникамъ запрещалось), разсыпался въ похвалахъ моему брату, говорилъ, что онъ прекрасный молодой человѣкъ, очень солидный, имѣетъ много свѣдѣній, долженъ быть отличнымъ музыкантомъ, и совѣтовалъ мнѣ брать съ него во всемъ примѣръ.

Чрезъ нѣсколько дней я разсказалъ объ этомъ происшествіи одному изъ моихъ товарищей, взявъ съ него честное слово, что сохранитъ его въ тайнѣ. Вскорѣ въ училищѣ не было другаго разговора, какъ о похожденіи моемъ съ Т.

Надзоръ за мной сдѣлался строже, узнали, что приходилъ съ родственнымъ билетомъ нарочно нанятый для этого лакей, что у род-

ныхъ моихъ бываю очень рѣдко и что хожу въ городѣ въ партикулярномъ платьѣ. Это такія преступленія, за которыя не могло быть помилованія. Меня засадили на двѣ недѣли въ карцеръ и въ теченіи мѣсяца запретили выходить изъ училища.

Первые дни моего заключенія были для меня невыносимы. Постоянный мракъ, царствовавшій въ темницѣ, невозможность ни встать, ни ходить,—такъ былъ малъ нашъ карцеръ, лишеніе всѣхъ средствъ къ занятіямъ доводили меня до отчаянія, а мысль, что въ теченіи шести недѣль не буду видѣть Лауры, терзала меня болѣе всего. Казалось, не могло быть положенія болѣе затруднительнаго, и я узналъ тогда на опытѣ, какъ невыносимо одиночное темничное заключеніе.

Но и въ эти горькія минуты мой добрый геній не оставилъ меня. На этотъ разъ онъ явился въ видѣ карцернаго сторожа, который, послѣ трехдневнаго бдительнаго надзора, сжалился надо мною и за незначительную плату согласился давать мнѣ свободу по вечерамъ, послѣ девяти часовъ. Вскорѣ я свыкся съ моимъ положеніемъ, и когда меня выпустили изъ карцера, я очень жалѣлъ, что время заключенія продолжалось не долго. Изъ карцера я могъ уходить и видѣть Лауру, а изъ училища не было возможности исчезнуть незамѣченнымъ. По этому я употребилъ карцеръ, какъ средство для свиданій съ Лаурою, и началъ дѣлать множество разныхъ шалостей, въ училищахъ обыкновенно называемыхъ школьничествомъ, какъ напримѣръ: каналъ изъ пера чернило на лысую голову учителя нѣмецкаго языка, сдергивалъ парикъ съ профессора физики, подражалъ лаю собакъ, когда преподаватель англійскаго языка заставлялъ меня спрягать глаголы, и тому подобное. За всѣ эти продѣлки меня сажали въ карцеръ; но наказаніе это такъ часто повторялось и, казалось, было такъ недѣйствительно, что чѣмъ чаще меня сажали въ карцеръ, тѣмъ больше я шалилъ, и карцеръ былъ занятъ мною почти постоянно. Тогда директоръ, начинавшій, вѣроятно, подозрѣвать что-нибудь, приказалъ сажать меня вмѣсто карцера въ отдѣльную комнату при больницѣ, изъ которой не было уже никакой возможности уйти, ибо ключъ хранился у самаго лютаго врага моего Т., такъ удачно обманутаго мной въ театрѣ. Къ заключенію прибавили еще другое наказаніе—голодъ, и какъ я ни былъ терпѣливъ, но не могъ перенесть всѣхъ истязаній, которымъ меня подвергли.

Независимо отъ обязанности наказывать, у директора развилось ко мнѣ враждебное чувство, которое обратилось въ злое, недостойное мщеніе; онъ хотѣлъ выместить на мнѣ всѣ насмѣшки наши надъ нимъ и его семействомъ, составлявшимъ порядочное собраніе уродовъ, и всѣ непріятности, которыя воспитанники дѣлали надзирателямъ и учителямъ, въ полной увѣренноста, что я былъ главной пружиной всѣхъ безпорядковъ и шалостей.

Дальнѣйшее пребываніе въ училищѣ сдѣлалось для меня невозможнымъ. Я писалъ моему отцу и умолялъ его взять меня изъ училища. Краснорѣчивое письмо мое, продиктованное невыносимымъ страданіемъ отъ стѣсненія личности, было прочтено директоромъ, и когда онъ убѣдился, что я рѣшительно не хочу оставаться въ училищѣ, то воспользовался отсутствіемъ изъ Петербурга нашего попечителя и, сдѣлавшись главнымъ начальникомъ въ училищѣ, довелъ меня до крайнихъ предѣловъ ожесточенія. Наконецъ, въ классѣ при всѣхъ ученикахъ насказалъ мнѣ столько грубостей и употребилъ такія выраженія, которыхъ врожденная мнѣ гордость не могла снести. Я ему отвѣчалъ тѣмъ-же, въ слѣдствіе чего и былъ исключенъ изъ училища.

Однимъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ моей жизни былъ день моего исключенія: я оставилъ училище, какъ оставляетъ узникъ свою темницу. Я жалѣлъ только о томъ, что нашего попечителя не было тогда въ Петербургѣ, и я не могъ объяснить ему моего поведенія. Мнѣ не хотѣлось оставить въ памяти высокаго покровителя нашего дурнаго воспоминанія обо мнѣ. Онъ всегда былъ такъ ласковъ ко мнѣ, принималъ такое участіе въ моемъ положеніи, что каждый разъ, когда директоръ докладывалъ о моихъ шалостяхъ, онъ призывалъ меня къ себѣ и съ истинно родительскою любовью увѣщевалъ меня и просилъ исправиться; не смотря на неизмѣримое разстояніе между нами, я иногда готовъ былъ высказать ему все и признаться въ моей любви; онъ былъ еще молодъ, онъ, быть можетъ, понялъ-бы меня, и тогда жизнь моя получила-бы совсѣмъ другое направленіе. Но смѣлости мнѣ не доставало, врожденная застѣнчивость и ложный стыдъ заграждали мнѣ уста.

Сколько разъ добрый, незабвенный покровитель, во время пребыванія моего въ училищѣ, писалъ я тебѣ, и въ письмахъ моихъ громко

говорило чувство неподдѣльнаго раскаянія въ проступкахъ молодости, искренней преданности тебѣ и разумнаго пониманія началъ добра! Ты любилъ ихъ, эти признанія отроческой откровенности, эти очерки минутныхъ заблужденій, въ противоположность которымъ перо мое рисовало картины нравственнаго совершенства. Ты сочувствовалъ душѣ моей, увлеченной пылкой привязанностью, ты угадалъ, что не скверенъ по природѣ я. Да воздастъ тебѣ Господь за твои отеческія попеченія, и да наградитъ тебя въ дѣтяхъ твоихъ!

По исключеніи изъ училища, меня взялъ къ себѣ господинъ К., женатый на моей родственницѣ. Онъ былъ еще молодъ, велъ жизнь очень разсѣянную и не обращалъ на меня почти никакого вниманія; но счелъ однакоже нужнымъ снабдить меня гувернеромъ англичаниномъ. Я не любилъ К. и не могъ быть съ нимъ откровененъ; гувернеръ-же пришелся мнѣ по сердцу, и мы жили съ нимъ дружно; онъ никогда не мѣшался въ мои дѣла, провожалъ меня со двора и потомъ давалъ полную свободу; домой мы возвращались всегда вмѣстѣ въ условленное время, и всѣ были убѣждены, что мы въ теченіи дня не разлучались.

Во время послѣдняго моего заточенія въ училищѣ, мужъ Лауры скончался, оставивъ ей довольно значительное состояніе. Я не видѣлъ ея въ первые дни ея вдовства, но мы встрѣтились вскорѣ, свободные оба: она отъ узъ супружескихъ, я отъ ига училищнаго; и сколько разъ благословлялъ я судьбу за то, что она дала мнѣ возможность располагать собою и видѣть Лауру каждый день. Изъ всѣхъ ея родныхъ у ней осталась одна тетка, поселившаяся у Лауры послѣ смерти ея мужа. Тетка эта сдѣлалась истиннымъ моимъ другомъ. День со дня посѣщенія мои становились продолжительнѣе. Я ей не говорилъ о моихъ чувствахъ, но взоры наши краснорѣчиво высказывали то, о чемъ языкъ изъ приличія молчалъ еще.

Я дѣлалъ тысячи плановъ одинъ несбыточнѣе другаго, строилъ такіе великолѣпные замки, какіе можетъ создать пятнадцатилѣтнее восторженное воображеніе. Но въ этихъ очертаніяхъ счастливой будущности мысль моя часто останавливалась на моихъ родителяхъ, я думалъ объ огорченіи, сдѣланномъ имъ исключеніемъ изъ училища, о неудовольствіи на меня отца моего. Онъ не писалъ мнѣ ни слова, и я чувство-

валъ, что гнѣвъ его долженъ быть великъ и справедливъ. Безотчетный страхъ, который я питалъ къ нему въ дни дѣтства, пробуждался вновь и испуганное воображеніе не рѣдко доводило меня до отчаянія. Не долго впрочемъ продолжалось горькое раздумье: чувство сожалѣнія о нанесенныхъ родителямъ непріятностяхъ и идея неопредѣленнаго страха подавлялись безпредѣльною привязанностью къ Лаурѣ. Не могло быть продолжительной борьбы между чувствами сыновней любви и послушанія и страстью моей къ Лаурѣ. Лаура всегда бывала побѣдительницею. Наконецъ я рѣшился, если отецъ поступитъ со мной круто, оставить его навсегда, удалиться изъ Петербурга и уѣхать съ Лаурой за границу.

Прошло шесть недѣль траура Лауры, я говорилъ ей о моихъ чувствахъ и сообщилъ мое намѣреніе; въ словахъ моихъ было столько страстнаго увлеченія, во мнѣ такъ краснорѣчиво говорила привязанность моя, что невольно и Лаура высказала болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Она впрочемъ значительно укротила пылъ моего восторга, объявивъ, что никогда не приметъ моихъ предложеній, если они не будутъ согласны съ волею моихъ родителей.

Какъ ни пріятно было мнѣ слышать выраженіе сочувствія Лауры, но рѣшимость ея не слѣдовать влеченію сердца, а во всемъ согласоваться съ волею отца моего, уничтожила все очарованіе. Сомнѣніе въ искренности Лауры мучило меня: подчиниться волѣ моего отца, по моему убѣжденію, значило разстаться съ Лаурой навсегда. И такъ не радость вынесъ я изъ этого объясненія, а безотрадную тоску, неопредѣленное сомнѣніе, неувѣренность въ возможности осуществленія моихъ мечтаній. Это состояніе между страхомъ и надеждой продолжалось до пріѣзда моего отца.

Первое свиданіе съ нимъ рѣшило вопросъ о моей будущности. Онъ обошелся со мною очень кротко, не смотря на то, что былъ крайне огорченъ изгнаніемъ изъ училища: въ немъ сильно страдало чувство оскорбленнаго самолюбія, ему грустно было отказаться отъ любимой идеи видѣть во мнѣ достойнаго наслѣдника своего имени, не хотѣлось ему сознаться и въ обманутой надеждѣ на совершенство нравственнаго моего воспитанія. Директоръ описалъ меня самыми черными

красками, что впрочемъ послужило мнѣ въ большую пользу. Удостовѣрясь изъ разговоровъ со мною, что я вовсе не имѣю дурныхъ правилъ, и что причиной большей части моихъ шалостей было стѣсненіе личности, отецъ мой вскорѣ совершенно успокоился на счетъ моего нравственнаго направленія. Не смѣлъ впрочемъ я ему признаться въ моей привязанности къ Лаурѣ; зная его серьезный харахтеръ, какъ было сказать ему, что я люблю и что меня любятъ? Я страшился не за себя, а за Лауру,—мнѣ дорого было ея доброе имя.

Я любилъ науки, и мысль о свободной учебной дѣятельности всегда привѣтливо улыбалась мнѣ; я увѣрилъ моего отца, хотѣвшаго было сначала отдать меня въ военную службу, что я готовъ учиться и горю нетерпѣніемъ почерпнуть нужныя для образованнаго человѣка свѣдѣнія, но съ условіемъ не ограничивать моей свободы ненавистными училищными формами, которыя введены у насъ нѣмецкими преподавателями и надзирателями и которымъ славянская моя природа не могла никакъ подчиниться. Дѣйствительно, жаждалъ я обогатить себя полезными познаніями, но желалъ пріобрѣсть ихъ по собственному побужденію и по внутреннему сознанію ихъ необходимости, безъ всякаго принужденія и стѣсненія. Поэтому рѣшено было, что я окончу мои науки въ университетѣ.

Увлеченный желаніемъ учиться, я изъявилъ согласіе на поступленіе въ университетъ, въ полной увѣренности, что меня оставятъ въ Петербургѣ; но каково было мое положеніе, когда отецъ объявилъ твердую волю, чтобы я поступилъ въ одинъ изъ губернскихъ университетовъ. Мысль, что, оставляя Петербургъ, я разстанусь съ Лаурой, быть можетъ, навсегда,—мучила, терзала меня; цѣлый день провелъ я въ тревожномъ состояніи и рѣшился не уѣзжать изъ Петербурга. Въ вечеру получилъ письмо отъ моей матери, въ которомъ она убѣдительно просила меня пріѣхать къ ней. Чувство безпредѣльной привязанности къ матери, предстоявшая возможность повѣрить ей тайну моего сердца заставили перемѣнить мое намѣреніе, и поѣздка въ деревню для свиданья съ матерью представлялась мнѣ лучшимъ средствомъ къ осуществленію моихъ желаній со временемъ. Недовѣрчивость однако поселяла во мнѣ новыя сомнѣнія въ искренности Лауры; я рѣшился въ тотъ-же

вечеръ объясниться съ ней окончательно. Я ей сказалъ, что уѣзжаю на дняхъ на югъ, что не говорилъ отцу ни слова о моей привязанности, зная его правила и характеръ и будучи убѣжденъ, что онъ приметъ это за глупое увлеченіе, сказалъ еще, что и привязанности ея я не совсѣмъ довѣряю, что не вѣрится мнѣ, чтобъ она искренно меня любила, а если дѣйствительно любитъ, то послѣдуетъ за мною туда, куда влечетъ меня судьба.

Нѣтъ словъ описать мой восторгъ, когда я услышалъ изъ устъ Лауры обѣщаніе найти меня, гдѣ-бы я ни былъ: то было упоеніе, доходившее до изступленія въ избыткѣ счастія; ощущенія подобнаго рода въ жизни человѣка очень рѣдки; они слишкомъ сильно потрясаютъ духовную его сторону и не могутъ повторяться часто. Мы положили съѣхаться не позже двухъ мѣсяцовъ въ Кіевѣ, гдѣ я предположилъ поступить во вновь открытый университетъ.

И такъ отъѣздъ мой изъ Петербурга сдѣлался для меня однимъ изъ пріятнѣйшихъ событій въ моей жизни. Я оставлялъ этотъ городъ съ надеждой на счастливую аркадскую будущность съ Лаурой. Не знаю впрочемъ, отчего не вѣрилось мнѣ, что я искренно любимъ ею: демонъ сомнѣнія часто тревожилъ меня, мысль, что Лаура меня любитъ, представлялась мнѣ такимъ несбыточнымъ бредомъ, такою мечтою недосягаемаго счастія, что я не смѣлъ предаваться ей вполнѣ. Эта недовѣрчивость имѣла единственнымъ основаніемъ избытокъ счастія и нисколько не была сродна моему характеру. Напротивъ я былъ слишкомъ довѣрчивъ, я вѣрилъ еще въ возможную непогрѣшимость человѣческой природы; добродѣтель, справедливость, истина не были для меня словами пустыми; обѣщать и не дѣлать, занять и не заплатить въ срокъ, быть въ состояніи помочь и не оказать помощи—я считалъ невозможнымъ. Благодаря правиламъ строгой нравственности, поселенной во мнѣ матерью и природнымъ началамъ добра, начертаннымъ Создателемъ въ сердцѣ моемъ, я былъ нравственно цѣломудренъ, я былъ наивно добродѣтеленъ и не только не дозволялъ себѣ думать о возможности отступленій и уклоненій отъ идеи правды, но не допускалъ ихъ и въ другихъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ деревню, свиданіе мое съ матерью и ба-

бушкой было очень трогательно; онѣ не видѣли меня около двухъ лѣтъ, и не зная еще, достоинъ-ли я ихъ ласкъ, приняли меня съ любовью.

Я не разувѣрялъ отца моего въ предполагаемой имъ причинѣ моихъ шалостей въ училищѣ, но предъ матерью не могъ скрыть истины и разсказалъ ей все, не изъ тщеславія, что успѣлъ пріобрѣсть взаимность очаровательной женщины, не изъ одной необходимости высказать ей всю полноту моихъ чувствъ и вызвать въ ней сочувствіе къ моему положенію, а изъ желанія представить также достаточное извиненіе моимъ поступкамъ и предстать предъ нравственнымъ совершенствомъ моей матери не совсѣмъ недостойнымъ имени ея сыномъ. Откровенность моя послужила еще къ большему сближенію между нами. Страсть мою къ Лаурѣ мать моя считала пылкимъ увлеченіемъ юности и не осуждала меня за это; но говорила, что не слѣдуетъ давать большую свободу своимъ чувствамъ, что нужно умѣрять по возможности пылъ моего сердца, и изъявила желаніе, чтобы я поступилъ въ кіевскій университетъ для окончанія наукъ.

Какъ рѣзко начертались въ памяти моей слова твои, незабвенная виновница дней моихъ, несравненная мать, моя совершеннѣйшая изъ женщинъ! Помню я и буду всегда помнить то, что ты сказала, благословляя меня на новое поприще: больше разсудка и меньше сердца другъ мой, и ты будешь счастливъ.

IV. Университетъ.

У Днѣпра, на высокихъ горахъ живописно раскинутъ древній Кіевъ. Когда подъѣзжаешь къ этому городу, глазамъ представляется великолѣпное зрѣлище: предъ вами широкая, величественная рѣка, за нею прямо, на большой возвышенности печерская лавра, съ несмѣтнымъ множествомъ золотыхъ куполовъ, посреди которыхъ горделиво возвышается высокая башня колокольни; вся мѣстность, принадлежащая лаврѣ, обнесена каменной оградой и украшена роскошными садами, гдѣ между столѣтними деревами виднѣются крытые переходы изъ ближнихъ въ дальнія пещеры. Направо по горамъ ряды величественныхъ итальянскихъ тополей; изъ-за нихъ выглядываютъ городскія зданія и бесѣдки

царскаго сада, далѣе на горизонтѣ красуется единственная въ своемъ родѣ по архитектурной красотѣ своей церковь Андрея Первозваннаго; здѣсь картина оканчивается Подоломъ, новымъ городомъ, симметрически расположеннымъ на берегу рѣки; пристань усѣяна барками и разными судами. Налѣво крутые берега Днѣпра, изрытые оврагами, одѣтые дико ростущими кустарниками; вдали на утесѣ Выдубицкій монастырь,—мирная, убогая обитель и кладбище.

Чудно хорошъ святой градъ, когда подъѣзжаешь къ нему изъ-за Днѣпра, и трудно описать впечатлѣніе, которое производитъ видъ его на русскаго путешественника, впервые посѣщающаго эту древнюю колыбель вѣры православной. Чувства благоговѣнія къ святынѣ, уваженія къ старинѣ, тѣснятся въ груди и приводятъ въ совершенный восторгъ.

Я пріѣхалъ въ Кіевъ съ отцомъ моимъ, и по указанію попечителя кіевскаго округа, меня помѣстили къ директору 1-й гимназіи для приготовленія къ пріемному экзамену въ университетъ.

Директоръ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный и зналъ, какъ нужно обходиться съ шестнадцатилѣтнимъ юношей: онъ предоставилъ мнѣ полную свободу располагать временемъ и развилъ во мнѣ охоту къ занятіямъ серьезнымъ: я учился съ успѣхомъ и въ четыре мѣсяца совершенно приготовился къ поступленію въ университетъ. Въ Петербургѣ я многое позабылъ изъ того, что зналъ еще въ пансіонѣ; оставивъ высшее училище и проживъ безъ занятій нѣсколько мѣсяцевъ, я удержалъ въ памяти очень немногое изъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ въ училищѣ, и четырехмѣсячное приготовленіе къ университету едва-ли было бы достаточно, еслибы я не употребилъ всевозможнаго старанія къ побѣжденію учебныхъ трудностей и пріобрѣтенію необходимыхъ познаній. Болѣе всего я занялся латинскимъ языкомъ; на первомъ курсѣ предстояло слушать „Римское Право“, и на пріемномъ экзаменѣ обращали особенное вниманіе на латынь.

Меня очень полюбили и ласкали въ домѣ нашихъ родныхъ П. Я. и Н. Гр. Лукашевичей. Они жили въ городѣ зимой, а лѣто проводили на прелестной дачѣ „Кинь-грусть“, купленной у Бѣгичева. Названіе „Кинь-грусти“ было дано императрицей Екатериной II въ 1787

году. Съ 1838 года дядя и тетушка Лукашевичи стали жить круглый годъ въ „Кинь-грусти“, гдѣ выстроили помѣстительный домъ и поселили нѣсколько семействъ крестьянъ. Не смотря на болѣзненное состояніе Платона Яковлевича, страдавшаго подагрой, и преклонныя лѣта Надежды Григорьевны, у нихъ было весело. Превосходно отдѣланный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ, радушіе и любезность стариковъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей.

Лаура писала мнѣ часто, но не могла въ скорости пріѣхать въ Кіевъ: ее удерживали въ Петербургѣ разныя дѣла. Воспоминаніе о ней и надежда на скорое свиданіе поддерживали во мнѣ ученую дѣятельность.

Въ августѣ 1837 года я выдержалъ очень удовлетворительно экзаменъ и поступилъ въ число студентовъ университета св. Владиміра, по юридическому факультету.

Отецъ мой былъ доволенъ мною и навѣстилъ меня. Мы провели нѣсколько дней вмѣстѣ. Когда онъ уѣзжалъ, я сопутствовалъ ему до моста; это было вечеромъ, когда полный румяный мѣсяцъ величественно всходилъ на кіевскомъ горизонтѣ изъ за Днѣпра; мгновенно налетѣло облако и образовало на мѣдномъ дискѣ луны синій крестъ. Невольно перекрестился я и сказалъ отцу: „взгляните на крестообразное явленіе на лунѣ, это хорошее предзнаменованіе для меня“.

— Дай Богъ, отвѣчалъ отецъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ поступленія моего въ университетъ, пріѣхала въ Кіевъ Лаура; она окончила съ успѣхомъ свои дѣла и была совершенно свободна. Нѣтъ возможности описать мое счастіе и дать о немъ надлежащее понятіе Я любилъ, какъ любятъ въ лѣта первой молодости, когда безсознательное чувство взаимнаго влеченія не встрѣчаетъ въ изліяніи своемъ никакихъ препятствій и мелочныхъ разсчетовъ и не стѣсняется общественными условіями. Мы принадлежали другъ другу безусловно и существовали только для себя, не имѣя почти знакомыхъ. Большую часть времени я проводилъ въ университетѣ, а остальное посвящалъ Лаурѣ; жизнь наша текла тихо, спокойно: никто не зналъ о пребываніи Лауры въ Кіевѣ. Съ товарищами-студентами я мало былъ знакомъ и встрѣчался съ ними только на лекціяхъ,

всѣ думали, что я предался вполнѣ наукамъ, и никогда не спрашивали, что я дѣлаю и отчего нигдѣ не бываю. Въ первые мѣсяцы поступленія моего въ университетъ, многіе профессора относились ко мнѣ съ недовѣрчивостью; въ особенности не благоволилъ ко мнѣ М. А. Максимовичъ, читавшій исторію Русской Литературы; его научное изложеніе въ теченіе полугода „Слова о Полку Игоря“ и малорусскихъ пѣсень выводило насъ изъ терпѣнія. Но Неволинъ и Мацкевичъ были ко мнѣ расположены. Я не пропускалъ ни одной лекціи, записывая ихъ аккуратно, и готовился постоянно на репетиціи, каждое воскресеніе и въ дни большихъ праздниковъ бывалъ въ университетской церкви въ первой гимназіи, читывалъ Апостола, пѣвалъ на клиросѣ и съ точностью исполнялъ всѣ обязанности, возложенныя на студентовъ, чѣмъ и заслужилъ полное довѣріе профессоровъ и университетскаго начальства.

Такъ прошелъ первый годъ. Наступили экзамены; я ихъ выдержалъ очень хорошо и перешелъ во второй курсъ съ отличіемъ, не смотря на очень дурную отмѣтку изъ французскаго языка, поставленную мнѣ Максимовичемъ. Изъ своего предмета онъ не могъ не поставить мнѣ полныхъ балловъ, потому что на экзаменѣ присутствовали многіе профессора, и я превосходно зналъ исторію Русской Словесности, но на экзаменѣ изъ французскаго языка, на который лекторъ не явился по болѣзни, Максимовичъ, совсѣмъ почти незнавшій французскаго языка, экзаменовалъ въ качествѣ декана словеснаго факультета, и озлобившись моими дѣльными возраженіями и нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, поставилъ мнѣ единицу. Брадке, со вниманіемъ слѣдившій за успѣхами студентовъ въ наукахъ, не мало былъ удивленъ такой отмѣткой, но я былъ къ ней совершенно равнодушенъ, получивъ изъ всѣхъ предметовъ юридическаго курса и главныхъ вспомогательныхъ полные шары (4) и право на переходъ съ отличіемъ, условленный въ общемъ выводѣ тремя съ половиной.

Есть люди, которые отъ нечего дѣлать чрезвычайно любятъ заниматься чужими дѣлами и, встрѣчая затрудненія въ удовлетвореніи своей любознательности, употребляютъ всѣ средства, чтобы узнать что нибудь о своихъ знакомыхъ. Между моими товарищами былъ студентъ К., очень любившій выѣзжать, развозить городскія новости и украшать

ихъ разными вымыслами. Для него я былъ загадкой, надъ которой онъ усердно трудился. Узнавъ, что я дѣлю время между университетомъ и Лаурою, онъ распустилъ очень невыгодные слухи обо мнѣ и о Лаурѣ въ особенности. Слухи эти дошли до меня: я защищалъ Лауру со всѣмъ пыломъ молодости, не знающей границъ негодованію за оскорбленіе любимой женщины, и предъ многими студентами обличалъ К. во лжи, наговорилъ ему множество непріятностей и вызвалъ на дуэль. Но К. на вызовъ не явился и въ день назначенный для дуэли уѣхалъ на каникулы въ деревню. Я былъ въ отчаяніи: чувство неудовлетвореннаго мщенія кипѣло во мнѣ; презрѣніе къ безчестному поступку К. не могло заглушить жажды мести, желанія омыть кровью оскорбленіе нанесенное Лаурѣ.

Исторія моя съ К. сдѣлалась гласною; къ счастію, Лаура ничего о ней не знала.

Во время каникулъ я съѣздилъ на недѣлю домой. Бабушка была уже очень слаба, иногда забывалась, но по прежнему очень любила и ласкала меня и щедро надѣляла деньгами; бывало, откроетъ ящикъ бюро, гдѣ хранились деньги, и говоритъ: бери, мой милый, сколько хочешь. Изъ врожденной деликатности, случалось, не возьмешь много, — непремѣнно добавитъ нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, или положитъ въ карманъ пачку ассигнацій, и скажетъ: „мнѣ не надо, а тебѣ пригодятся“. 15-го августа 1838 года бабушка тихо скончалась. Горестна была для меня потеря этой добродѣтельной, праведной женщины, и я очень сожалѣлъ, что не былъ въ деревнѣ во время ея кончины.

Съ пріѣздомъ въ Кіевъ, Лаура чувствовала себя не хорошо: частая боль въ груди, постоянный кашель и едва замѣтная, но продолжительная лихорадка изнуряли ее; наступавшая осень еще болѣе разстроила ея здоровье. Медики рѣшили единогласно, что Лаурѣ необходимо провести зиму въ тепломъ климатѣ, и какъ ни тяжело было намъ разстаться, но дѣлать было нечего: Лаура выписала изъ Петербурга свою тетку и съ нею отправилась въ Италію.

Съ отъѣздомъ Лауры, К. сталъ мнѣ еще ненавистнѣе: я обвинялъ его въ безразсудной болтовнѣ, въ недостаткѣ чувства чести и съ нетер-

пѣніемъ ждалъ его возвращенія, въ надеждѣ излить на него всю горечь моего положенія. Съ наслажденіемъ думалъ я о той минутѣ, когда пуля пострѣлитъ врага, или шпага вонзится въ грудь его, и изыскивалъ средства, чтобы отмстить ему; эта жажда мести не была уже минутной вспышкой раздраженнаго чувства, слѣдствіемъ внезапнаго гнѣва, а обдуманнымъ желаніемъ зла, необузданнымъ стремленіемъ наказать К.

Надъ Крещатикомъ, на одной изъ плоскихъ возвышенностей, которыми оканчивается дворцовая часть Кіева, стояло древнее, деревянное, полуразрушенное зданіе; тамъ въ старыя времена была масонская ложа, потомъ въ зданіи этомъ помѣщался театръ, наконецъ оно пришло въ совершенную ветхость и служило убѣжищемъ летучимъ мышамъ; зловѣщій крикъ послѣднихъ нерѣдко вечернею порой пугалъ прохожихъ и наводилъ на нихъ уныніе. Вся мѣстность, окаймленная итальянскими тополями, поросла дикими, сорными травами, сквозь нихъ съ трудомъ можно было пробраться къ маленькому мысу, оканчивавшему собою плоскую возвышенность. Съ мыса открывался великолѣпный видъ на старый Кіевъ, съ его древними церквами, и на широкій величественный Днѣпръ, терявшійся у Вышгорода въ лазурной дали небосклона.

Рѣдко ходили сюда любоваться прекрасными видами... Существовало повѣрье, что мѣсто это нехорошее, что разрушенное зданіе—заколдованный домъ, обитаемый выходцами съ того свѣта.

Послѣ отъѣзда Лауры, въ свободное отъ занятій время, часто посѣщалъ я окретности Кіева, замѣчательныя по своему мѣстоположенію. Прогулки пѣшкомъ, склонность къ мечтательности и уединенію, созерцаніе чудной природы утоляли иногда печаль разлуки. Но бывали минуты, когда безотрадная тоска грызла меня, и я тогда чувствовалъ необходимость уйти подальше отъ людей; однажды въ самомъ грустномъ расположеніи я отправился къ описанной мѣстности.

Миновались жаркіе дни знойнаго лѣта, вѣяло осенней прохладой, широкая улица, ведущая къ спуску на Крещатикъ, была усыпана пожелтѣвшими листьями, сильный сѣверный вѣтеръ сметалъ съ земли кучи пыли и вертѣлъ ихъ въ воздухѣ громадными столбами; выгорѣвшія отъ жгучаго солнца земляныя насыпи представляли видъ печальный,

остовы деревьевъ, кое-гдѣ сохранившіе остатки зелени, грустно рисовались на сѣромъ небосклонѣ, покрытонъ облаками; накрапывалъ мелкій дождь, подъ ногами шелестѣлъ опавшій листъ; вечерѣло.

Вой вѣтра и зловѣщій крикъ филина были мнѣ по сердцу, и я быстрыми шагами приближался къ развалинамъ. Вдругъ явилось предо мной существо, служившее лучшимъ дополненіемъ дикой обстановкѣ, среди которой я находился: то былъ дряхлый, худой старикъ, едва таскавшій ноги. Онъ представлялъ собою ходячую развалину, олицетворялъ глубокую осень человѣческой жизни и находился въ большой гармоніи съ разрушавшимся отъ ветхости зданіемъ и умиравшей по времени года природой. Лице его, покрытое морщинами, было правильно и красиво; изъ подъ черныхъ съ просѣдью бровей сверкали большіе сѣрые глаза, полные жизни и выраженія; орлиный носъ гордо высился надъ маленькимъ ртомъ, лице оканчивалось острымъ подбородкомъ.

Старикъ такъ пристально на меня смотрѣлъ, въ его взглядѣ было такъ много магнетическаго притяженія, что я невольно приблизился къ нему и вступилъ съ нимъ въ разговоры. Въ словахъ его было столько ума, столько убѣдительнаго краснорѣчія, что я вполнѣ увлекся его бесѣдой и безпрекословно подчинился его обаятельному вліянію. Съ первыхъ словъ онъ угадалъ состояніе моего духа и между нами мгновенно установились самыя пріязненныя отношенія; я чувствовалъ какое-то неодолимое тяготѣніе его воли надо мной и находился въ состояніи субъекта подверженнаго сильному дѣйствію магнетизма. Съ откровенностью, свойственною молодости, вкратцѣ разсказалъ я ему исторію моей привязанности къ Лаурѣ и причину временной нашей разлуки. Когда разсказъ коснулся ссоры съ К., жажда мести такъ сильно заговорила во мнѣ, что старикъ остановилъ меня.

„Помни, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, слова молитвы Божественнаго нашего Учителя: *и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Не забывай одного изъ главныхъ основаній ученія Христова: „не дѣлай другимъ того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали“; тебя обидѣли—прости и не желай зла врагу твоему. Но если, увлеченный злобой и желаніемъ мести, забывъ, что ты христіанинъ, станешь слѣдовать закону Мойсея: око за око, зубъ, то примѣни

этотъ законъ къ себѣ и знай, что не только одни дѣйствія приводятъ въ исполненіе нашу волю: часто слово, иногда мысль, стремленіе духа, осуществляютъ злыя намѣренія наши. Тѣмъ не менѣе они не остаются безнаказанными и ветхозавѣтный законъ тяготѣетъ всею тяжестью своею надъ удовлетвореннымъ мстителемъ. Положимъ, желаніе твое исполнится и врагъ твой будетъ наказанъ, но согласишься-ли ты въ свою очередь перенесть заслуженное жаждой мести наказаніе и по закону возмездія подвергнуться неизбѣжному его дѣйствію? Я былъ молодъ, какъ ты, я увлекался и давалъ свободу моимъ чувствамъ, я ненавидѣлъ и мстилъ, и правосудіе неба карало меня: каждый разъ за удовлетвореннымъ чувствомъ зла, казавшимся мнѣ вполнѣ справедливымъ, слѣдовало наказаніе; око за око, зубъ за зубъ: умиралъ-ли мой противникъ, я терялъ кого-нибудь изъ наиболѣе близкихъ моему сердцу; постигало-ли несчастіе врага моего, въ непродолжительномъ времени судьба подвергала меня горькому испытанію. Претерпѣвъ всѣ возможныя превратности въ жизни, потерявъ все, что было мнѣ дорого на землѣ, незлобенъ я сталъ, но поздно... преждевременное несчастіе убѣлило главу мою, предо мной отверзста могила.

Какъ фантастическое явленіе, исчезъ старикъ; ночная тьма черной пеленой покрыла небосклонъ, бушевалъ сильнѣе вѣтеръ, тоскливѣе и громче раздавался крикъ филина въ ушахъ моихъ. Не помню, какъ добрался я домой. Слова старика врѣзались въ мою память, и я долго не могъ ихъ забыть. Страннымъ и непонятнымъ казалось мнѣ многое изъ его рѣчей, не могъ я въ особенности объяснить себѣ возможности сдѣлать зло кому-бы то ни было однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ духа, когда часто и дѣйствія наши бываютъ неуспѣшны. Невольно сдѣлалъ я посылку къ себѣ: поспѣшный отъѣздъ К., не принятая дуэль, неудовлетворенное чувство справедливаго негодованія, болѣзнь Лауры, разлука съ нею, все вмѣстѣ взятое въ высшей степени тревожило и волновало меня; отходя ко сну, я остановился на мысли, которую воображеніе облекло въ непреодолимое, непреклонное желаніе мести. Какъ было-бы хорошо, думалъ я, еслибы одной силою моего желанія, однимъ дѣйствіемъ мысли могъ-бы я отомстить К.

Не прошло двухъ недѣль послѣ свиданія моего съ старикомъ,

какъ получено было извѣстіе, что К. утонулъ, переѣзжая въ лодкѣ небольшую рѣку.

На другой день послѣ полученія извѣстія о смерти К., мнѣ принесли письмо изъ-за границы. Адресъ былъ написанъ рукою тетки. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о смерти Лауры; она скончалась въ Тріестѣ отъ чахотки. Страшно отозвались въ душѣ моей слова старика: око за око, зубъ за зубъ.

Смерть Лауры сразила меня: нѣсколько дней бродилъ я безъ мысли, безъ сознанія, по окрестностямъ Кіева; приходилъ нѣсколько разъ къ мѣсту, гдѣ встрѣтилъ старика, но не находилъ его тамъ; наконецъ, подъ бременемъ тяжкаго горя, истощились мои духовныя и физическія силы, я слегъ и оправился не раньше шести недѣль отъ сильной нервной горячки: Мать моя была со мною во все время болѣзни и уѣхала въ деревню, когда опасность миновала и не было сомнѣнія въ скоромъ выздоровленіи.

Теплое чувство вѣры, развитое во мнѣ съ дѣтства доброй моей матерью, привело меня къ молитвѣ, я молился и молитва облегчила мои страданія.

Университетскія лекціи молодыхъ, недавно возвратившихся изъ Германіи профессоровъ развивали во мнѣ любовь къ наукамъ, я посвятилъ себя серьезнымъ занятіямъ, и ученость сдѣлалась для меня цѣлью моего существованія. Я трудился добросовѣстно, время шло быстро, положеніе мое становилось сноснымъ.

Независимо отъ курса юридическихъ наукъ, я изучалъ римскихъ и греческихъ классиковъ, пригласилъ поселиться у меня лектора итальянскаго языка г. Бертони, весьма умнаго и образованнаго человѣка, чтобы выучиться по италіански и въ подлинникѣ читать Данте, Беккерію, Филонжіери.

Попечитель кіевскаго учебнаго округа Е. Ф фонъ-Брадке, пользовавшійся особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, былъ ко мнѣ хорошо расположенъ и приглашалъ на вечера, по воскресеньямъ. У него собирались старшія воспитанницы частныхъ женскихъ пансіоновъ, студенты и профессора. Танцовали, и проводили время очень пріятно. Молодость вела себя въ высшей степени прилично: увле-

ченія и симпатіи, ствойственныя юношамъ, ограничивались лишнимъ вальсомъ, мазуркою. Я былъ сдержанъ, молчаливъ, и не разъ Е. Ф. Брадке спрашивалъ меня, почему не принимаю участія въ общей веселости. Уклончивые отвѣты не помогали, нужно было веселиться и показаться веселымъ по мѣрѣ возможности. Въ домѣ Брадке жила дѣвица Елена А....., весьма не дурная собою, умная, любезная, живая. Она обратила свое вниманіе на меня, и благодаря ей, я сталъ другимъ человѣкомъ. Елена А. обладала необыкновеннымъ талантомъ разсмѣшить, развеселить, оживить, и я незамѣтно вполнѣ подчинился ея вліянію: сталъ разговорчивѣе, развязнѣе и веселѣе; между нами установилась самая искренная дружба.

Въ числѣ чиновниковъ генералъ-губернатора находился въ Кіевѣ Н. Э. П. Онъ былъ женатъ на сосѣдкѣ нашей по полтавскому имѣнію В—ой; жена его была красавицей въ полномъ смыслѣ этого слова. Высокая, стройная блондинка, съ роскошными плечами и великолѣпными свѣтлокаштановыми волосами; довольно неправильныя черты лица, голубые безъ выраженія глаза, нѣсколько большой ротъ, украшенный жемчужными зубами, казалось, не представляли всѣхъ условій безупречной красоты, но общее впечатлѣніе было поразительно. Мужъ ея былъ очень малъ ростомъ, некрасивъ, но уменъ. Жили они бѣдно и помѣщались въ крошечной квартиркѣ, въ старомъ деревянномъ домикѣ, на спускѣ къ Крещатику по Александровской улицѣ. Я былъ у нихъ однажды съ визитомъ, тѣмъ знакомство и кончилось. Отецъ мой поручилъ мнѣ передать П. разные документы для взысканія должныхъ ему денегъ однимъ лицемъ, проживавшимъ постоянно въ Кіевѣ. П. взялся за дѣло и обѣщалъ въ непродолжительномъ времени доставить мнѣ деньги. Прошло мѣсяца три, я поѣхалъ къ П. и вмѣсто денегъ получилъ для доставленія отцу росписку должника, въ которой признавался долгъ и обязанность уплатить, когда средства позволятъ, съ условіемъ, что отецъ мой не можетъ преслѣдовать личность должника и обезпечивать уплату личнымъ его задержаніемъ, а имѣетъ право взыскивать съ его имущества, если таковое гдѣ либо откроется. Какъ я ни былъ неопытенъ въ дѣлахъ подобнаго рода, но этотъ способъ взысканія крайне меня удивилъ; я просилъ П. возвратить отданные ему документы, въ числѣ которыхъ было и заемное письмо; но получилъ отвѣтъ, что документы за

истеченіемъ давности уничтожены и замѣнены роспис憂. Само собой разумѣется, что по ней никогда ничего нельзя было получить.

Во второмъ курсѣ особенно интересны были лекціи: государственнаго благоустройства профессора Богородскаго и психологіи Новицкаго; лекціи гражданскихъ законовъ Орнатскаго мало насъ интересовали по сухости изложенія. Требованіе профессора выучивать на память всѣ статьи свода законовъ въ особенности было намъ непріятно, да въ сущности и мало приносило пользы.

Весною 1839 года надъ университетомъ разразилась сильная гроза. Еще въ 1837 году, осенью, во время посѣщенія Кіева государемъ, три студента изъ поляковъ наклеили на зданіи университета пасквиль въ стихахъ. По непріязненнымъ отношеніямъ генералъ-губернатора къ попечителю учебнаго округа, человѣку умному, образованному и энергичному, дѣлу этому придали особенную важность, и государь, посѣтивъ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, гдѣ были собраны всѣ студенты университета, высказалъ такъ много негодованія и былъ въ такомъ раздраженномъ состояніи, что поразилъ всѣхъ своимъ гнѣвомъ.

Въ сборной залѣ на лѣво отъ входа стояли студенты, на право профессоры. Государь, войдя въ залъ, не поздоровался ни съ кѣмъ, сталъ по срединѣ и обращаясь къ студентамъ, отрывистымъ голосомъ сказалъ: „вы учитесь хорошо, но это недостаточно: одна наука не приведетъ къ хорошимъ результатамъ, мнѣ нужны вѣрные сыны престола, мнѣ нужна безпредѣльная преданность, безсознательная покорность и безпрекословное повиновеніе; знайте, что я строго буду слѣдить за вами и горе тому, кто нравственнымъ или политическимъ своимъ направленіемъ не будетъ соотвѣтствовать моимъ предначертаніямъ, горе тому, повторяю, кто дерзнетъ увлечься, подобно товарищамъ вашимъ, я его упрячу туда, куда воронъ костей не заноситъ“.

За тѣмъ его величество, переведя духъ, изволилъ спросить, сколько студентовъ на лице, и пошелъ осматривать насъ, глядя каждому въ глаза. На бѣду, въ первомъ ряду взглядъ его остановился на одномъ косоглазомъ студентѣ, и тутъ произошла слѣдующая сцена.

— *Государь*. Смотри мнѣ прямо въ глаза.

Студентъ молча смотритъ.

— *Государь*. Ты не смотришь на меня, ты не можешь смотрѣть мнѣ въ глаза?

Студентъ молчитъ.

— *Государь*. Какъ твоя фамилія?

— *Студентъ*. Хоньскій.

— *Государь*. Откуда?

— *Студентъ*. Изъ Миньска.

— *Государь*. Видно, что не русскій, полякъ, совѣсть нечиста, не можешь смотрѣть прямо въ глаза русскому царю.

Приведенныя мною выше слова его величества были ничто въ сравненіи съ тѣмъ потокомъ негодованія и раздражительности, которыя излились изъ устъ государя, разсерженнаго косоглазіемъ Хонскаго. Въ другое время, быть можетъ, попечитель и осмѣлился-бы доложить его величеству, что студентъ косъ и не можетъ смотрѣть прямо, но въ то время государь былъ такъ раздраженъ, что всѣ окружавшіе его тряслись отъ страху, какъ осиновый листъ, и ни у кого не достало смѣлости объяснить государю причину, по которой Хонскій, не смотря на все желаніе, не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза.

Кончивъ свою рѣчь студентамъ, по истинѣ рѣчь Юпитера громовержца, государь обратился къ профессорамъ и погрозивъ имъ пальцемъ, сказалъ: „а вы у меня смотрите, наука наукой; но если не будете обращать вниманія на развитіе нравственныхъ началъ въ студентахъ и политическаго направленія, согласнаго съ моими мыслями, я раздѣлаюсь съ вами по своему“. Профессоры низко поклонились, государь вышелъ. Студенты виновные въ распространеніи между товарищами и выставкѣ на зданіи, гдѣ помѣщался университетъ, возмутительныхъ стихотвореній: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій, всѣ католики и уроженцы западныхъ губерній, были исключены изъ университета и строго наказаны: первые два по выдержаніи въ крѣпости посланы солдатами на Кавказъ. По высочайшему повелѣнію въ Кіевъ былъ присланъ министръ народнаго просвѣщенія. Посѣтивъ лекціи, онъ остался совершенно доволенъ ученою дѣятельностью университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ были введены разныя дисциплинарныя правила, стѣснявшія студентовъ.

Для осужденныхъ за пасквиль студентовъ, студентъ Гордонъ, жившій въ институтѣ, собиралъ по подпискѣ деньги между товарищами и собравъ

значительную сумму, послалъ въ декабрѣ 1837 года съ сторожемъ тысячу рублей при запискѣ къ содержавшимся въ крѣпости товарищамъ. Плацъ-маіоръ Гайворонскій перехватилъ записку и донесъ объ этомъ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ пригласилъ къ себѣ попечителя и рѣшено было арестовать Гордона. За Гордономъ послали помощника инспектора студентовъ Шишкина, съ приказаніемъ немедленно привести Гордона къ генералъ-губератору. Когда помощникъ инспектора объявилъ Гордону, что его требуетъ генералъ-губернаторъ, Гордонъ догадался, въ чемъ дѣло, и отвѣтилъ Шишкину, что тотъ часъ за нимъ послѣдуетъ; а между тѣмъ, захвативъ остававшіяся у него отъ подписки деньги, ушелъ по черной лѣстницѣ и исчезъ навсегда. Шишкинъ ждетъ Гордона, не дождется. Наконецъ убѣдившись, что Гордонъ его провелъ, Шишкинъ побѣжалъ къ генералъ-губернатору и за Гордономъ разослали во всѣ концы города полицейскихъ и университетскихъ служителей. Поздо вечеромъ того дня одинъ изъ педелей настигъ на Лютеранской улицѣ Гордона, но Гордонъ выстрѣлилъ въ педеля изъ пистолета и успѣлъ уйти; педель не былъ раненъ, но потерялъ слѣдъ, и спустя только пять мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, изъ письма распечатаннаго почтовой цензурой, узнали, что Гордонъ благополучно прибылъ въ Парижъ, и предъ отъѣздомъ за границу, подъ чужимъ именемъ, съ фальшивымъ паспортомъ, скрывался около двухъ мѣсяцевъ въ окрестностяхъ Кіева, былъ болѣнъ и лѣчился на хуторѣ Дерпера у извѣстныхъ медиковъ.

Побѣгъ Гордона возбудилъ подозрѣніе въ участіи нѣсколькихъ лицъ въ этомъ дѣлѣ; стали слѣдить за молодыми людьми, но до весны 1838 года ничего не открыли. Въ то время назначенъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ; при немъ разыгралась печальная драма заговора Конарскаго, охватившаго собою всѣ западныя губерніи. Гордонъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Конарскаго.

Польскій эмигрантъ Конарскій прибылъ въ Россію изъ Парижа и учредилъ тайное общество съ цѣлью возстановить польскую національность; пропаганда его распространилась быстро въ литовскихъ губерніяхъ и оттуда перешла въ Кіевъ. Болѣе двадцати студентовъ уни-

верситета св. Владиміра принимали дѣятельное участіе въ заговорѣ. Дѣло кончилось закрытіемъ университета 17 марта 1839 года, ссылкой въ каторжную работу трехъ главныхъ дѣятелей пропаганды въ Кіевѣ и казнію Конарскаго въ Вильнѣ.

Весьма непріятно было наше положеніе во время предшествовавшее закрытію университета: лекціи продолжались, но часто были прерываемы появленіемъ жандармовъ для арестованія студентовъ. Въ городѣ было тихо и спокойно, но усиленные патрули и смутное ожиданіе исхода дѣла о заговорѣ наводили на всѣхъ страшное уныніе.

13 марта всѣмъ студентамъ приказано было на другой день собраться въ пять часовъ утра въ домѣ казенноконтныхъ студентовъ для представленія новому попечителю князю С. И. Давыдову, назначенному на мѣсто Е. Ф. фонъ-Брадке.

Я проѣзжалъ въ вечеру по улицѣ идущей вдоль большой крѣпостной экспланады и замѣтилъ, что на экспланадѣ устраивали какіе-то подмостки, рабочіе были окружены солдатами; я остановился и хотѣлъ спросить, для чего работаютъ такъ поздно, но караульный офицеръ громко закричалъ мнѣ, чтобъ я не подходилъ. Въ пять часовъ утра мы собрались въ институтъ казеннокоштныхъ студентовъ и здѣсь узнали, что въ шесть часовъ три главныхъ заговорщика: Боровскій, бывшій содержатель частнаго мужскаго пансіона въ Кіевѣ, и помѣщики: Депре и Михальскій, послѣдній дряхлый старикъ, должны быть повѣшены на крѣпостной экспланадѣ.

Въ залѣ, гдѣ собралось болѣе двухсотъ студентовъ, было тихо, какъ въ могилѣ, всѣ стояли какъ приговоренные на смерть, никто не зналъ кого повѣсятъ, и каждый изъ насъ могъ думать, что поведутъ на казнь кого нибудь изъ товарищей,—съ такой тайной производился судъ надъ ними.

Наконецъ ударилъ роковой часъ и намъ сообщили, что государь императоръ соизволилъ даровать жизнь преступникамъ, замѣнивъ смертную казнь ссылкой въ каторжную работу. На экспланадѣ въ то время совершенъ былъ обрядъ политической казни: приговоренныхъ въ тележкахъ привезли къ висѣлицѣ, взвели на подмостки, прочли приговоръ, сломали надъ головами шпаги, покрыли бѣлыми саванами, объявили о

помилованіи и повезли обратно въ крѣпость. Въ восемь часовъ явился попечитель и прочелъ высочайшее повелѣніе о закрытіи университета. Въ смутномъ молчаніи разошлись мы; 17 марта прекратились лекціи.

Изъ арестованныхъ студентовъ оказались виновными 21; по высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе приговора военнаго суда, они исключены изъ университета; изъ нихъ 5 отданы въ солдаты въ кавказскій корпусъ безъ выслуги, съ лишеніемъ дворянства (Сосновскій, Зродловскій, Петрашкевичъ, Виннгизкій и Милевскій), 5 также отданы въ солдаты до отличной выслуги, безъ лишенія дворянства (Шимановскій, Черный (русскій), Любовицкій, Осѣцимскій и Юрковскій), 8 назпачены въ военную службу на правахъ вольноопредѣляющихся, съ тѣмъ, чтобы по производствѣ въ офицеры прослужили въ военной службѣ не менѣе десяти лѣтъ (Августиновичъ, Стржельницкій, Бочковскій, Завадскій, Корсакъ, Немира, Порчинскій и Высѣкерскій), 3 переведены въ казанскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи курса были обращены на службу въ продолженіи десяти лѣтъ въ великороссійскія губерніи (Стройновскій, Цилли и Бржозовскій).

Всѣмъ студентамъ университета, не подвергавшимся слѣдствію, предоставлено было поступить въ другіе университеты безъ новаго испытанія и съ зачетомъ времени безпорочно проведеннаго въ кіевскомъ университетѣ; тѣмъ изъ числа студентовъ 2-го, 3-го и 4-го курсовъ, кои не пожелаютъ, или по какимъ либо обстоятельствамъ не въ состояніи будутъ перейти въ другіе университеты, дозволено вступить въ гражданскую службу, съ чинами 14-го и 12-го классовъ.

До 1839 года рѣзкаго разрыва между студентами разныхъ націй не было. Студенты сближались и раздѣлялись не столько по религіи и народности, сколько по воспитанію, факультетамъ и положенію въ обществѣ. Рознь въ политическихъ убѣжденіяхъ никогда не высказывалась, да политикой мы и не занимались. Православіе всегда стояло въ Кіевѣ выше католицизма, въ особенности при такихъ представителяхъ и дѣятеляхъ его, какими были преосвященные: Евгеній, Филаретъ и Иннокентій и профессоръ богословія И. М. Скворцовъ. Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности пол-

тавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостію поляка.

Кіевское общество состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ графомъ Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями. Изъ русскихъ извѣстны были своимъ гостепріимствомъ дома: князя Кудашева, Голубцова, А. В. Васильчикова, П. Я. Лукашевича и Ф. Г. Иваненко; изъ польскихъ-графовъ Тышкевича и Ильинскаго, Проскуры, Шимановскаго и другихъ. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики юго-западнаго края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ великаго поста. Въ общественныхъ отношеніяъ не было различія между русскими и поляками, многія русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими, о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною графомъ Левашовымъ изъ Парижа, спектакли любителей шли также по большей части по французски. На контракты обыкновенно пріѣзжали знаменитые артисты: Липинскій, Ромборгъ, Леопольдъ Мейеръ, Паста Месъ-Мази; концерты давались въ контрактовой залѣ и привлекали многочисленную, блестящую публику. Тамъ-же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ: большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генералъ-губернатора.

Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и въ экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ въ исходѣ сезона появлялись богатые туалеты, драгоцѣнные камни; красавицъ было много, достаточно упомянуть о дѣвицахъ: Муравьевой, Астромовой, Гинцъ и Швейковской, о дамахъ: Писаревой, графиняхъ Ильинской, Ржевуской и Понятовской.

Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ нихъ

было много хорошихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ. Меня всюду приглашали, но я былъ рѣдкимъ гостемъ на большихъ балахъ.

Съ закрытіемъ университета я долженъ былъ оставить Кіевъ и отправиться кончать курсъ въ другой городъ. Мать моя желала, чтобы я поступилъ въ харьковскій университетъ, ближайшій къ мѣсту ея пребыванія, и я поѣхалъ въ Харьковъ, чтобы познакомиться съ тамошними учеными.

Ученая дѣятельность Харькова не понравилась мнѣ; составъ юридическаго факультета былъ тамъ далеко не такъ хорошъ, какъ въ Кіевѣ; я рѣшился послѣ каникулъ ѣхать въ Дерптъ. Въ Харьковѣ мнѣ было пріятно увидѣться съ Карломъ Ивановичемъ Р..., онъ по прежнему продолжалъ содержать свой пансіонъ, не смотря на преклонныя лѣта, дочь его Аделанда Карловна вышла замужъ за профессора, я былъ у нея и мы отъ души смѣялись, вспоминая наши музыкальныя упражненія.

Лѣто я провелъ въ деревнѣ, занимаясь серіознымъ-чтеніемъ, повтореніемъ пройденныхъ лекцій и музыкой, а въ концѣ іюля, когда располагалъ уже ѣхать въ Дерптъ, получилъ изъ Кіева извѣстіе, что университетъ св. Владиміра вновь открывается для студентовъ православнаго исповѣданія. Намъ разрѣшено было держать экзаменъ въ слѣдующій курсъ. Я поспѣшилъ воротиться въ Кіевъ и перешелъ въ третій курсъ съ отличіемъ.

Бывшимъ до закрытія университета студентамъ католикамъ дозволено было кончить науки въ другихъ университетахъ, а профессоры изъ поляковъ были переведены въ Москву и Харьковъ. Нашъ юридическій факультетъ лишился двухъ полезныхъ дѣятелей: Мицкевича, брата извѣстнаго поэта, преподававшаго римское право на латинскомъ языкѣ и Даниловича, профессора уголовныхъ законовъ; но университетъ очистился отъ ненавистнаго намъ, со времени заговора Конарскаго, польскаго элемента.

1839-й и 40-й годы были посвящены усиленнымъ университетскимъ занятіямъ; на третьемъ курсѣ юридическаго факультета осталось къ началу учебнаго года всего тринадцать студентовъ; четвертаго курса не было вовсе по недостатку слушателей, и ученая дѣятельность моло-

дыхъ профессоровъ была сосредоточена на насъ. Независимо отъ лекцій мы часто собирались у извѣстнаго ученому міру Неволина, профессора энциклопедіи законовѣдѣнія и государственныхъ учрежденій, бывшаго тогда ректоромъ, и у Богородскаго, профессора уголовныхъ законовъ. Совѣты ихъ, выборъ чтенія, ученые разговоры и диспуты о предметахъ нашего факультета развивали насъ и заставляли работать серіозно и внѣ университета; диссертаціи по разнымъ отраслямъ юридическихъ наукъ, которыя мы писали по собственному побужденію и читали у этихъ профессоровъ, пріучали насъ къ самостоятельному труду и служили полезной подготовкой къ дальнѣйшей ученой дѣятельности.

Шелъ тогда вопросъ объ уничтоженіи въ Малороссіи дѣйствія Литовскаго Статута. Отецъ мой былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и поручилъ мнѣ составить записку о несвоевременности устарѣвшаго законодательства Статута и о замѣнѣ его, по иниціативѣ дворянства, Сводомъ законовъ. Довольно пространная записка была мною написана и послана отцу, препроводившему ее генералъ-губернатору. Въ запискѣ, доказывая необходимость отмѣны Статута, я находилъ полезнымъ сохранить статьи, относящіяся къ наслѣдству по закону, и порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ, обезпечивавшій правильнѣе кредиторовъ, изъ коихъ первый по времени имѣлъ право на полное взысканіе капитала, процентовъ и рекамбій, за тѣмъ наступала очередь второго, третьяго и т. д., тогда какъ Сводъ Законовъ отдаетъ преимущество формѣ обязательствъ и при равноправности ихъ, уплата распредѣляется поровну между всѣми заимодавцами, безъ различія времени совершенія актовъ. Записку эту, по отсылкѣ оной, въ копіи читалъ я на вечернемъ собраніи студентовъ у Неволина и Богородскаго, жившихъ тогда вмѣстѣ во 2-й гимназіи, и она была одобрена; но профессоръ Орнатскій, узнавъ изъ разговоровъ сущность записки, вознегодовалъ на меня за то, что я осмѣлился послать мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ, не спросясь его и не посовѣтовавшись съ нимъ, и давать преимущество нѣкоторымъ статьямъ Статута предъ Сводомъ Законовъ. Я ему объяснилъ, что наслѣдство по Статуту имѣетъ историческое значеніе, выработанное жизнію народа, и вошло въ нравы и обычаи жителей Малороссіи, а порядокъ взысканій справедливо ограждаетъ право первыхъ заи-

модавцевъ и не допускаетъ должниковъ до возможности обременять ихъ собственность фиктивными долгами, хотя и облеченными въ законную форму.

Занятія наши вообще шли превосходно; но молодому университету не счастивилось въ другихъ отношеніяхъ. Съ 1839 года были введены новыя дисциплинарныя правила; правила эти, несвоевременыя и въ существѣ совершенно безполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и на улучшеніе ихъ наружнаго вида: стригли, брили, одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность.

Поводомъ къ усиленнымъ занятіямъ университетскаго начальства по части студенческой наружности послужило послѣднее въ бытность мою въ университетѣ посѣщеніе государя. Въ томъ-же зданіи казенно-коштныхъ студентовъ насъ выстроили стройными рядами, строго осмотрѣли нашу одежду и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ нами, мы ему прокричали очень удовлетворительно: „здравія желаемъ, ваше императорское величество!“ Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ нашею наружностію и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, чтобы ближе видѣть государя, въ полной увѣренности, что смотръ оконченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, сталъ насъ осматривать вновь и съ негодованіемъ остановился на кривоногомъ студентѣ.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ.

— Откуда?

— Изъ Чернигова, еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ и обратившись къ сопровождавшему его наслѣднику престола, прибавилъ: какіе не отесанные, не умѣютъ отвѣчать.

Выступленіе П. въ первую шеренгу имѣло важныя послѣдствія: для осмотра университета былъ вновь присланъ министръ народнаго просвѣщенія, который прожилъ въ Кіевѣ болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи и репетиціи и

остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. Къ Уварову водили студента П., какъ замѣчательную личность, обратившую на себя особенное вниманіе государя. Вскорѣ послѣ отъѣзда министра, въ вѣдѣніе попечителя отпустили 5 тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ для студентовъ танцовальные вечера, назначили въ университетъ учителей: танцованія, фехтованія и верховой ѣзды.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ университетской жизни со мной не произошло ничего особеннаго. Пріѣзжалъ однажды въ Кіевъ мой отецъ и представилъ меня Д. Г. Бибикову, съ которымъ былъ знакомъ еще съ компаніи 1812 г. Подъ Бородинымъ Дмитрію Гавриловичу оторвало ядромъ лѣвую руку, отецъ мой былъ контуженъ. Бибиковъ обласкалъ меня и распрашивалъ объ университетскихъ занятіяхъ, говорилъ о дисциплинѣ и спросилъ: не было-ли бы для васъ пріятнѣе, если-бы вамъ дали военную форму? Я отвѣтилъ, что если-бы насъ заставили носить военную форму, мы-бы подчинились безпрекословно такому распоряженію, но не думаю, чтобы это было особенно для насъ пріятно. Бибиковъ нахмурился, тѣмъ представленіе и кончилось. Но онъ постоянно былъ ко мнѣ внимателенъ и благосклоненъ, представилъ своей супругѣ и приглашалъ на балы. Къ нему я всегда ѣздилъ. Студенты впрочемъ почти не посѣщали общества, посвятивъ себя исключительно серіознымъ занятіямъ. Въ свободное время я часто отправлялся въ „Кинь-Грусть“, помогалъ тетушкѣ Лукашевичъ въ устройствѣ сада, читалъ дядѣ газеты, въ знойные дни удалялся въ тѣнистыя рощи окрестныхъ хуторовъ, по вечерамъ слушалъ музыку доморощеннаго, но весьма недурнаго оркестра. На каникулы и Рождественскіе праздники я ѣздилъ въ деревню и проводилъ тамъ время очень пріятно. Тогда живали въ деревняхъ очень весело, съѣзжались часто и танцовали по нѣсколько дней съ ряду. На одномъ изъ деревенскихъ баловъ я встрѣтилъ дѣвицу И., дальную мою родственницу; она мнѣ очень понравилась, я ей тоже, и нѣсколько мазурокъ скрѣпили еще болѣе нашу взаимную привязанность. Легко увлекающійся пылкостью моихъ чувствъ, я готовъ былъ просить ея руки, но мать моя уговорила меня не жениться на кузинѣ. Впрочемъ и предложеніе мое врядъ-ли было-бы принято отцомъ кузины, такъ какъ я былъ еще очень молодъ

и не окончилъ курса, и еще болѣе потому, что для кузины готовилась другая партія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ ее отдали замужъ за пожилаго и нисколько не нравившагося ей помѣщика. Чрезъ нѣсколько лѣтъ несчастнаго замужества бѣдная кузина скончалась отъ грудной болѣзни, оставивъ двухъ дочерей.

Независимо отъ занятій юридическими науками, я много читалъ и занимался иностранной литературой. Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто игривали между собой, съ участіемъ нѣкоторыхъ дамъ, драмы Гюго, трагедіи Шекспира и другія произведенія замѣчательныхъ писателей. Я жилъ тогда въ домѣ принадлежащемъ никольскому монастырю, квартира моя состояла изъ огромной залы и трехъ небольшихъ комнатъ. Меня избрали директоромъ домашняго театра и я часто исполнялъ трагическія роли. Наши представленія сопровождались иногда веселыми пирушками, совершенно приличными, въ присутствіи дамъ. Бывали впрочемъ иногда и маленькія оргіи, на которыхъ появлялись: Тисбе, Катарина Брогадини, Маріонъ де-Лормъ и другія героини Гюго. У меня была Эсмеральда, чистой крови и рѣдкой красоты. Эта цыганка до того привязалась было ко мнѣ, что покинула свой таборъ.

Между нами, какъ истыми буршами, въ большомъ ходу было фехтованье. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣненный въ двѣнадцатомъ году французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Вмѣсто шпагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенческой формѣ, мы завели длинныя шпаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я превосходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ.

Весною 1841 года я кончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ съ большимъ успѣхомъ послѣдній экзаменъ изо всѣхъ предметовъ юридическаго факультета и получилъ право на степень кандидата.

Экзаменъ мы сдавали за всѣ четыре года изъ юридическихъ наукъ и Богословія. На первомъ курсѣ намъ читалъ Неволинъ Энциклопедію законовѣденія по своимъ запискамъ. Ко времени нашего окончательнаго

испытанія была имъ напечатана его Энциклопедія въ двухъ объемистыхъ томахъ, несравненно пространнѣе записокъ. Неволинъ объявилъ, что хочетъ, чтобы мы отвѣчали не по запискамъ, а по книгамъ имъ изданнымъ, и мы охотно подчинились требованію любимаго профессора; но трудъ былъ не малый, пришлось вновь переучивать энциклопедію на память; къ счастію мнѣ достался вопросъ о философіи права Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, въ которомъ развитіе и пониманіе брало верхъ надъ памятью, и моимъ отвѣтомъ Неволинъ остался совершенно доволенъ. По Римскому праву не обошлось безъ затрудненій: мы слушали Мицкевича, послѣ него читалъ этотъ предметъ студентамъ другихъ курсовъ Ѳедотовъ-Чеховскій и требовалъ, чтобы мы отвѣчали по его запискамъ. Было предоставлено экзаменоваться по запискамъ того или другого. Я стоялъ за Мицкевича, получилъ вопросъ: „О правѣ владѣнія независимомъ отъ права собственности“ и не смотря на желаніе Ѳедотова сбить меня, вышелъ изъ ученой борьбы побѣдителемъ, что было впрочемъ и не трудно, и заслуга моя не велика.

Ученыя занятія были мнѣ по сердцу и я располагалъ посвятить себя совершенно наукѣ.

Усиленная дѣятельность во время экзаменовъ требовала впрочемъ отдохновенія; послѣ прощальнаго пира, даннаго мною товарищамъ, я отправился немедленно въ деревню. Отецъ и мать были въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ въ университетѣ, тѣмъ болѣе, что независимо отъ права на ученую степень, ректоръ университета и лучшій профессоръ юридическаго факультета, К. А. Неволинъ написалъ отцу моему самый лестный отзывъ обо мнѣ и совѣтовалъ ему содѣйствовать моему намѣренію посвятить себя дальнѣйшимъ занятіямъ науками и избрать для службы ученое поприще. Иначе смотрѣлъ на будущую мою карьеру отецъ мой. Ему хотѣлось предоставить мнѣ болѣе широкое поприще, по его понятіямъ о жизни и заслугахъ болѣе соотвѣтствующее моему положенію въ свѣтѣ. Профессоръ, монахъ и женщина, говорилъ онъ, имѣютъ почти одно и тоже значеніе въ обществѣ, значеніе, по его убѣжденію, весьма незавидное. Впрочемъ мнѣ разрѣшено было ѣхать за границу съ ученой цѣлью. До поѣздки за границу, я отправился на лѣтніе мѣсяцы въ Одессу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО ЕВГЕНІЯ КЪ РЕКТОРУ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ, АРХИМАНДРИТУ МЕЛЕТІЮ.

Помѣщаемыя здѣсь четыре письма митр. Евгенія Болховитинова къ архим. Мелетію Леонтовичу служатъ продолженіемъ переписки этихъ лицъ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1883 г. Существенный интересъ этихъ писемъ въ томъ, что они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе нѣкоторыхъ изъ подвѣдомственныхъ кіевской академіи семинарій, отчасти и самой академіи, нѣсколько уясняютъ причину того огульнаго увольненія профессоровъ въ академіи и семинаріяхъ, о которомъ, кромѣ писемъ Иннокентія Борисова къ его товарищу и другу Александру Бѣлюгову, сохранилось и живое преданіе. Послѣднее объясняетъ этотъ темный фактъ вольнодумствомъ, усмотрѣннымъ будто-бы въ воспитанникахъ первыхъ курсовъ кіевской академіи, а письма м. Евгенія ставятъ его въ связь съ распущенностію не только профессорскаго, но и начальственнаго состава семинарій. Не отрицая присутствія въ этомъ печальномъ явленіи ни того, ни другого элемента, не можемъ не замѣтить, что на нашъ взглядъ оно было послѣдствіемъ не установившагося еще новаго порядка управленія духовными учебными заведеніями, созданнаго уставомъ коммисіи духовныхъ училищъ. Отличительною чертою этого устава, помимо широкой системы образованія, было между прочимъ то, что въ противоположность прежнему, долго господствовавшему въ духовныхъ училищахъ порядку, элементъ монашескій не былъ преобладающимъ, но поста-

вленъ въ равновѣсіе съ элементомъ свѣтскимъ, равно абсолютная дотолѣ власть епархіальнаго архіерея въ дѣлѣ управленія епархіальными училищами приведена была въ нѣкоторое равновѣсіе съ новосозданною духовно-учебною администраціею. Отсюда борьба двухъ различныхъ по многому элементовъ, закончившаяся снова полнымъ преобладаніемъ монашества и подчиненіемъ ему бѣльцовъ, а борьба не обходится безъ урона для обѣихъ сторонъ, а главное для стороны побѣждаемой. На эту борьбу указываютъ отчасти приводимыя письма. Митр. Евгеній, самъ членъ коммисіи духовныхъ училищъ и главный дѣятель въ составленіи ея устава, стоитъ по видимому за власть архіерея и огражденіе оной отъ „доносовъ" ревизоровъ.

Кромѣ этого главнаго интереса помѣщаемыхъ писемъ, въ нихъ разбросаны нѣкоторыя мелкія данныя, не лишенныя значенія для исторіи кіевской академіи, какъ напр. порядокъ разсмотрѣнія студенческихъ диссертацій, замѣчаніе объ упадкѣ въ академіи знанія латинскаго языка, не желаніе инспектора академіи Смарагда ѣхать на ревизію, очевидно изъ опасенія прійти въ столкновеніе съ архіереемъ и проч.

1.

Получено 2 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Доклады ваши, при письмѣ отъ 6 сентября присланные, при семъ вамъ возвращаю, а на письмо отвѣтствую слѣдующее:

На ревизію въ орловскую семинарію вамъ самимъ ѣхать-бы не прилично, а можно-бы отправить отца Смарагда[1]), которому и отказываться не слѣдовало. А какимъ образомъ предписано епархіальному архіерею донести о ревизіи, того я не припомню. Но очевидно, что донесенія ревизоровъ прямо коммисіи, безъ свѣдѣнія архіереевъ, у коихъ

---

[1]) Смарагдъ Крыжановскій, тогда инспекторъ академіи, впослѣдствіи архіепископъ орловскій и потомъ рязанскій. Скончался въ 1863 г.

они ревизуютъ семинаріи, оказываются иногда фальшивыя и пристрастныя. Архіерею-же безъ свѣдѣнія и обличить ихъ не по чему. Отъ сего происходило, что и архіереевъ винили иногда по доносу одного ревизора. Вотъ, думаю, причина и предписанію сдѣланному вамъ. Остерегитесь и вы сего. Есть-ли правду напишете, то и архіерей спорить не будетъ, а вашъ репортъ подлинникомъ доложенъ будетъ представить коммисіи. Сей способъ надежнѣе тайныхъ доносовъ ревизорскихъ.

Странно, что въ теплой вашей церкви стѣны оказались щебневыя, а не кирпичныя, и кладка глиняная, а не известковая [1]). Но таково всегда почти школярное хозяйство. Подрядятъ, наймутъ и не смотрятъ. Это и вамъ наука и, думаю, такъ строить вы не будете.

За отца Владиміра я говорилъ въ коммисіи, но выведенная о немъ справка все испортила. Предложите ему, не согласится-ли онъ гдѣ нибудь въ епархіи кіевской быть настоятелемъ въ заштатномъ монастырѣ.

Будемъ ждать вашихъ упражненій [2]) на разсмотрѣніе. Но пришлите мнѣ по совѣсти рекомендацію, кого вы назначаете на ваканціи профессорами въ семинаріи, ибо ихъ задачи прежде всѣхъ будутъ разсмотрѣны для удостоенія академическихъ степеней. Означьте мнѣ и то, куда кого вы по своему разсмотрѣнію назначаете. Предварлю васъ, что кишиневскій владыка [3]) проситъ прислать ему учителями его-же семинаріи молдаванъ, а просящіеся оттуда профессоры не уволены, но безмѣстно отрѣшены будутъ за бурлацкое поведеніе, описанное владыкою. Ходятъ въ классы въ халатахъ, съ трубкою табаку и съ собаками, пренебрегаютъ начальническія увѣщанія и проч. Больно слышать о такомъ просвѣщеніи. Теперь многіе и ректоры и инспекторы за то-же отрѣшаются и ссылаются въ монастыри на покаяніе и переучиваніе.

---

[1]) Смотр. «Кіев. Стар.» 1883 г., іюнь, письмо 2, стр. 313.

[2]) Т. е. магистерскихъ и кандидатскихъ диссертацій оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, по которымъ имъ присуждались ученыя степени магистра и кандидата. Такія диссертаціи разсматривались тогда въ синодѣ или членами онаго, или-же по предложенію его ученѣйшими епархіальными архіереями.

[3]) Димитрій Сулима.

Благодарю за присланный мнѣ списокъ каталога книгъ, подаренныхъ [1]) кіевской семинаріи; мнѣ нужно было имѣть его для памяти.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій вашъ Евгеній, митр. кіевскій.

19 сентября 1825 года.

Есть-ли не предписано вамъ отъ коммисіи донести ей о вашей ревизіи орловской семинаріи, а только архіерею, то и доносить вамъ прямо не слѣдуетъ. Самъ архіерей ваше донесеніе пришлетъ.

2.

Получено 14 октября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Вчера съ почтой получилъ я отъ васъ каталогъ книгъ, кои въ представленіи называете покойнаго преосвященнаго Амвросія Келембета [2]). Но не имѣя на сіе доказательствъ, кромѣ слуховъ, вы подвергаете сіи книги отнятію наслѣдниками. Итакъ пришлите мнѣ другое представленіе, назвавши книги сіи просто оказавшимися сверхъ описи. Тогда могу я утвердить и причисленіе къ библіотекѣ.

Вчера-же читаны были въ коммисіи и диссертаціи ваши. Сильно осмѣхали и бранили латынь вашихъ учениковъ. Стыдно было и мнѣ и вамъ. Я извинялъ васъ только тѣмъ, что семинаріи не учили присланныхъ къ вамъ. Теперь розданы диссертаціи порознь на разсмотрѣніе. Трудно такихъ дѣлать кандидатами и магистрами по вашей только рекомендаціи. Но я нетерпѣливо жду вашего списка, кого куда по мнѣнію вашему назначить въ училища. Ихъ диссертаціи прежде и разсматриваемы будутъ. Прочіе отпустятся по домамъ впредь до разсмотрѣнія, какъ и въ невской (академіи) сдѣлано.

---

[1]) Самимъ-же митр. Евгеніемъ.

[2]) Архіепископа тобольскаго, б. учителя и префекта кіевской академіи.

Дивятся и здѣсь, что вы сами поѣхали въ Орелъ. Худо повинуются вамъ подчиненные.

Призывая на васъ и труды ваши благословеніе Божіе, есмь доброжелательнѣйшій Евгеній, митрополитъ кіевскій.

3 октября 1825 года.

Академикъ Френъ разбиралъ снимки съ вашей коптской рукописи, и вотъ вамъ они съ приложеніемъ его собственноручной записки. Тутъ увидите, что это церковнослужебная книга, сперва молитва утренняя съ ектеніями и псаломными стихами, потомъ молитвы пятдесятничныя и проч. Но Френъ проситъ, чтобы вы самую книгу сюда прислали. Тогда онъ обстоятельнѣе вамъ опишетъ. А для академіи это нужно, чтобы знать, чѣмъ владѣетъ.

3.

Получено 29 октября.

Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Письмо ваше отъ 4 октября и копію о неустройствахъ орловской семинаріи получилъ я. Благодарю за строгое и безпристрастное обозрѣніе. Будетъ благодарна и коммисія. Другіе ревизоры присылаютъ по большей части мѣлочные и пустошныя замѣчанія, вѣроятно прикрывая свою братію. Безъ сомнѣнія такія-же неустройства и по другимъ семинаріямъ отъ своевольства ректоровъ. А Орловскій не устыдился дерзко говорить архіерею слова 1 Іоаннова посланія гл. 2, ст. 20 и 27-й. Но ему-бы надлежало отвѣчать стихомъ 19 [1]).

Диссертаціи ваши еще разсматриваются. По разсмотрѣнію будетъ и распоряженіе.

---

[1]) Между архіереемъ и ректоромъ происходилъ, вѣроятно, крупный разговоръ по поводу какихъ-либо доносовъ. Послѣдній отвѣчалъ: *И вы помазаніе имате отъ святаго, и вѣсте вся... и не требуете, да кто учитъ вы*.. Слова, которыми слѣдовало-бы отвѣчать, по мнѣнію Евгенія, дерзкому ректоу—слѣд.: *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ*, и проч.

О членахъ вашей конференціи послѣ увѣдомлю. А владыка псковскій именнымъ указомъ, безъ представленія синода, 30 сентября переведенъ въ Тобольскъ и на мѣсто его, въ Псковъ, астраханскій[1]) съ своею степенью переведенъ тѣмъ-же указомъ.

Вы мнѣ припомнили о Бунге[2]); я еще въ маѣ получилъ представленіе о немъ отъ семинарскаго правленія, но оно замѣшалось въ моихъ бумагахъ; теперь отыскавъ, возвращаю. Бунге и въ академіи врачь. Почему нужно, чтобы и академія его рекомендовала и отъ себя представила.

Посылаю вамъ программу Горнаго Корпуса. Экзаменъ былъ очень занимательный, а кабинетъ еще занимательнѣе.

Доброжелательнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

17 октября, 1825 г.

Еще прилагаю собственноручный реестръ переводчицы, бывшей здѣсь въ Петербургѣ и уже уѣхавшей. Она раздаетъ по монастырямъ и семинаріямъ тупе свой переводъ, и въ томъ числѣ поручила мнѣ кучу для вашихъ подвѣдомыхъ училищъ и епархій. Примите на себя трудъ разослать оныя чрезъ академическое правленіе кіевскимъ монастырямъ, женскимъ, дальнимъ поручите доставить Раевской. Но вездѣ потребуйте росписки и мнѣ пришлите, а о полученіи въ семинаріяхъ хотя сами меня увѣдомите оффиціально.

Книги посланы отъ меня на имя Лавры. Получите ихъ отъ типографа. За провозъ до Москвы переводчица сама заплатила, а отъ Москвы до Кіева Лавра. Слѣдовательно уплатите вы сіи деньги Лаврѣ, а съ семинарій за увязку взыскивайте, какъ хотите.

На этомъ письмѣ сдѣлана архим. Мелетіемъ слѣдующая приписка: „Написать ко владыкѣ, чтобы для минской епархіи одного монастыря прислалъ 1 экземпляръ 4-хъ бесѣдъ Массиліона о монашествѣ“ [3]).

---

[1]) Псковскій—Евгеній, астраханскій—Меѳодій Пискячевскій.

[2]) Отецъ нынѣшняго министра финансовъ. Рѣчь идетъ, конечно, о наградѣ.

[3]) Это книга, о которой выше рѣчь, а переводчица—генеральша Раевская.

4.

Полочено 24 ноября.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ и ректоръ!

Возлюбленный о Христѣ братъ!

Два письма ваши отъ 21 и [1]) октября я получилъ. При первомъ контскую рукопись, которую и отдалъ Френу. Пусть подробнѣе скажетъ намъ о ней.

Хорошо, что отецъ Владиміръ соглашается быть настоятелемъ богуславскаго монастыря, а вы сдѣлайте его и смотрителемъ богуславскаго училища. Но подождите, пока отецъ Варлаамъ произведетъ тамъ слѣдствіе о настоятелѣ. Между тѣмъ и помолчите.

По послѣднему вашему письму о новооткрывшихся ваканціяхъ будетъ сдѣлано также распоряженіе; и кажется скоро.

Рѣчи преосвященнаго Орловскаго [2]) читалъ я въ синодѣ. Сказали всѣ посовѣтовать ему не печатать. Почему поручаю вамъ исполнить это, а подлинникъ при семъ возвращаю.

Обозрѣніе ваше орловской семинаріи читано, и ужасно, а мнѣ вы не полную еще копію прислали съ донесенія комисскаго. Вѣрно тоже и по другимъ многимъ семинаріямъ, а прочіе ревизоры прикрывали свою братію; вообще вся отчетная часть въ расходахъ въ ужасномъ положеніи отъ своевольства ректоровъ и ихъ избранниковъ экономовъ.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, есмь доброжетельнѣйшій вамъ Евгеній, митрополитъ кіевскій.

Ноября 12, 1825 г.

P. S. Вчера бывши у преосвященнаго митрополита Серафима, видѣлъ я присланную изъ Москвы безъимянно и неизвѣстно отъ кого выписку изъ проповѣдей и диссертацій недавно изданныхъ здѣшнею академіею. Выписчикъ показываетъ мѣста не хорошо и даже не право-

---

[1]) Число въ подлинникѣ не проставлено.

[2]) Гавріила, впослѣдствіи херсонскаго, затѣмъ рязанскаго, скончавшагося въ Твери.

славно, вопреки ученія церкви и святыхъ отцевъ выраженныя. Это заставляетъ и меня остеречь васъ и посовѣтовать, дабы прежде изданія вашихъ академическихъ сочиненій [1]), прислали вы ихъ ко мнѣ для пересмотрѣнія. Нареканіе на цѣлыя академіи наши есть нареканіе на всю нашу православную церковь.

Сообщ. свящ. **І. Левандовскій.**

---

[1]) Разумѣются магистерскія и кандидатскія диссертаціи оканчивавшихъ курсъ академіи воспитанниковъ, которыя печатались тогда отдѣльными сборниками. Въ то памятное время религіозныхъ колебаній въ высшихъ слояхъ нашего общества и ярой защиты православія со стороны такихъ ревнителей онаго, какъ князь Голицынъ, архим. Фотій, Шишковъ и Аракчеевъ, были въ большомъ ходу обличенія въ неправославіи и тайные доносы о немъ. На одинъ изъ такихъ доносовъ указываетъ здѣсь митр. Евгеній. Неправославія искали не только въ печатныхъ книгахъ и переводахъ, не только въ профессорскихъ лекціяхъ, но и студенческихъ сочиненіяхъ. Такое направленіе держалось еще долгое время; отъ него-то и хочетъ охранить своихъ студентовъ митр. Евгеній.

Поправка. Въ письмѣ преосвященнаго митрополита кіевскаго Евгенія къ архимандриту Мелетію, ректору кіевской академіи, отъ 1-го іюля 1825 года, напечатанномъ въ іюнькой книжкѣ «Кіевской Старины» 1883 года, въ P. S. допущена ошибка: вмѣсто «для *рек*торства своего и вы должны приготовить какой нибудь *Specimen*» должно читать: «для *док*торства своего».

Библіографія.

1) *Старозаимочныя земли. Рѣшенія харьковскаго окружнаго суда, по искамъ крестьянскихъ обществъ къ харьковской казенной палатѣ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приложеніемъ жалованныхъ слободскимъ полкамъ грамотъ и другихъ документовъ. Изданіе Николая Чижевскаго, присяжнаго повѣреннаго харьковской судебной палаты. Харьковъ. 1883 г. III. 123.*

2) *Гурова и Бродскаго. Замѣтки и матеріалы по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому-же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ харьковскаго округа. Харьковъ. 1883 г. I. 89).*

Г-ну Чижевскому пришла въ голову хорошая мысль познакомить общество съ процессами о старозаимочныхъ земляхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ (81 и 82 г.) крестьянами предъявлено къ казнѣ (въ лицѣ мѣстной казенной палаты) исковъ по старозаимочнымъ дѣламъ на 767,041 дес. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Чижевскій, уже одно большое количество означенныхъ исковъ, громадная цѣнность спорнаго по нимъ предмета, а также и большое число лицъ, заинтересованныхъ въ опредѣленіи ихъ правъ на земли, придаютъ особую важность тѣмъ искамъ». По мнѣнію г. Чижевскаго эти иски наиболѣе интересны съ юридической стороны «по разрѣшенію возникшихъ по нимъ вопросовъ, какъ матеріальнаго нашего права, такъ и процесса». Съ исторической точки зрѣнія они впрочемъ также имѣютъ нѣкоторое значеніе: «имѣя предметомъ своимъ опредѣленіе древнихъ правъ владѣнія землею въ мѣстности Слободской Украйны, поставляютъ къ разрѣшенію нѣкоторые вопросы и изъ исторіи того края».

Мы полагаемъ, что историческій элементъ въ этихъ дѣлахъ долженъ играть (и играетъ) болѣе важную роль, чѣмъ приписываетъ ему

г. Чижевскій. Въ этомъ мы убѣдимся при дальнѣйшемъ разборѣ книги г. Чижевскаго.

Въ отчетѣ о процессахъ, приводимыхъ г. Чижевскимъ, мы видимъ посильное рѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ историческихъ вопросовъ, стоящихъ въ тѣснѣйшей связи съ практическимъ рѣшеніемъ старозаимочныхъ дѣлъ. Обратимся съ этою цѣлью къ болѣе подробному разсмотрѣнію книги г. Чижевскаго. Она, кромѣ маленькаго введенія, состоитъ изъ двухъ частей: отчета о 5 судебныхъ рѣшеніяхъ Харьковскаго окружнаго суда и 12 особо важныхъ документовъ, на которыхъ основаны рѣшенія окружнаго суда. При каждомъ отчетѣ излагается сущность искового прошенія, возраженіе на него отвѣтчика и наконецъ мотивированныя рѣшенія суда.

Сущность всѣхъ исковыхъ прошеній такова. Въ первой половинѣ XVII в. заднѣпровскіе козаки или черкасы (по выраженію велико-россійскихъ актовъ) подъ вліяніемъ всяческихъ притѣсненій на родинѣ стали переселяться въ нынѣшнюю харьковскую губернію и заняли громадныя пространства дикихъ, никому не принадлежавшихъ земель, по теченію рѣкъ Псла, Ворскла, Мерла, Харькова, Лопани, Донца и др.; это было *дикое поле*, не принадлежавшее ни московскому правительству, ни татарскимъ ханамъ. Новопоселившіеся здѣсь черкасы образовали изъ себя военныя общества, получившія опредѣленную организацію. Такъ образовались слободскіе полки по образцу малороссійскихъ; Слободская Украина сдѣлалась оплотомъ границъ московскаго государства противъ крымскихъ и татарскихъ ордъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слобожане сдѣлались и обладателями территоріи, ими занятой и защищаемой; «по своимъ черкаскимъ обыклостямъ» они стали *занимать* себѣ усадебныя и пахатныя земли, лѣса, сѣнокосы и рыбныя ловли. Этими землями слобожане владѣли *не на помѣстномъ, а на вотчинномъ правѣ*; это не было временное пожалованіе, а самостоятельная *заимка*, признаваемая законодательствомъ и подтвержденная цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ. Такимъ образомъ земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи нужно признать *старозаимочными*, лично собственными, а *не казенно-оброчными*, слѣдовательно обложеніе ихъ оброчной повинностью со стороны казенной палаты является незаконнымъ актомъ, результатомъ недоразумѣнія, которое теперь должно быть исправлено: неправильно взимавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оброкъ долженъ быть возвращенъ крестьянамъ, а земли признаны ихъ полною собственностью.

Сущность возраженій отвѣтчика (казенной палаты) заключается въ слѣдующемъ. Для признанія права полной собственности нужно, по мнѣнію представителя казны, доказать во всякомъ данномъ случаѣ во 1-хъ,

что спорная земля—старозаимочная и во 2-хъ, что она не дана только во временное пользованіе отъ казны. Такое требованіе основывается на ясно выраженномъ законѣ о старозаимочныхъ земляхъ. Между тѣмъ представленые истцами документы (жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ), какъ носящіе *общій* характеръ, не доказываютъ старозаимочнаго происхожденія *именно данныхъ* земель. Отсутствіе спеціальнаго депутата казны при генеральномъ межеваніи этихъ земель ничего не говоритъ противъ не принадлежности ихъ казнѣ, потому что такое присутствіе было установлено только впослѣдствіи (указомъ 25 іюня 1797 г.), до того-же времени его замѣняли повѣренные отъ крестьянъ. Купчія крѣпости, на которыя ссылаются истцы, не могутъ служить доказательствомъ ихъ полнаго права собственности на земли и свидѣтельствуютъ только о незаконномъ распоряженіи казенною землею со стороны отдѣльныхъ лицъ.

Судъ сталъ на точку зрѣнія отвѣтчика. Въ противовѣсъ мнѣнію истцовъ о свободномъ занятіи пустыхъ, никому не принадлежавшихъ земель, онъ выставилъ свою *гипотезу* о заселеніи Слободской Украйны малороссійскими выходцами изъ-за Днѣпра подъ руководствомъ московскихъ воеводъ. По мнѣнію окружнаго суда, уже въ началѣ XVII в., при самыхъ первыхъ переселеніяхъ, московское правительство считало земли Слободской Украйны своими собственными «искони вѣка». Часть ихъ была отдана великорусскимъ служилымъ людямъ, а другая отведена подъ поселенія слободскимъ полкамъ: острогожскій полкъ былъ учрежденъ по государеву указу и при участіи русскаго воеводы; сумской полкъ заняли по государеву указу мѣстность, которая имѣла русское населеніе еще въ XI в.; ахтырскій полкъ занялъ территорію, которая перешла къ Россіи отъ Польши; харьковскій полкъ принадлежалъ прежде къ чугуевскому уѣзду, составлявшему исконную принадлежность московскаго государства; наконецъ изюмскій полкъ образовался изъ харьковскаго. Но если признать подобныя соображенія справедливыми, продолжаетъ далѣе окружной судъ, то, кромѣ свободной заимки земель въ полную собственность, было еще и пожалованіе въ *помѣстье*, что и встрѣчается во многихъ случаяхъ. Такимъ образомъ не достаточно доказать, что извѣстная земля заселена изстари, а нужно доказать, что она принадлежитъ истцамъ на правѣ собственности, а не пожалована только во временное пользованіе. На основаніи такихъ соображеній судъ не призналъ убѣдительными представленныхъ истцами доказательствъ и во всѣхъ 5-ти искахъ имъ отказалъ.

Сравнивая доводы сторонъ, мы наталкиваемся прежде всего на тотъ странный фактъ, что и истцы, и отвѣтчики опираются на одинъ

и тотъ-же законъ, а между тѣмъ приходятъ къ діаметрально противоположнымъ заключеніямъ. Очевидно, текстъ закона подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. И дѣйствительно, оказывается, что судъ ссылается на 2-е прим. къ 783 ст. X т., ч. 1-я (по продолженію 1868 г.), гдѣ говорится: «всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія». Основываясь на этомъ примѣчаніи, окружной судъ старозаимочныя земли раздѣляетъ на двѣ категоріи: однѣ, принадлежащія на правѣ полной собственности, и другія, данныя лишь въ пользованіе отъ казны.

Но такой выводъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ прямымъ категорическимъ заявленіемъ II го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, которой было поручено сообразить права на старозаимочныя земли съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету состоявшимися. По свѣдѣніямъ, собраннымъ II отдѣленіемъ, оказалось, «что *войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались слободскіе полки, заселивъ пограничную Украйну, по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя заимки и переходить на новыя свободныя земли, могли продавать ихъ своимъ и посторонимъ, закладывать, завѣщать, и такія права ихъ въ теченіе 150 лѣтъ были признаваемы правительствомъ*». Съ такимъ заключеніемъ II-го отдѣленія государственный совѣтъ согласился вполнѣ. Одно изъ двухъ: или примѣчаніе, на которое ссылается окружной судъ, не имѣетъ того смысла, который ему придаютъ, или-же нужно отвергнуть мнѣніе II отдѣленія, какъ несостоятельное.

И дѣйствительно: и представитель казны, и судъ, не смотря на свое видимое желаніе оставаться на почвѣ положительнаго узаконенія, на самомъ дѣлѣ аргументируютъ противъ него. Еще въ ахтырскомъ дѣлѣ представитель казны доказывалъ, что многія земли были пожалованы войсковымъ обывателямъ для отбытія службы и за службу; на это сенатъ замѣтилъ, что указы, на которые ссылается представитель казны, были въ виду государственнаго совѣта при изданіи въ 1859, 1864 и 1865 г. закона о старозаимочныхъ земляхъ, но онъ все таки призналъ, что войсковые обыватели занимали земли въ Слободской Украйнѣ на правѣ полной частной собственности и потому дѣлать изъ нихъ теперь противоположнаго вывода нельзя.

Съ своей стороны и судъ приводитъ цѣлый рядъ историческихъ доказательствъ, что заселеніе Слободской Украйны совершалось подъ руководствомъ московскаго правительства, съ надѣленіемъ отъ него-же земли новопоселившимся черкасамъ.

Развитію этой мысли посвящена Записка харьковской казенной палаты, поданная въ харьковскую судебную палату. Мы коснемся содержанія этой записки при разборѣ книги гг. Гурова и Бродскаго; теперь-же только ограничимся выводомъ, высказаннымъ нами въ началѣ рецензіи: очевидно, дѣло идетъ теперь о пересмотрѣ закона. И истцы, и отвѣтчикъ, и судъ, не зная, какими данными руководилось II-е отдѣленіе при своемъ заключеніи о старозаимочныхъ земляхъ, и не имѣя возможности опереться на прямой, не поддающійся разнымъ толкованіямъ законъ, принуждены были сами собирать матеріалы о старозаимочномъ землевладѣніи и на нихъ основывать свои заключенія.

Между тѣмъ данныя эти, разбросанныя въ нѣсколькихъ старыхъ сочиненіяхъ (архіеп. Филарета, Головинскаго, Гербеля, Квитки, Срезневскаго), при внимательномъ изученіи оказались далеко не удовлетворительными: вопросамъ землевладѣнія въ нихъ отведено очень мало мѣста. Правда и истцы, и отвѣтчикъ, сознавъ всю скудость имѣющагося въ распоряженіи науки матеріала, обратились къ архивамъ, какъ мѣстнымъ, такъ и московскимъ. Мы вполнѣ сочувствуемъ такому направленію дѣла, потому что существующій матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ, въ то время, какъ напримѣръ, московскій архивъ юстиціи или мѣстные архивы упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ заключаютъ въ себѣ документальные источники, могущіе положить конецъ нашимъ недоразумѣніямъ по многимъ капитальнымъ спорнымъ вопросамъ (переписныя, межевыя книги и т. д.). Но не можемъ не пожелать, чтобы дѣло это велось болѣе систематично. Теперь, какъ извѣстно, старозаимочные процессы пріостановлены и, вѣроятно, будутъ рѣшены законодательнымъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы было собрано побольше *документальныхъ* данныхъ, на основаніи которыхъ можно было-бы дать категорическіе отвѣты на главнѣйшіе вопросы старозаимочнаго землевладѣнія.

Отчеты о судебныхъ процессахъ, помѣщенные въ книгѣ г. Чижевскаго, не даютъ намъ представленія о сущности старозаимочнаго землевладѣнія; надежда г. Чижевскаго познакомить общество *съ дѣлами* о старозаимочныхъ земляхъ также не оправдалась. И нужно сознаться, что виноватъ въ этомъ самъ г. Чижевскій. Умышленно или неумышленно (предоставляемъ рѣшить читателю) онъ выбралъ только отрицательныя рѣшенія, *не обмолвившись ни однимъ словомъ о существованіи положительныхъ*. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы книга г. Чижевскаго не

имѣла никакого значенія для даннаго вопроса; наоборотъ, мы очень благодарны автору за то, что онъ первый далъ намъ извлеченія изъ судебныхъ рѣшеній, и только сожалѣемъ, что онъ не установился на объективной точкѣ зрѣнія въ этомъ дѣлѣ; вѣдь субъективность проявляется не только въ сочувствіи къ извѣстному взгляду, но и въ подборѣ матеріаловъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны сдѣлать и еще одинъ укоръ г. Чижевскому. Къ его книжкѣ приложено нѣсколько документовъ (12); нѣкоторые изъ нихъ перепечатаны изъ Полнаго Собранія Законовъ или изъ сочиненій Квитки, Головинскаго и архіеп. Филарета (№ 3, 4, 7, 10, 12); другіе являются въ печати впервые (всѣхъ ихъ 7); они были представлены истцами въ харьковскій окружной судъ. Но чѣмъ руководствовался г. Чижевскій, выбравши изъ всѣхъ представленныхъ въ судъ грамотъ только семь, имъ напечатанныхъ, остается неизвѣстнымъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ большой интересъ, напримѣръ, Память ноября мѣсяца $\frac{7194}{1686}$ г., за приписью дьяка Судейкина, харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцамъ (№ 6-й), и грамота 1-го сентября 1705 г. сумскому полковнику Кондратьеву (№ 11-й), Но какое отношеніе, напримѣръ, имѣетъ къ старозаимочнымъ землямъ грамота $\frac{7192}{1684}$ г., мая 5-го дня, харьковскому полковнику Григорію Донцу, трактующая исключительно о дозволеніи старшинѣ харьковскаго полка взять въ свое распоряженіе таможню, или грамота 2-го января $\frac{7203}{1695}$ г. стольнику воеводѣ Семену Зурову, освобождающая козаковъ харьковскаго полка отъ оброковъ за мельницы? Два первые документа о надѣленіи Яменскихъ черкасъ землею на правѣ помѣстномъ по своему содержанію стоятъ особнякомъ и отчасти даже находятся въ противорѣчіи съ остальными. Обыкновенному читателю вообще трудно разобраться въ приведенныхъ грамотахъ. Самъ г. Чижевскій изъ содержанія изданныхъ имъ грамотъ не дѣлаетъ никакихъ заключеній и даже самыхъ необходимыхъ объясненій. Такимъ образомъ остается открытымъ вопросъ, оправдываютъ-ли приведенныя грамоты отрицательныя рѣшенія окружнаго суда. Мы съ своей стороны на этотъ вопросъ склонны отвѣтить отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ представленныя грамоты подтверждаютъ черкасамъ вѣчное и безоброчное пользованіе ихъ землями; имъ-же предоставляется право свободной заимки земель «по ихъ черкаской обыклости». Въ грамотѣ 1705 года, данной сумскому полковнику Кондратьеву читаемъ: «...велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по бѣлгородской чертѣ, *на дикихъ степяхъ*, на татарскихъ займахъ, которыми мѣстами хаживали крымскія и ногайскія орды, подъ наши

государевы жилые города и для размноженія тѣхъ новостроющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены городы, на путивльскихъ дикихъ земляхъ, Сумы, Суджа, Мирополье, Красно поле, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды села и деревни... велѣно имъ, вмѣсто нашего государевaго денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городѣхъ жить и нашу государеву полковую службу служить по черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *велѣно-же заимки занимать*, пасѣки и всякіе грунты заводить, и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно противъ старо-черкаской обыклости...

Память $\frac{7194}{1686}$ г. харьковскимъ полковникамъ Григорію и Константину Донцу еще раньше подтвердила такія привиллегіи слободскихъ козаковъ. «Вамъ, черкаскимъ полковникамъ, говорится тамъ, и полковъ вашихъ урядникамъ и козакамъ, мѣщанамъ, въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ и кто гдѣ живетъ, *землями и пасѣками и сѣнными покосы и всякими угодьи, которые вы заняли себѣ по своимъ заимкамъ, велѣно владѣть по прежнему по вашимъ черкасскимъ обыклостямъ.*

Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ двѣ первыя грамоты (собственно одна, потому что 1-я представляетъ просьбу о надѣленіи, а 2-я отвѣтъ на нее). Въ нихъ говорится о *помѣстной* землѣ, которой были надѣлены жители сл. Ямной въ вольновскомъ уѣздѣ. Мы не будемъ доказывать, что помѣстныя земли въ это время слились съ вотчинными, а замѣтимъ только, что отдѣльные случаи надѣленія черкасъ помѣстною землею могли дѣйствительно встрѣчаться, особенно въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ великороссійскимъ населеніемъ и съ господствомъ такъ называемой четвертной системы.

На этомъ мы и кончимъ нашъ разборъ книги г. Чижевскаго и перейдемъ теперь къ другому сочиненію, касающемуся того же вопроса.

Объемистая брошюра гг. Гурова и Бродскаго (присяжныхъ повѣренныхъ округа харьковской судебной палаты) не представляетъ «ни строго научнаго изслѣдованія по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи харьковской губерніи, ни даже обстоятельной систематической компиляціи по этому вопросу». Цѣль ихъ работы – «изложить съ возможною обстоятельностью сущность наиболѣе важныхъ и спорныхъ положеній и вопросовъ, какіе до сего времени возбуждены были тяжущимися сторонами во время производства въ судебныхъ учрежденіяхъ такъ называемыхъ старозаимочныхъ процессовъ». Такимъ образомъ брошюра гг. Гурова и Бродскаго носитъ преимущественно судебный характеръ, представляя собою отвѣты на оффиціальную записку харь-

ковской казенной палаты, поданную въ видѣ апелляціонной жалобы въ судебную палату. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ авторами, что по существу затронутыхъ вопросовъ она имѣетъ значеніе для всѣхъ интересующихся судьбою Слободской Украйны вообще и крестьянскимъ землевладѣніемъ въ частности.

Мы выше замѣтили, что уже въ первой инстанціи (т. е. окружномъ судѣ) истцамъ приходилось доказывать справедливость существующаго положительнаго закона и защищать его противъ аргументовъ представителя казны.

Брошюра гг. Гурова и Бродскаго посвящена опроверженію записки казенной палаты, въ которой доказывается, 1) что территорія Слободской Украйны, имѣвшая уже въ XI в. русское населеніе, съ половины XVI ст. принадлежала московскому государству, 2) что переселеніе малороссіянъ изъ-за Днѣпра происходило подъ руководствомъ царскихъ воеводъ, которые и отводили земли переселенцамъ, 3) что казна всегда признавала земли, отведенныя черкасамъ, своею собственностью и обложила ихъ оброкомъ на совершенно законномъ основаніи. Уже изъ этого голаго перечня главнѣйшихъ вопросовъ, затронутыхъ въ запискѣ и отвѣтѣ на нее гг. Гурова и Бродскаго, ясно видно, что исторіи здѣсь отведено столько-же мѣста, сколько и гражданскому праву.

Мы не будемъ излагать доводовъ гг. Гурова и Бродскаго противъ положеній записки казенной палаты, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко, а укажемъ только болѣе подробно, какіе вопросы представляютъ предметъ спора между ними.

Авторъ записки утверждаетъ, что съ половины XVI в. территорія Слободской Украйны находилась подъ властью московскаго государства, имѣвшаго здѣсь свои крѣпости и города; въ подтвержденіе своего мнѣнія представитель казны ссылается на нѣкоторые акты и извѣстія, помѣщенныя въ книгѣ архіеп. Филарета. Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что тѣ сторожи, о которыхъ говорятъ источники, не могутъ быть признаны жилыми селеніями; что-же касается городовъ, то они, какъ видно изъ тѣхъ-же источниковъ, на которые ссылается авторъ записки, были построены пришлыми черкасами.

Относительно переселеній малороссіянъ въ Слободскую Украйну, авторъ записки замѣчаетъ, что они, собственно говоря, не имѣли и не могли имѣть мѣста до 1650 года.

Гг. Гуровъ и Бродскій справедливо замѣчаютъ, что подобное мнѣніе стоитъ въ противорѣчіи съ фактами, напримѣръ съ извѣстіемъ «Экстракта о слободскихъ полкахъ», приведеннымъ у Срезневскаго. Незачѣмъ только, какъ намъ кажется, отстаивать мнѣнія Маркевича о по-

селеніи слобожанъ на булавинскихъ земляхъ и о зависимости ихъ до временъ Самойловича отъ гетмана; дѣйствительно источникъ этого мнѣнія (неизвѣстный намъ авторъ Исторіи Руссовъ), вообще довольно мутный, не подтверждается другими болѣе достовѣрными данными. Мы думаемъ, что невозможно серьезно говорить и точно фиксировать годъ добровольнаго присоединенія слободскихъ полковъ къ Великой Россіи, потому что заселеніе края происходило медленно и свое полковое устройство онъ получилъ послѣ 1654 г.; положеніе Малороссіи было иное: въ качествѣ отдѣльной провинціи польскаго государства, добившейся политической самостоятельности, она *могла* добровольно возсоединиться и подойти подъ высокую руку великаго князя московскаго. Между тѣмъ заднѣпрскіе выходцы, добровольно и по вызовамъ правительства, приходили отдѣльными, болѣе или менѣе значительными партіями, селились за пограничною чертою московскаго государства въ дикихъ татарскихъ мѣстахъ и поступали въ подданство къ московскимъ великимъ князьямъ и государямъ.

Авторъ записки казенной палаты утверждаетъ, что новоявившимся черкасамъ отводились земли московскимъ правительствомъ. «Порядокъ этотъ рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ существующаго еще и донынѣ порядка заселенія государственныхъ пустопорожнихъ земель». До образованія слободскихъ полковъ черкасы были подъ вѣдомствомъ русскихъ воеводъ; впослѣдствіи они получили собственное управленіе, свою полковую и сотенную старшину. *Не смотря однако на передачу черкасъ въ вѣдѣніе полковниковъ, московское правительство никогда не предоставляло послѣднимъ права раздавать земли кому либо въ собственность;* самый отводъ земель производился по царскимъ указамъ или по распоряженіямъ изъ бѣлгородскаго приказа. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ записки ссылается на Филарета и Полное Собраніе Законовъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій, разобравъ доказательства автора записки, находятъ, что никакого надѣленія землею со стороны московскаго правительства не было; тамъ, гдѣ авторъ записки видитъ надѣленіе землею, было обыкновенное размежеваніе. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что одинъ голый фактъ отвода земли еще ровно ничего не значитъ. Если даже, напримѣръ, согласиться съ авторомъ записки, что «въ 1659 г. на отведенной Сумамъ землѣ, по царскому указу, основано сел. Нижняя Сыроватка», то это вовсе не доказываетъ, чтобы земли сел. Сыроватки можно было признать теперь казенною собственностью. Въ самомъ дѣлѣ: авторъ записки, нужно думать, не дочиталъ до конца документа, на который ссылается, потому что земля отдавалась «новопоселеннымъ по ту

сторону р. Псла и р. Сыроватки по вышеписаннымъ урочищамъ *во вѣчное владѣніе*»[1]).

Вообще намъ кажется, что нельзя доказывать принадлежности земель казнѣ на основаніи такихъ общихъ и неопредѣленныхъ примѣровъ, какіе приводятся авторомъ записки. Позволимъ себѣ привести примѣръ изъ исторіи лѣвобережной Украйны. Тамъ земля признавалась собственностью всего войска запорожскаго въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. козачества и посполъства. Но очень часто за *подтвержденіемъ* своихъ земельныхъ правъ отдѣльныя лица обращались уже не къ мѣстному гетманскому уряду, а къ центральной власти; между тѣмъ эта центральная власть была *собственникомъ* только незначительной части земель (такъ называемыхъ государевыхъ или коронныхъ маетностей). Тоже самое мы видимъ и въ Слободской Украйнѣ. И здѣсь очень часто отдѣльныя лица и коллективныя юридическія единицы обращались за подтвержденіемъ, укрѣпленіемъ своихъ правъ на землю; очень часто давались такія подтвердительныя грамоты даже на земли *купленныя;* очевидно, въ нихъ не было самостоятельнаго акта пожалованія; такія-же грамоты выдавались и на земли *занятыя*. Чаще-же всего, нужно думать, укрѣпленіе земельныхъ правъ шло со стороны мѣстнаго полковничьяго уряда. Напрасно гг. Гуровъ и Бродскій ничего не сказали автору записки по поводу его замѣчанія, что слободскіе полковники не имѣли права раздавать земель. Въ Историко-статистическомъ Описаніи харьковской епархіи помѣщенъ универсалъ сумскаго полковника Кондратьева, предоставляющій жителямъ Ворожбы Ѳеодору Чернявскому право на владѣніе *занятымъ имъ по черкасской обыклости гайкомъ*[2]).

А вотъ другой документъ общаго содержанія, совершенно уничтожающій мнѣніе автора записки. Харьковскій полковникъ Григорій Іерофеевичъ Донецъ въ универсалѣ о надѣлѣ землею куряжскаго монастыря пишетъ: «...по указу великаго государя нашего, царя и великаго князя Алексія Михайловича, самодержца всей Великой, Малой и Бѣлой Россіи, *намъ дана власть раздавать всякіе вольные грунты и пасѣчныя угодья всякимъ людямъ для жительства*»[3]). Спрашивается, что можно отвѣтить противъ такого категорическаго свидѣтельства?

Въ другихъ документахъ мы имѣемъ указанія на существованіе *полковой земли*. Можно-ли послѣ этого утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ записки, чуо «укрѣпленіе за кѣмъ либо правъ на земли въ сло-

---

[1]) Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. III, стр. 368.

[2]) Ibidem., отд. III, стр. 426.

[3]) Ист. стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд. I, стр. 75.

бодской губерніи *совершалось только царскими вотчинными грамотами*, даваемыми въ видѣ исключенія заслуженнымъ лицамъ, какъ особая милость». Гг. Гуровъ и Бродскій заявляютъ, что приведенное мнѣніе черезъ чуръ уже парадоксально; можно-ли допустить, чтобы въ XVII и XVIII вв. право собственности на земли можно было получить только путемъ жалованныхъ грамотъ, какъ *«особую милость» «за заслуги»*? Отдѣльные-же факты помѣстнаго владѣнія не могутъ доказывать господствующаго его значенія. Не менѣе страненъ взглядъ автора записки и на значеніе жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ. Изъ всѣхъ существующихъ грамотъ должны быть приняты во вниманіе по его мнѣнію только четыре, потому что онѣ только упоминаются въ жалованной грамотѣ Елисаветы Петровны. Эти-же четыре грамоты не заключаютъ въ себѣ указаній на право свободной заимки, а только освобождаютъ слобожанъ отъ нѣкоторыхъ оброковъ.

Гг. Гуровъ и Бродскій путемъ внимательнаго разбора содержанія всѣхъ извѣстныхъ намъ жалованныхъ грамотъ приводятъ къ заключенію, что онѣ *подтверждали самостоятельное занятіе земли по праву заимки.*

Дальнѣйшими указами и узаконеніями правительства это правило не было нарушено и существовало вплоть до генеральнаго межеванія (1765 года).

Въ 1837 года оно было утверждено министерствомъ государственныхъ имуществъ, подъ опеку котораго попали всѣ сельскіе обыватели податнаго состоянія; бывшіе козаки слободскихъ полковъ, переименованные раньше въ войсковыхъ обывателей, теперь попали въ категорію государственныхъ крестьянъ и находились подъ опекой министерства государственныхъ имуществъ до семидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, т. е. до выдачи владѣнныхъ записей. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ правительство рѣшило переложить оброчную подать съ душъ на землю. При кадастрѣ многія старозаимочныя земли совершенно неправильно были внесены въ оцѣнку. Одною изъ главныхъ причинъ этой ошибки, по мнѣнію гг. Гурова и Бродскаго, было малое знакомство высшихъ административныхъ учрежденій съ исторіей здѣшняго края и оригинальнымъ характеромъ его землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, кадастровая инструкція предписывала опредѣлять доходъ не съ отдѣльныхъ укастковъ земли, состоящихъ во владѣніи крестьянъ, а со всей земли, числящейся а обществомъ. «Въ виду этого чины коммиссіи, учрежденной въ харьковской губерніи для уравненія крестьянъ въ денежныхъ сборахъ, получивъ въ руководство инструкцію, въ которой предусматривалось исклю-

чительно только общинное крестьянское землевладѣніе и встрѣчая въ дѣйствительности на каждомъ шагу личное участковое землевладѣніе, на первыхъ-же порахъ оказались въ затруднительномъ положеніи, не зная, какъ справиться съ возложенною на нихъ задачею. Далѣе не смотря на то, что харьковская губернія была одною изъ первыхъ, въ которыхъ министерство государственныхъ имуществъ рѣшило примѣнить для опыта такъ называемую кадастрацію земель и что въ руководство харьковской кадастровой коммиссіи издана была особая инструкція, мы не найдемъ однако-же въ этой инструкціи никакихъ спеціальныхъ правилъ, которыя имѣли-бы въ виду исключительно старозаимочное крестьянское землевладѣніе, хотя въ тоже время встрѣчаемъ тамъ рядъ постановленій относительно земель однодворческихъ, четвертныхъ, захватныхъ и проч.». Между тѣмъ ошибочное внесеніе въ оцѣнку многихъ старозаимочныхъ земель нарушило земельныя права цѣлаго ряда отдѣльныхъ лицъ и обществъ. 2-е отдѣленіе собственнаго Его Императорскаго Величества канцеляріи ясно понимало, что старозаимочное владѣніе основано въ большинствѣ случаевъ не на крѣпостныхъ документахъ, а на правѣ первоначальнаго завладѣнія по закону; потому-то оно и признало необходимымъ доказывать во всякомъ данномъ случаѣ только то, что земля относится къ 26 разряду старозаимочныхъ, т. е. принадлежитъ владѣльцамъ со времени заселенія Слободской Украйны.

Таково вкратцѣ содержаніе интересной брошюры гг. Гурова и Бродскаго. Мы слышали, что скоро (въ началѣ февраля) появится сборникъ тѣхъ-же авторовъ, который будетъ заключать отчеты о старозаимочныхъ процессахъ и *значительное количество документовъ*. Мы только можемъ пожелать успѣха энергической дѣятельности гг. Гурова и Бродскаго въ отстаиваніи праваго дѣла.

Въ заключеніе мы приводимъ себѣ на память любопытную аналогію. 63 года тому назадъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Репнину пришлось отстаивать права на землю малороссійскихъ козаковъ. Князь Репнинъ написалъ записку въ отвѣтъ тогдашнему министру финансовъ Гурьеву, который доказывалъ, что земли малороссійскихъ козаковъ (черниговской и полтавской губерніи) должны быть обложены оброчною податью, потому что онѣ исконно принадлежали казнѣ и были отдаваемы только козакамъ для службы и за службу. Записка эта напечатана и наводитъ на любопытныя сближенія съ нынѣшними записками истцовъ и отвѣтчика по старозаимочнымъ дѣламъ.

Дм. Багалѣй

Харьковъ.

Харьковскій календарь на 1884 г. Изданіе харьковскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей дѣйствительнаго члена секретаря комитета П. С. Ефименка. Цѣна 1 рубл. Харьковъ. 1883 г. VIII+455+161+41.

Предъ нами объемистая книжка въ 42 печатныхъ листа, стоящая всего 1 рубль. Дешевизна, очевидно, объясняется тѣмъ, что издателемъ является статистическій комитетъ, который изъ своего изданія не извлекаетъ никакой выгоды. Очевидно, харьковскій губернскій статистическій комитетъ не спитъ мертвымъ непробуднымъ сномъ, подобно другимъ губернскимъ комитетамъ, а старается служить по мѣрѣ своихъ силъ общественнымъ потребностямъ. Не странно-ли, напримѣръ, что мать городовъ русскихъ—Кіевъ не имѣетъ мѣстнаго кіевскаго хорошаго календаря и принужденъ удовлетворяться календарями, издатели коихъ смотрятъ на свое дѣло исключительно, какъ на коммерческое предпріятіе.

Харьковскій Календарь носитъ мѣстный характеръ и въ этомъ его главное достоинство. Въ немъ собрана масса свѣдѣній, необходимыхъ для жителя города Харькова и харьковской губерніи. Первые два отдѣла посвящены общимъ справочнымъ извѣстіямъ; третій—исключительно мѣстнымъ. Здѣсь мы найдемъ раздѣленіе харьковской губерніи въ судебномъ, церковно-административномъ, полицейскомъ отношеніяхъ, статистическія данныя о движеніи населенія, о скотоводствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, типографіяхъ и литографіяхъ; важное мѣсто занимаютъ отчеты кредитныхъ учрежденій харьковской губерніи, ученыхъ, а также благотворительныхъ обществъ о своей дѣятельности.

Въ 4-мъ отдѣлѣ находятся научно-справочныя свѣдѣнія. Здѣсь помѣщено 6 статей: 1) Первый харьковскій календарь, 2) Древности харьковской губерніи, 3) Монастыри харьковской губерніи, 4) Замѣчательнѣйшія изъ населенныхъ мѣстъ харьковской губерніи, 6) Біографическій указатель замѣчательныхъ уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи.

Затѣмъ слѣдуетъ адресъ-календарь.

Уже этотъ голый перечень рубрикъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Харьковскій Календарь составленъ весьма умѣло и добросовѣстно, а главное приспособленъ къ нуждамъ мѣстнаго обывателя. Въ немъ найдутъ для себя интересныя свѣдѣнія всѣ слои мѣстнаго общества. Многія статистическія данныя имѣютъ кромѣ того и научное значеніе, рисуя матеріальную и умственную сторону харьковской жизни; таковы, напримѣръ, данныя о типографіяхъ г. Харькова, съ обозначеніемъ количества напечатанныхъ въ нихъ книгъ и брошюръ, и книжныхъ лавкахъ. Еще болѣе интересны отчеты ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. Весь

четвертый отдѣлъ, не представляя изъ себя самостоятельныхъ научныхъ статей, имѣетъ большой интересъ для харьковской публики, трактуя въ составленныхъ сжато, но интересно статьяхъ о мѣстныхъ древностяхъ.

Никто не станетъ, кажется, сомнѣваться въ важности распространенія въ обществѣ историческихъ свѣденій, а путь календарный въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ главныхъ. Поэтому помѣщеніе въ разсматриваемомъ нами Календарѣ мѣстныхъ историческихъ свѣдѣній, притомъ въ столь значительномъ объемѣ и разнообразіи, не можетъ не вызвать особаго сочувствія и благодарности потрудившимся въ семъ дѣлѣ. Біографіи мѣстныхъ дѣятелей временъ близкихъ и отдаленныхъ имѣютъ здѣсь особое значеніе, обновляя и укрѣпляя въ памяти современнаго общества свѣтлые образы тѣхъ, кому оно обязано многимъ въ настоящемъ. Глубокое сочувствіе вызываютъ такіе дѣятели, какъ *Василій Зазарьевичъ Каразинъ*, по праву единственный основатель университета, вымолившій его буквально на колѣняхъ у харьковскаго общества, или высоко-идеальный типъ *Григорія Савича Сковороды*, народнаго учителя и поэта. При біографіяхъ нѣкоторыхъ дѣятелей на поприщѣ науки и литературы приложенъ перечень ихъ главнѣйшихъ трудовъ и произведеній.

Въ статьѣ о «замѣчательнѣйшихъ населенныхъ мѣстностяхъ харьковской губерніи» разсказывается вкратцѣ исторія главныхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ, слободъ. Такой-же характеръ носитъ и глава о монастыряхъ губерніи: излагается исторія каждаго изъ нихъ, а ихъ современное состояніе рисуется на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ настоятелями монастырей.

На статьѣ «о древностяхъ» мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько дольше. Описаніе и перечисленіе городищъ харьковской губерніи находятся въ сравнительно мало уже доступномъ Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи, преосв. Филарета, и въ малоизвѣстной, но интересной брошюркѣ г. Морозова. Описаніемъ этихъ памятниковъ старины занимался и г. Пассекъ. Такъ какъ все это труды въ настоящее время рѣдкіе, то нельзя не поблагодарить издателей за эту статью, заключающую въ себѣ перечисленіе городищъ съ описаніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ Хорошево и Одринское.

Было время, когда въ наукѣ русской держалось мнѣніе ученаго Ходаковскаго, что городища представляютъ собою мѣсто, гдѣ въ языческій періодъ жизни русскихъ славянъ совершались ихъ богослужебные обряды, что всѣ они имѣютъ одинаковое устройство, при чемъ входъ въ нихъ всегда устроенъ съ востока. Послѣ того было сдѣлано нѣсколько описаній весьма большаго количества городищъ, упомянутыхъ Пассекомъ,

а также Срезневскимъ, преосвященнымъ Филаретомъ, Самоквасовымъ, Морозовымъ. Эти работы показали, что какъ по своей обширности, такъ и по устройству, городища отличаются другъ отъ друга; что входы у нихъ бываютъ съ разныхъ сторонъ, смотря по мѣстности, при томъ всегда со стороны безопасной отъ врага. Благодаря нѣкоторымъ, иногда совершенно случайнымъ свѣдѣніямъ нашихъ древнихъ лѣтописей, оказалось, что городища представляютъ собою остатки укрѣпленій городовъ, существовавшихъ въ древній періодъ русской исторіи. Такъ отъ существовавшаго въ до-монгольскую эпоху города Выря сохранилось до сихъ поръ городище вирское, отъ города Донца—донское. Если городища суть остатки городовъ, то вопросъ сводится только къ тому, какъ древне само городище. Относительно городищъ харьковской губерніи можно сказать, что они относятся къ періоду до-монгольскому. Это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ документальныя свидѣтельства XVI и XVII вв., указывающія, что эти городища существовали до заселенія Слободской Украйны, а стало быть города, остатками которыхъ они являются, существовали въ періодъ до-татарскій, такъ какъ со времени нашествія татаръ эти области были пустыней. По числу и мѣсту городищъ можно приблизительно гадать о населенности страны въ до-монгольской періодъ и гдѣ проходила граница между осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ и его врагами — кочевниками тюрками. Жаль только, что положеніе нѣкоторыхъ городищъ не опредѣлено съ точностію, а указаны только уѣзды, въ которыхъ они находятся.

Продолжая календарнымъ путемъ популяризировать въ мѣстной читающей публикѣ мѣстную-же исторію, редакція Харьковскаго Календаря сдѣлала-бы несомнѣнно полезное дѣло, если-бы въ послѣдующихъ его изданіяхъ дала цѣльную, хотя-бы и краткую исторію того края. Трудно, конечно, соединить краткость, популярность, полноту и интересъ изложенія; но тутъ можно вполнѣ положиться на силы редакціи, въ лицѣ уважаемаго П. С. Ефименка, и на близкую связь ея съ историко-филологическимъ обществомъ. Желая возможно большаго распространенія дѣльно составленному и весьма полезному изданію харьковскаго статистическаго комитета въ формѣ календаря, заимствуемъ изъ него обращеніе ист.-филол. общества къ содѣйствію публики; оно съ интересомъ прочтется всякимъ любителемъ исторіи и можетъ служить хорошимъ указателемъ для другихъ подобныхъ учрежденій и предпріятій.

Отъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ.

Цѣль харьковскаго историко-филологическаго общества состоитъ въ развитіи и распространеніи историческихъ и филологическихъ знаній и въ сохраненіи словесныхъ памятниковъ старины.

Лица интересующіяся русскою исторіей вообще, исторіей южной Россіи въ частности могутъ оказать полезное содѣйствіе харьковскому историко-филологическому обществу сообщеніемъ свѣдѣній о старинѣ и доставленіемъ старинныхъ вещей.

Желательны: 1) Приведеніе въ извѣстность числа, величины и формы городищъ и кургановъ и сообщеніе связанныхъ съ ними народныхъ преданій и разсказовъ. Если городища и курганы раскапывались, то нужно знать: когда, кѣмъ, какимъ способомъ, что было найдено и гдѣ найденное въ курганѣ нынѣ хранится. 2-хъ) Доставленіе древнихъ вещей всякаго рода, глиняныхъ, каменныхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, какъ-то: предметовъ вооруженія, украшенія; одежды, утвари, монетъ; доставленіе иконъ стараго письма, преимущественно съ чертами мѣстнаго южно-русскаго искусства; указаніе и описаніе старинныхъ портретовъ, хранящихся въ монастыряхъ, церквахъ или въ фамильныхъ собраніяхъ частныхъ лицъ, доставленіе списковъ съ разныхъ древнихъ надписей (на сволокѣ, камнѣ, книгѣ и пр.). При этомъ желательны письменныя объясненія: гдѣ, когда и кѣмъ вещь была найдена. Если нельзя получить вещи, то желательно получить съ нея точныя рисунки или фотографическіе снимки. 3) Сообщеніе свѣдѣній о малорусскомъ языкѣ, словарей мѣстныхъ говоровъ, сказокъ, повѣрій, заклинаній, пѣсень и обрядовъ всякаго рода, родинныхъ, свадебныхъ, похоронныхъ, зажинныхъ и др., разсказовъ о цѣлебныхъ источникахъ, кладахъ, колдунахъ, вѣдьмахъ, чертяхъ, чародѣйствѣ и т. п. 4) Сообщеніе преданій и разсказовъ о церквахъ, монастыряхъ, иконахъ; о происхожденіи селъ и городовъ, о старинномъ землевладѣніи, въ частности заимкѣ; о государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, старинныхъ войнахъ, о татарахъ, козакахъ, гайдамакахъ, о шляхахъ, о чумачествѣ. 5) Доставленіе свѣдѣній объ остаткахъ церковныхъ братствъ, о старинныхъ школахъ и способахъ обученія, о школьной жизни, о формахъ общественнаго призрѣнія (шпиталяхъ), о бандуристахъ (гдѣ живетъ, у кого учился, какія пѣсни знаетъ и пр.). 6) Сообщеніе о хранилищахъ рукописей и доставленіе оригиналовъ или копій съ рукописей, а именно: грамотъ, въ томъ числѣ грамотъ на данныя отдѣльнымъ лицамъ земли, юридическихъ документовъ, межевыхъ записей, фамильныхъ лѣтописей (напримѣръ лѣтопись Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ), историческихъ записокъ (напримѣръ «Экстракта о слободскихъ полкахъ»), писемъ, дневниковъ, сельскохозяйственныхъ документовъ, старинныхъ учебниковъ, проповѣдей, непапечатанныхъ повѣстей, драмъ и лирическихъ стихотвореній на малорусскомъ языкѣ, сборниковъ литературнаго или историческаго содержанія, литературныхъ альбомовъ, панегириковъ, обличительныхъ статей, старинныхъ пасквилей, лечебни-

ковъ, каталоговъ старинныхъ рукописныхъ собраній и библіотекъ и проч. и 7) доставленіе старинныхъ книгъ.

Согласно съ 3 § устава, археологическіе и этнографическіе предметы, преобрѣтенные обществомъ, поступаютъ въ музей изящныхъ искусствъ и древностей при харьковскомъ университетѣ; рукописи и книги остаются въ вѣдѣніи общества и составляютъ его библіотеку, которая помѣщается въ зданіи университета.

Общество имѣетъ въ виду, по мѣрѣ денежныхъ средствъ, согласно съ 2 § устава, издавать ученыя изслѣдованія, памятники, мелкія замѣтки, критико-библіографическія статьи и обозрѣнія. Въ эти изданія войдутъ рефераты членовъ общества въ цѣломъ видѣ или въ сокращеніи и отчеты о сдѣланныхъ въ архивъ и въ библіотеку общества вкладахъ и пожертвованіяхъ.

По § 19 устава, въ случаѣ закрытія общества, все имущество поступаетъ въ вѣдѣніе университета.

Письменныя сообщенія и приношенія присылать по слѣдующему адресу: *Въ Харьковъ, въ университетъ, въ историко филологическое общество.*

Предсѣдатель профессоръ *А. Потебня.* Секретарь доцентъ *Н. Ѳ. Сумцовъ.* **Б. Г.**

Островоротная или остробрамская икона Богородицы въ г. Вильнѣ. Историческое изслѣдованіе, съ восемью рисунками. Составилъ и издалъ Никодимъ Соколовъ. Вильна. 1883 г.

Извѣстно всякому, кто живалъ въ Вильнѣ, или проѣзжалъ чрезъ нее, либо читалъ объ ней, что тамъ находится древняя, особо чтимая икона Божіей Матери, называемая *остробрамскою.* Икона эта находится въ рукахъ католиковъ и считается мѣстною польско-католическою святынею. На самомъ дѣлѣ это древняя православная икона, перешедшая, вслѣдствіе историческихъ перемѣнъ въ краѣ, сперва отъ православныхъ къ уніатамъ, а потомъ отъ этихъ послѣднихъ къ католикамъ. Судьба этой иконы сходна отчасти съ судьбою такой-же древней православной иконы въ г. Ченстоховѣ (петроковской губерніи), остающейся въ рукахъ католиковъ, и не менѣе древней иконы Богородицы въ г. Холмѣ (люблинской губерніи), возвращенной православію въ весьма недавнее время. Виленская икона Божіей Матери принесена туда изъ Корсуня, или Херсонеса Таврическаго великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ Гедиминовичемъ, во время одного изъ успѣшныхъ его походовъ на крымскихъ

татаръ, во 2-й половинѣ XIV ст., а въ какомъ именно году, неизвѣстно. Первоначально она находилась въ виленскомъ троицкомъ монастырѣ, куда отдана была женою Ольгерда. Троицкій православный монастырь находился въ центрѣ русскаго населенія Вильны, а оно группировалось на южной оконечности города, выступавшей къ югу острымъ угломъ, отъ чего самая мѣстность эта называлась *острымъ*, а по населенію *русскимъ концемъ*. Тутъ былъ главный въѣздъ въ городъ; догадливые монахи троицкіе устроили здѣсь часовню и помѣстили въ ней данную имъ икону. Когда при великомъ князѣ Александрѣ обнесли Вильну каменною стѣной, съ башнями и воротами, для защиты города отъ татаръ, одни изъ 5-ти въѣздныхъ воротъ устроены были на «остромъ концѣ» и названы «острыми вратами»; на нихъ устроена была часовня и въ ней помѣщена икона. Книжное славянское слово: *врата* замѣнилось мѣстнымъ: *брама* и самая икона стала называться *остробрамскою*, подъ какимъ именемъ извѣстна и доселѣ. Болѣе двухъ столѣтій корсунская икона Благовѣщенія Богородицы, перенесенная въ Вильну, была предметомъ особаго чествованія православнаго населенія Вильны и можетъ считаться вполнѣ русскою народною святынею. Но съ измѣненіемъ общей судьбы православія и русской народности въ б. литовскомъ государствѣ и постепеннымъ возобладаніемъ въ немъ польско-католическаго элемента, измѣнилась и судьба этой святыни: въ началѣ XVII ст., когда всѣ виленскія православныя церкви, которыхъ было свыше 20-ти, переданы были королевскимъ декретомъ уніатамъ, въ числѣ другихъ ими взята и церковь св. Николая, въ которую незадолго предъ симъ православные жители Вильны, за отобраніемъ у нихъ троицкаго монастыря, перенесли корсунскую икону. Захватъ этой святыни открытою силою произвелъ большое волненіе въ жителяхъ Вильны, оставшихся вѣрными православію, тѣмъ не менѣе икона осталась за уніатами и снова перенесена въ часовню на Острыхъ воротахъ. Это было въ 1609 г., а спустя 60-тъ съ небольшимъ лѣтъ, когда обветшавшая уніатская часовня, декретомъ особой коммиссіи была закрыта, икона фактически стала достояніемъ монаховъ кармелитовъ, которые сперва поставили ее въ сосѣднемъ костелѣ св. Терезіи, а потомъ устроили для нея на тѣхъ-же воротахъ новую часовню. Въ 1744 г. часовня деревянная была замѣнена каменною, существующею и понынѣ: часовня и икона получили полную католическую обстановку. Новые владѣльцы иконы съумѣли, какъ нельзя лучше, воспользоваться ея народнымъ историческимъ значеніемъ: съ помощію дорогихъ украшеній, роскошной обстановки, нарочитыхъ моленій и пышныхъ процессій они перенесли въ среду католическую то благовѣніе, которымъ окружена была икона въ мірѣ православномъ, а

посредствомъ этого долго увлекали въ католичество массы православныхъ и уніатовъ и, наконецъ, съ присоединеніемъ края къ Россіи создали изъ древней русской святыни орудіе преступныхъ манифестацій противъ русскаго владычества, какъ это было въ 1794, 1830 и 1863 гг. Древняя принадлежность иконы православію не разъ была изслѣдуема и доказываема, злоупотребленіе народнымъ къ ней благоговѣніемъ для цѣлей политическихъ было слишкомъ очевидно; не смотря на то, она не могла быть возвращена православію ни въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 1832 г., ни по почину всесильнаго Муравьева, въ періодъ послѣдняго польскаго возстанія.

Такова вкратцѣ исторія виленской остробрамской иконы Божіей Матери и таково содержаніе книги о ней о. Н. Соколова.

Описанная имъ икона имѣла уже свою обширную литературу на русскомъ и польскомъ языкахъ, усложняющуюся тѣмъ, что исторія этой святыни неразрывно связана съ исторіею г. Вильны и всего края, и писавшіе о городѣ и краѣ писали и объ иконѣ, и на оборотъ излагавшіе собственно судьбу иконы касались исторіи города и цѣлаго края. О. Соколовъ, какъ видно изъ его книги, имѣлъ подъ руками массу печатнаго матеріала, общаго и спеціальнаго, но, къ сожалѣнію, разобраться въ немъ не съумѣлъ. По видимому, онъ чувствовалъ это самъ и потому раздѣлилъ добытыя имъ свѣдѣнія на двѣ далеко не равныя части и изъ одной меньшей составилъ собственно исторію иконы, изложенную на 101 стр., а другую, гораздо большую на 405 стр. приложилъ къ ней въ видѣ 367 примѣчаній. Но, прочитавъ всю книгу, нельзя не видѣть, что съ одной стороны въ самую исторію внесено не мало такого, что могло-бы быть или вовсе опущено, или отнесено къ примѣчаніямъ, съ другой — въ самыхъ примѣчаніяхъ есть масса совершенно лишняго и посторонняго и есть такія данныя, которыя не лишни были-бы въ самой исторіи. Произошло это, какъ намъ кажется, не въ силу только неумѣнья автора отличить главное и существенное отъ посторонняго и не важнаго, но и потому, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ цѣль настоящаго своего труда. Послѣ того, какъ о виленской остробрамской иконѣ написано такъ много, задачею новаго изслѣдователя могло быть или добыть, если возможно, новыя какія либо данныя для исторіи этой иконы, подвергнувъ критикѣ прежнія данныя, или-же, воспользовавшись готовымъ матеріаломъ, составить сжатое, для всякаго понятное и доступное изложеніе судебъ древней виленской русской святыни. Новыхъ свѣдѣній объ иконѣ автору не удалось добыть, архивнымъ матеріаломъ онъ не пользовался, критики источниковъ у него также нѣтъ; оставалось, значитъ, послѣднее, и въ немъ чувствуется на мѣстѣ большая

потребность, на что указываетъ и самъ авторъ. Но именно этого онъ и не сдѣлалъ: книга вышла объемистая, но живой, полной, легко читаемой исторіи иконы въ ней нѣтъ, а цѣна 1 р. не можетъ быть названа общедоступною и не отвѣчаетъ интересу, доставляемому чтеніемъ книги.

Интересу книги, кромѣ неумѣлаго распредѣленія матеріала, мѣшаютъ два обстоятельства: во 1-хъ полемическій тонъ книги и въ 2-хъ особая манера изложенія и языкъ автора. Авторъ, пиша историческое изслѣдованіе не можетъ сохранить спокойнаго тона; онъ смотритъ на событія давно-прошедшія, какъ-бы они происходили предъ его глазами, раздражается тѣмъ, что они шли несогласно съ его чувствованіями и желаніями и свое раздраженіе выражаетъ массою такихъ эпитетовъ, которые, не помогаютъ изложенію и тѣмъ непріятнѣе дѣйствуютъ на читателя, что являются въ формѣ словъ мало кѣмъ употребляемыхъ, какъ на примѣръ «злокозненный, зловредный, злоухищренный» и т. п. Особенности языка автора составляютъ длинные, трудно-читаемые періоды, а также масса всевозможныхъ, часто совершенно лишнихъ эпитетовъ, однозвучныхъ, въ большей части также не нужныхъ приставокъ и такихъ фразъ и оборотовъ, построеніе которыхъ трудно чѣмъ-либо оправдать. Упоминая объ учрежденіи въ 1857 г. прихода при костелѣ бывшаго монастыря св. Терезіи, онъ прибавляетъ: „такимъ образомъ *при*островоротный костелъ сталъ въ свою очередь самъ *при*уроченнымъ къ св. Богородичной Островоротной иконѣ, соединеннымъ и даже связаннымъ съ нимъ необходимо“. Объявленныя въ 1609 г. уніатскими виленскія прав. церкви должны были, по выраженію автора, «*слиснуть* въ уніи и отъ уніи“; «средняя лампада въ часовнѣ всегда имѣетъ горѣніе», т. е. горитъ, «открытіе завѣсъ при св. иконѣ *происходитъ* не иначе, какъ лицомъ, имѣющимъ право надѣвать извѣстное костельное облаченіе» ..., «въ часовнѣ бываетъ 8—10 обѣденъ въ день— читанныхъ и поемыхъ, играемыхъ, смотря по усердію усердствующихъ, различными ксендзами», «чествованіе иконы Одигитріи, Путеводительницы, въ священнѣйшемъ мѣстѣ величественнѣйшаго каѳедральнаго, митрополичьяго, пречистенскаго собора больше и больше, такъ сказать, *вбиралось* въ этотъ замѣчательно представительный по своему времени храмъ Пречистыя», и т. п. и т. д.

Вообще книга автора читается съ большимъ трудомъ и не оставляетъ цѣльнаго представленія о судьбахъ виленской остробрамской иконы. Задавшись, по видимому, цѣлію написать исторію иконы, авторъ излишне распространился о современномъ ея положеніи и обстановкѣ, мѣшаетъ исторію съ описаніями и собственными чувствованіями, вдается въ излишнія подробности, касается постороннихъ матерій, особливо въ примѣчаніяхъ, но всего болѣе онъ портитъ успѣху книги страстнымъ изложеніемъ и крайне необработаннымъ и тяжелымъ языкомъ. Видно, авторъ поторопился изданіемъ своего новаго труда, не осилилъ бывшаго въ его рукахъ обширнаго матеріала и слишкомъ мало потрудился надъ внѣшнею отдѣлкою своей монографіи.

К. Ц.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ ПРОЖИТЫХЪ НА ВОЛЫНИ ДНЕЙ.

Въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ на 1883 г., въ отдѣлѣ „Извѣстія и Замѣтки“ была статья г. Тарнавскаго: „По поводу 50-ти лѣтняго юбилея почаевской лавры“, статья любопытная по многимъ историческимъ и описательнымъ даннымъ, касающимся почаевскаго монастыря. Прочитавши ее, вспомнилъ я, какъ назадъ тому почти 40 лѣтъ пробылъ я три дня въ этомъ монастырѣ, и теперь, собравши мои воспоминанія, рѣшаюсь подѣлиться ими съ читателями „Кіевской Старины“.

Это было въ 1845 году. Я служилъ тогда старшимъ учителемъ исторіи въ ровенской гимназіи. Собственно желаніе познакомиться съ юго-западною окраиною нашего отечества, столь богатою историческими памятниками и преданіями, было побудительною для меня причиною искать возможности переселиться на Волынь и пожить тамъ нѣкоторое время. При всѣхъ удобныхъ случаяхъ, когда я былъ свободенъ отъ служебныхъ обязанностей, я совершалъ по окрестностямъ разныя поѣздки. На страстной недѣлѣ въ 1845 году отправился я, вмѣстѣ съ тогдашнимъ моимъ товарищемъ по службѣ г. Малавскимъ, въ Кременецъ и Почаевъ, съ намѣреніемъ посѣтить также Вишневецъ и знаменитое въ малорусской исторіи Берестечко. Пріѣхавши въ великую пятницу въ Кременецъ, мы всходили на гору Бону, очень высокую и крутую, осмотрѣли тамъ развалины замка, приписываемаго королевѣ Бонѣ, а на другой день, отстоявъ велико-субботнюю утреню въ соборѣ, устроенномъ изъ бывшаго францисканскаго монастыря (отъ котораго грудами валялись по двору разбитые католическіе изображенія ангеловъ, Бого-

матери и разныхъ святыхъ), мы уѣхали въ Почаевъ. Дорога шла по чрезвычайно живописной мѣстности: по бокамъ виднѣлись холмы, покрытые рощами, съ самыми разнообразными и затѣйливыми очертаніями; то были отроги Карпатскихъ горъ, заходящіе изъ Галиціи въ предѣлы Россіи. День былъ ясный, весенній. Все дышало свѣжестію молодой жизни; развивались вербы и березы; на рѣкахъ и прудахъ воды, недавно освободившіяся отъ льда, начинали зеленѣть молодымъ камышомъ и пестрѣть водяными цвѣтами. Было такъ хорошо, что мы всю почти дорогу не ѣхали, а шли пѣшкомъ, и потому, не смотря на недалекое разстояніе отъ Кременца до Почаева, прибыли туда при солнечномъ закатѣ и остановились въ жидовскомъ постояломъ дворѣ. Тотчасъ-же мы отправились въ монастырь къ архимандриту, къ которому было у меня рекомендательное письмо. Отецъ архимандритъ оказался добродушный и веселый старикъ; нѣкогда, какъ онъ самъ о себѣ сообщалъ, онъ занималъ мѣсто протоіерея въ Каневѣ. Съ первыхъ-же минутъ нашей бесѣды онъ разговорился о мѣстной старинѣ, о постройкѣ почаевскаго храма, воздвигнутаго въ его настоящемъ видѣ старостою каневскимъ Потоцкимъ, извѣстнымъ безобразникомъ и забіякою.

По разсказу о. архимандрита, этотъ панъ Потоцкій однажды ѣхалъ по горѣ въ виду Почаева, виднѣвшагося издали. Вдругъ кучеръ, по неосторожности, опрокинулъ его экипажъ. Разсерженный панъ приказалъ кучеру остановиться, взялъ ружье и хотѣлъ стрѣлять въ него. Убить человѣка для буйнаго пана въ припадкѣ гнѣва ничего не значило, и это практиковалось имъ не одинъ разъ. Кучеръ въ ужасѣ обратился къ виднѣвшемуся монастырю и началъ просить спасенія у почаевской Божіей Матери: „Najświętsza Matko Poczajowska, ratuj mię!“ Панъ спустилъ курокъ—сдѣлалась осѣчка; панъ снова взвелъ курокъ и спустилъ—въ другой разъ осѣчка. Это поразило буйнаго пана: онъ бросилъ ружье и сталъ у кучера допрашивать, какая это почаевская Божія Матерь, которую кучеръ призывалъ. Панъ мало занимался предметами благочестія и потому до тѣхъ поръ и не слыхалъ о чудотворной иконѣ Богоматери въ почаевскомъ монастырѣ, находившемся недалеко отъ него. Когда кучеръ, чудесно избавленный отъ смерти, сказалъ ему все, что зналъ и на сколько умѣлъ, панъ пришелъ въ задумчивость. Внезапно пробудилась въ немъ совѣсть: началъ онъ скорбѣть о мно-

жествѣ совершенныхъ имъ въ жизни безчинствъ и злодѣяній—явилась наклонность къ покаянію. Онъ велѣлъ везти себя въ почаевскій монастырь, и поклонился чудотворной иконѣ. Съ этихъ поръ чувство раскаянія овладѣвало имъ болѣе и болѣе; до невыносимости гнусною показалась ему протекшая жизнь. При этомъ о. архимандритъ вспомнилъ о разныхъ выходкахъ безобразія этого пана, которыя иногда соединялись и съ чувствомъ правды. Такъ, однажды, онъ встрѣтилъ мужика, плакавшаго надъ бочкой разлитаго дегтя. На вопросъ: что это значитъ? мужикъ сказалъ, что ѣхалъ доминиканскій монахъ, и за то, что мужикъ не успѣлъ свернуть съ дороги, онъ наѣхалъ на него и дышломъ пробилъ дно бочки съ дегтемъ. Панъ Потоцкій пустился догонять доминикана, воротилъ его къ мужику и заставилъ монаха, въ его бѣлой одеждѣ, пролѣзть сквозь разбитую бочку. Доминиканъ представлялъ, что онъ ѣхалъ напутствовать больнаго св. дарами, но панъ сказалъ, что деготь есть также даръ Божій и не можетъ причинить поруганіе Христу; напротивъ, оскорблять своего ближняго есть посягательство на поруганіе Христа. Когда монахъ все еще упрямился, панъ пригрозилъ ему канчуками и монахъ долженъ былъ исполнить приказаніе пана. Наказавши такимъ образомъ монаха, панъ вознаградилъ мужика за утраченный деготь. Въ другой разъ онъ узналъ, что у одного изъ его сосѣдей, у котораго имѣніе было на арендѣ у жидовъ, жиды обращались нахально съ панскими подданными. Между прочимъ жидъ приказывалъ мужикамъ доставлять ему дрова, и мужикъ привозившій дрова долженъ былъ по вязанкѣ сносить ихъ въ высокій сѣновалъ. Панъ Потоцкій переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ на возъ съ дровами и отправился къ жиду, который подумалъ, что это мужикъ изъ его села привозитъ ему дрова. Панъ терпѣливо снесъ нахальное обращеніе съ нимъ жида и послушно понесъ вязáнку за вязанкой по узкой лѣстницѣ, куда указывалъ ему путь жиденокъ, наблюдавшій за нимъ сзади. Между тѣмъ панъ, отъѣзжая изъ дому, приказалъ ѣхать вслѣдъ за собою каретѣ въ сопровожденіи гайдуковъ, а въ карету приказалъ сѣсть мужику, отъ котораго узналъ о нахальномъ обращеніи жида съ крестьянами, и когда, всходя на сѣновалъ, панъ увидалъ, что карета приближается, то спустившись съ лѣстницы, ударилъ жиденка полѣномъ по головѣ и положилъ его на мѣстѣ. Сбѣжались жиды, подняли гвалтъ,

а тутъ подъѣхала панская карета, и слуги обратились съ знаками почтенія къ своему господину. Тогда только узнали жиды, что за мужикъ привозилъ имъ дрова и что за панъ сидѣлъ въ каретѣ. Панъ Потоцкій приказалъ собрать всѣхъ бывшихъ въ томъ имѣніи жидовъ и жидовокъ и отъ мала до велика перестрѣлялъ ихъ всѣхъ, не пощадивши и младенцевъ. Владѣлецъ имѣнія, гдѣ происходило это событіе, подалъ судебный искъ. Тогда панъ Потоцкій поѣхалъ по околицѣ, наловилъ десятка два или три жидовъ, собралъ ихъ у себя и приказалъ наложить на возы, придавивши „рублемъ“ (гнетомъ), какъ дѣлаютъ при возкѣ сноповъ и привезъ къ пану сосѣду, который въ ту пору случился у себя въ имѣніи. „Вотъ“, сказалъ ему Потоцкій: „вы подали на меня искъ, что я пострѣлялъ у васъ нѣсколькихъ жидовъ; я вамъ плачу за нихъ— даю нѣсколько десятковъ“. Но многіе изъ этихъ несчастныхъ задохлись, сваленные тѣсно подъ гнетомъ. Архимандритъ вспомнилъ также о „Бондаривнѣ“, о которой сохранилось преданіе на Волыни, и осталось такъ живо, что у многихъ зажиточныхъ хозяевъ можно видѣть рисунокъ малорусской дѣвушки, выдаваемый за портретъ „Бондаривны“.

Послѣ приключенія съ кучеромъ и затѣмъ посѣщенія почаевскаго монастыря, панъ принялъ намѣреніе, ради покаянія, окончить дни свои гдѣ нибудь въ монастырѣ, но хотѣлъ извѣдать, въ какой монастырь укажетъ ему идти высшій Промыслъ. Онъ нарядился нищимъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ нѣсколько католическихъ монастырей. Вездѣ его принимали дурно, ограничиваясь ничтожнымъ подаяніемъ; но когда онъ явился въ почаевскій уніатскій монастырь, бывшій бѣднѣе другихъ, тамъ его приняли радушно, накормили, напоили, дали пріютъ для ночлега. Потоцкій счелъ это небеснымъ указаніемъ и черезъ нѣсколько времени прибылъ туда, только уже не въ нищенскомъ видѣ, а въ великолѣпной каретѣ, и привезъ большую сумму на построеніе каменнаго храма, того самаго, который существуетъ до сихъ поръ. Здѣсь онъ и поселился въ качествѣ послушника, произвольно смирялъ себя, исполнялъ чорныя работы, но иногда невольно выказывалъ и прежнія панскія замашки. Такъ, напримѣръ, подметая корридоры келій, онъ будилъ къ заутрени монаховъ, и чуть только замѣтитъ въ комъ либо лѣность, того потянетъ по спинѣ метлою. Здѣсь онъ умеръ и былъ погре-

бенъ въ построенной имъ церкви; тѣло его, долго оставаясь нетлѣннымъ, показывалось богомольцамъ одѣтое въ польскій кунтушъ и обутое въ огромные сафьянные сапоги. Послѣ обращенія монастыря въ православіе, это тѣло повелѣно схоронить и не показывать никому, чтобы народъ не признавалъ его святыми мощами.

Во время разсказа архимандрита, вошелъ послушникъ и попросилъ благословенія звонить къ „Дѣяніямъ“. Мы стали прощаться съ архимандритомъ. Онъ пригласилъ насъ прибыть въ полночь къ богослуженію, а послѣ литургіи—разговляться вмѣстѣ съ братіею въ трапезѣ. Въ назначенное время мы отправились въ церковь, внутри великолѣпно освѣщенную, и прослушали пасхальное богослуженіе. Напѣвъ въ почаевскомъ монастырѣ, хотя веселый, какъ вездѣ, показался мнѣ нѣсколько отличнымъ отъ того, какой я привыкъ слышать въ церквяхъ: онъ напоминалъ мнѣ слышанные въ дѣтствѣ мотивы экосеса. Церковь почаевская—одна изъ просторнѣйшихъ, какія я видѣлъ въ Россіи, и сохранила на себѣ сильные слѣды прежняго католичества. За низенькимъ иконостасомъ, сдѣланнымъ уже по присоединеніи къ православію, виднѣлся по другую сторону престола у капитальной стѣны высокій католическій иконостасъ. Во многихъ мѣстахъ въ трапезѣ у столбовъ стояли алтарики, употребляемые католиками и уніатами для тихой обѣдни и никакъ немыслимые въ православномъ храмѣ, такъ какъ они обращены были не на востокъ, и самые престолы примыкали прямо къ стѣнѣ, а вмѣсто образовъ были скульптурныя изображенія; на хорахъ оставался еще большой органъ, хотя уже не бывшій въ употребленіи. Въ храмѣ было множество сельскаго люда обоего пола въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ; все это были, какъ я узналъ, крестьяне изъ Галиціи, постоянно приходящіе сюда на праздники.

Послѣ обѣдни, вслѣдъ за архимандритомъ, мы пошли въ обширную залу съ накрытыми столами, на которыхъ разставлены были пасхальныя снѣди, но безъ мясныхъ кушаньевъ. Послѣ хороваго пѣнія „Христосъ Воскресе“, всѣ принялись разговляться и затѣмъ, тутъ-же, начался обѣдъ, не смотря на то, что солнце только что восходило. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ рыбныхъ кушаньевъ и сливочнаго крема. Я замѣтилъ, что братія, которой я насчиталъ тогда 18 человѣкъ, ничего не ѣла. Послѣ обѣда отецъ архимандритъ

пригласилъ насъ въ свою келію—и тамъ увидали мы разставленный на столѣ обильный запасъ всякихъ кушаньевъ и множество бутылокъ съ наливками и виномъ. Архимандритъ объяснилъ намъ, что у нихъ въ праздники трапеза бываетъ только для приличія, а всѣ они „утѣшаются“ по келіямъ; при этомъ онъ объяснилъ, что въ западномъ краѣ, гдѣ еще свѣжи уніатскіе и католическіе обычаи, такое нарушеніе принятыхъ въ православномъ монашествѣ обычаевъ, терпится и дозволяется, и черное духовенство позволяетъ себѣ наравнѣ съ бѣлымъ разрѣшать на мясо.

Послѣ того мы пробыли въ монастырѣ трое сутокъ, пользуясь гостепріимствомъ и радушіемъ отца архимандрита и всей братіи. Въ понедѣльникъ мы обѣдали у архимандрита въ его келіи и должны были отдать честь его повару. Монахи, которыхъ большая часть изъ уроженцевъ чисто-русскихъ губерній, зазывали насъ по одиночкѣ другъ передъ другомъ и старались угостить какъ можно обильнѣе, такъ что мы принуждены были отдѣлываться отъ ихъ любезности. Я осмотрѣлъ монастырскую библіотеку; она оказалась очень богатою старопечатными русскими книгами благочестиваго содержанія, но я не имѣлъ времени ознакомиться съ ними подробнѣе. Замѣчу, что перебирая книги, я нашелъ одну старопечатную глаголитскаго письма въ малую четверку; за неимѣніемъ при себѣ азбуки и не зная ее наизустъ, я не могъ разобрать, что это за книга: только на оберткѣ ея было написано по польски скорописью: „heretycka ksziąźka“.

Въ главной почаевской церкви показываютъ „стопку“ Божіей Матери. Изъ этой стопки сочится вода; чтобы видѣть эту стопку, надобно наклониться и вложить голову въ отверстіе находящейся въ стѣнѣ ниши, постоянно затворенное и открываемое только по желанію. По свѣдѣнію, сообщенному архимандритомъ, этой воды насочится въ день около чайной ложечки, иногда и меньше, а такъ какъ богомольцевъ приходитъ много, и много желающихъ имѣть эту воду, то „мы“, замѣчалъ архимандритъ, „впускаемъ полъ-ложечки этой чудотворной воды въ цѣлую кадь съ обыкновенною простою водою“. Преданіе говоритъ, что еще въ то время, когда не существовало монастыря въ XIII вѣкѣ, пастухи увидали на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стопка, стоящую Божію Матерь. Изображеніе исчезло, а слѣдъ ноги остался на камнѣ, и изъ него начала сочиться

вода. Монастырь построенъ на скалѣ, воды кругомъ близко нѣтъ и появленіе воды въ „стопкѣ“ признается чудомъ. Въ длинномъ корридорѣ, ведущемъ отъ главной церкви въ нижнюю теплую, нарисована на стѣнѣ исторія чудеснаго избавленія Почаева отъ турецкаго нападенія. Событіе это относятъ къ тому времени, какъ турки, помогая гетману Дорошенку, сдѣлали нашествіе на южные предѣлы Рѣчи Посполитой въ 1672 году. Монастырь въ то время былъ еще православный; игуменомъ тамъ былъ Іовъ Залізо. Турецкій паша пришелъ съ войскомъ подъ Почаевъ; множество сосѣдней шляхты убѣжало тогда въ почаевскій монастырь, рѣшаясь тамъ дать отпоръ непріятелю. Но осажденные стали терпѣть недостатокъ съѣстнаго и въ отчаяніи рѣшились сдѣлать вылазку, вступить въ бой съ врагами и погибнуть въ сѣчѣ. Отецъ Іовъ служилъ обѣдню, которая должна была быть уже послѣднею какъ для него, такъ и для его паствы. Въ ту самую минуту, когда онъ провозгласилъ: „изряднѣй о пресвятѣй, пречистѣй и преблагословенніѣй, славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи“, на крестѣ монастырскаго храма появилось изображеніе Божіей Матери. Она грозила рукою турецкому войску. Турки, по приказанію своего паши, пустили въ изображеніе ядро, но это ядро обратилось назадъ и положило многихъ турокъ. Событіе это произвело такой паническій страхъ, что все турецкое войско убѣжало, а польское, ободрившись, стало его преслѣдовать и нанесло ему пораженіе подъ Вишневцемъ. Такъ разсказывалъ архимандритъ, передавая сохранившееся преданіе. Въ такомъ-же видѣ передается это событіе въ народной пѣснѣ, которую поютъ лирники во всей южной Руси. Но изслѣдованіе г. Тарнавскаго („Кіев. Стар.“ 1883 г. дек. стр. 685) указываетъ намъ, что это анахронизмъ. Іовъ скончался 28 октября 1651 года, ста лѣтъ отъ роду, и въ 1658 году митрополитъ Діонисій Балабанъ открылъ нетлѣнныя мощи его для всенароднаго почитанія. Въ почаевскомъ монастырѣ намъ показывали яму, вырубленную въ скалѣ, куда преподобный Іовъ иногда влѣзалъ, желая предаться уединенному богомыслію.

Изъ монастырской террасы открывается живописнѣйшій видъ на Подкамень съ католическимъ монастыремъ и на разсѣянныя тамъ и сямъ села съ развалинами замковъ въ предѣлахъ Галиціи.

Посѣтивши почаевскій монастырь, мы отправились въ Вишневецъ и, наскоро осмотрѣвши тамъ у г. Мнишка богатую картинную галлерею, со множествомъ портретовъ историческихъ дѣятелей, оттуда направили путь къ Берестечку. Мы посвятили три дня на осмотръ злосчастнаго поля, гдѣ нѣкогда потерпѣла пораженіе козацкая сила. Праздничное время уже кончалось—мы возвратились въ Ровно къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Н. Костомаровъ.

КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКИХЪ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НРАВОВЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Въ 1759 г. козакъ Севастьянъ Бородуха прислалъ въ полковую черниговскую канцелярію на имя черниговскаго полковника Божича доношеніе, въ которомъ говорилъ, что родной его племянникъ, Ѳедоръ Бородуха, уклоняясь отъ козачьей службы, хочетъ принять священническій чинъ. Севастьянъ Бородуха сообщаетъ начальству о слѣдующихъ „винахъ“ своего племенника.

1) „Онъ, Ѳедоръ Бородуха, женился на поповнѣ Меланьѣ, которой исполнилось только одинадцать лѣтъ (родилась 31 декабря 1748 г., вышла замужъ 31 января 1759 г.).

2) „Она малолѣтняя жена, хотя до замужества своего лѣтъ совершенныхъ не имѣющая, еднакъ явилася свѣтовой публицѣ совершенною подозрительницею, когда въ обыкновенномъ первопублѣчномъ ложѣ своемъ малженскимъ, на актѣ своемъ весельномъ, не явилась по дѣвотству своему порядочною дѣвкою“. Да и мать ея, „удовая попадья, не вѣдомо съ кимъ, съ зятемъ своимъ, але съ кимъ другимъ, блудно и беззаконно женска полу, Елену по имени, родила дитя“.

3) „Онъ-же, Ѳедоръ Бородуха, зъ мало уживаннихъ имъ наукъ, да и то только русскаго діалекту по печатнымъ книгамъ чтенія, скорописное-же по русску почти читать и писать не умѣетъ, народъ учить о вѣрѣ и житіи вовсе неспособенъ и не годится“.

4) „Еще онъ и пьяница таковъ невоздержаный, что, многократно спивъ умъ, потолику изумляется, что люди принуждены связывать его“.

5) „Многихъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и мать свою родную, многократно безвинно ихъ бивалъ и кровавилъ", за что много расъ судился.

и 6) Отстраняется отъ службы, не смотря на то, что не имѣетъ на то права".

Севастьянъ Бородуха находитъ поведеніе своего племянника противнымъ правиламъ святыхъ отецъ и проситъ полковую канцелярію увѣдомить епископа о поведеніи Ѳедора Бородухи и послать его въ походъ, чтобы онъ послужилъ, какъ служили его предки Бородухи.

Первая просьба Севастьяна Бородухи была исполнена полковой канцеляріею. Въ духовную канцелярію черниговскаго архіепископа было послано увѣдомленіе, что Ѳедоръ Бородуха оженился непорядочно, отъ козачей службы уклоняется и въ силу всего этого въ священники не годится.

(Извлечено изъ дѣлъ архива малороссійской коллегіи, находящагося при харьковскомъ университетѣ). Н. С.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНІЕ НАЧАЛА НАШЕГО СТОЛѢТІЯ.

Сопоставляемъ ниже два документальныхъ свидѣтельства о домашнемъ воспитаніи, оба относящіяся по времени къ первой четверти нашего столѣтія, а по мѣсту—къ новороссійскому краю. Первое мѣсто принадлежитъ Александру Семеновичу Пишчевичу, краткія свѣдѣнія о коемъ сообщены въ январской книжкѣ „Кіевской Старины", и представляютъ выдержку изъ его „Дневной Записки" на 1806 годъ. Приводимыя изъ нея строки рисуютъ основанія той модной европейской муштры, которая составляла всю суть тогдашней педагогіи; авторъ „Записки" рѣзко осуждаетъ и такую систему воспитанія, и то заграничное пустозвонство, которое являлось послѣдствіемъ ея; онъ не щадитъ красокъ,—благо, въ нихъ не было недостатка, и по своимъ понятіямъ напоминаетъ Стародума,—быть можетъ, и не случайно. Второй документъ есть произведеніе пера неизвѣстнаго по имени иностранца-педагога; это—довольно своеобразное обязательство, заключающее программу занятій съ молодыми людьми. При чтеніи его не знаешь,

чему отдать предпочтеніе: убогому невѣжеству, или хвастливости захожаго просвѣтителя. Невольно приходитъ на память екатерининская старина, въ то время уже забывавшаяся въ столицахъ, воскресаютъ типы, осмѣянные Фонвизиномъ, но не вымершіе, какъ видно, и въ нашемъ столѣтіи въ сельской глуши юга Россіи. „Обязательство“ найдено нами въ семейныхъ бумагахъ Николая Ивановича Хорвата, жительствующаго въ селѣ Шамовкѣ александровскаго уѣзда; въ немъ идетъ дѣло о воспитаніи отца и дяди его; отецъ его, Иванъ Антоновичъ, родился въ 1805 году и былъ младшимъ братомъ; слѣдовательно, предлагаемый нами читателямъ документъ относится къ двадцатымъ годамъ. Разница во времени между отзывомъ Пишчевича и произведеніемъ иностраннаго педагога, не значительная впрочемъ, не мѣшаетъ ихъ взаимному сродству: одно знакомитъ насъ съ условіями воспитанія, другое съ результатами его.

Сначала приводимъ отзывъ Пишчевича.

Сказавъ о балѣ, данномъ въ зданіи херсонскаго благороднаго собранія, и о только-что входившемъ тогда въ моду вальсѣ, который показался Пишчевичу танцемъ безнравственнымъ, онъ продолжаетъ:

„Послѣ сего обозримъ, въ чемъ состоитъ вообще основаніе воспитанія нашей молодежи, разумѣется, воспитанія моднаго. Выучи сына танцовать, играть на фортепьянѣ или гитарѣ, и ежели можно, чтобы онъ могъ пѣть, то это будетъ прекрасно; говорить по французски, разумѣется — только говорить, а что говорить, до того дѣла нѣтъ; по русски писать русскому неминуемо надобно, но чтобы умѣлъ паче всего сочинять въ стихахъ пасквили на женщинъ, иногда касаться правительства; впрочемъ, дозволяется о законѣ Божіемъ стихами и прозою говорить самымъ неблагопристойнымъ образомъ, и требуется въ добавокъ не имѣть никакой вѣры и насмѣхаться надъ святостью, руководствующею человѣками, приписывая созданіе Божіе все случаю слѣпому: послѣ сего не уважать ни старости, ни достоинствъ и ставить себя выше всего; рисованіе идетъ также въ модное воспитаніе, но чтобъ оно не далѣе простиралось, какъ снимать силусты, и ежели достанетъ понятія, то не худо выучиться составлять узоры для пялецъ; симъ средствомъ молодой человѣкъ получаетъ право входить въ спальню и

другія внутреннія комнаты дома, гдѣ занимаются комнатныя дѣвки вышиваньемъ, и симъ средствомъ заключать связи для достиженія сердецъ или сихъ швей, или самой госпожи, или ея дочерей; ко всему этому въ заключеніе, если молодой человѣкъ опрятно и ловко одѣвается въ одежду, для сего же вѣка изобрѣтенную, также самую неблагопристойную, ибо всѣ части мужского тѣла не только стянуты, но выставлены наружу со всѣхъ сторонъ, и, дабы не краснѣть такимъ безстыдствомъ, то модная ческа выдумала средство закрывать глиза и все лицо кудрями головныхъ волосъ. Вотъ впрямь изображеніе молодого человѣка, хорошо воспитаннаго, котораго называютъ женщины милымъ, вертопрахи—ловкимъ, а люди съ разсудкомъ—ученымъ дуракомъ, отечеству ни на что не надобнымъ... Замѣтимъ, что и женщины нонишняго воспитанія приготовляются совсѣмъ противуположно тому, къ чему онѣ сотворены. Должность матери, должность хозяйки совсѣмъ удалены отъ воспитанія ихъ. Болтанье на французскомъ языкѣ, играніе на какомъ либо инструментѣ и пляска—суть главныя черты, которые входятъ въ модное воспитаніе; добавьте къ этому всю школу кокетства и полунагое одѣяніе и вы будетете имѣть совершенную идею о женщинахъ 19-го вѣка, вѣка просвѣщеннаго, которому-бы удивились наши предки, ежели-бы напримѣръ скромныя россіянки 17 вѣка, жившія въ своихъ теремахъ, могли встать и обозрѣть поприлѣжнѣе своихъ согражданокъ".

А вотъ обязательство иностранца—педагога.

„Обязываюсь учить слѣдующему:

По нѣмецки, по француски, по итальянски, священной исторіи, всемірной исторіи, географіи, математикѣ и политикѣ, философіи съ ея частями, натуральной исторіи и математическимъ частямъ (?), къ способности молодыхъ людей. Не льстясь легкою методою, ни основаніемъ первыхъ правилъ и нравоученія, способныхъ для обрабатыванія разума и образованія сердца молодыхъ людей, чтобъ имъ внушить добродѣтели, полезныя для общества, я буду заниматься ихъ воспитаніемъ слѣдующимъ образомъ. Глубокое раздробленіе грамматики (?), синтаксисъ, единомысленное правленіе словъ, чтобъ достигнуть хорошо понимать и переводить; порядокъ въ чтеніи, по слогу и словамъ, которые имъ будуть трудны для понятія,

и даже тѣ, которые имъ совершенно неизвѣстны въ теченіяхъ нашихъ лучшихъ сочинителей, какъ древнихъ, и нынѣшнихъ, давая имъ чувствовать силу, пылкость и тонкость мыслей и выраженій, такъ-же, какъ и значеніе словъ, и знать степени, до которыхъ наши знаменитые древніе и нонишніе писатели возвысились; точное диктованіе наукъ съ изтолкованіемъ задачей, и опытъ упражненія, способнаго къ возвышенію ихъ души и облегченію памяти. Въ протчемъ все, что будетъ въ моей власти, чтобъ образовать имъ добрыя нравы и благосконность, чтобы содѣлать ихъ почтенными".

„Обязательство" умалчиваетъ о цѣляхъ и методахъ преподаванія политики, философіи „съ ея частями", натуральной исторіи и „математическихъ частей". А жаль.

В. Ястребовъ.

РОКОВОЕ ЧТЕНІЕ ПСАЛТИРИ [1]).

(Изъ быта и нравовъ старыхъ кіевскихъ „студеевъ").

Была зима 1764 года.

Кіевъ жилъ своею старою жизнію, совсѣмъ не похожею на нынѣшнюю. Подолъ продолжалъ оставаться центромъ городской жизни. Академія, какъ и теперь, служила лучшимъ его украшеніемъ. Въ ней толпились массы учащихся различныхъ возрастовъ, званій и состояній. Ученіе производилось тамъ, гдѣ и теперь зданіе академіи; общежитіе братскихъ питомцевъ или бурса помѣщалась на берегу Днѣпра, гдѣ теперь кіево-подольское духовное училище. Академія жила одною жизнію съ народомъ, отражая въ себѣ его свѣтлыя и темныя стороны; связь ея съ обществомъ была ближайшая, непосредственная; подольскіе жители смотрѣли на нее, какъ на школу, устроенную ихъ заботами и на ихъ собственныя средства. Студенты доставляли кіевлянамъ много удовольствія своими праздничными кантами, виршами и вертепными представленіями, публичными диспутами, драмами и трагедіями; они-же служили имъ въ частной жизни—подготовкою дѣтей къ школѣ, перепискою нужныхъ бумагъ, составленіемъ просьбъ, чтеніемъ въ часы досуга, чтеніемъ псалтири надъ покойниками.

---

1) Составлено по не полному подлинному дѣлу кіево-губ. канцеляріи.

Въ то время, о которомъ говоримъ, рядомъ съ „студенческою бурсою“ были расположены лавки Гамалѣи, близъ нихъ съ одной стороны дворъ подольскаго успенскаго священника Сафоновича, съ другой дворъ магистратскаго подданнаго Никиты Воловина. На этомъ послѣднемъ было двѣ избы: въ одной помѣщался смаъ хозяинъ съ своей семьей, въ другой жилъ магистратскій служитель Сидоръ Климовъ. И самъ Климовъ былъ не старъ, а жена совсѣмъ молодая, красивая, но гулящая.

21 декабря умерло у Климовыхъ дитя; пригласили они студента Кондратія Подгорскаго читать псалтирь. Подгорскій учился въ „піитикѣ“, былъ парень подъ усомъ, видный, статный. На немъ была черкеска-юпка, а по зимнему времени, поверхъ этой обыкновенй одежи, „эпанча“, иначе „либерія“. Пришелъ онъ съ собственнымъ инструментомъ, т. е. псалтирью, и открылъ чтеніе надъ умершимъ младенцемъ.

Изба, въ которой жили Климовы, была совсѣмъ простая, а обстановка ея самая убогая: вдоль стѣнъ длинныя лавки, на „покутьѣ“ столъ, противъ оконъ у стѣны“ такъ называемый „полъ“, или дощатыя нары, замѣнявшія кровать, а рядомъ съ нимъ большая печь съ мѣстомъ для сушки зерна и лежанья, въ свою очередь замѣнявшая кровать. Въ переднемъ углу предъ большимъ столомъ стоялъ малый, прихваченный у сосѣда столъ; на немъ, на убогой подушкѣ, покоилось умершее дитя, впереди большой подсвѣчникъ, крашенный, деревянный, съ ставникомъ изъ желтаго воску, а съ боку ничѣмъ не прикрытый аналой.

У бѣдныхъ простыхъ людей тогда, какъ и теперь, никакая оказія въ домѣ,—радостная и скорбная, не обходилась безъ выпивки. Выпили хозяева и чтеца попотчивали: по тогдашнимъ обычаямъ требовалось, чтобы для чтеца была водка на готовѣ и чтобы онъ отъ времени до времени былъ ею освѣжаемъ и подкрѣпляемъ.

Днемъ и вечеромъ въ избѣ Климовыхъ толпился народъ, къ ночи изба опустѣла. Долѣе другихъ пробыли двѣ набожныя старухи; но и они, соскучившись монотоннымъ, унылымъ чтеніемъ, сунувъ, по тогдашнему обычаю, въ руку чтеца по мѣдному пятаку, побрели домой. Климовы улеглись спать: мужъ на печи, жена на „полу“. Не спалъ лишь чтецъ-студентъ; но, доканчивая *Славу* и цѣлую *Кавизму* и читая по памяти: *аллилуя, аллилуя...*, онъ тщетно

водилъ глазами по сторонамъ,—некому было приподнести освѣжающаго напитка... Не разъ въ этихъ интермедіяхъ взоръ его падалъ на хозяйку, раскидавшуюся на „полу“, но онъ гналъ отъ себя не чистые помыслы, скорѣе прежняго кончалъ *Аллилуя* и *Со святыми упокой* и снова углублялся въ лежавшую предъ нимъ книгу. Читалъ онъ твердо и протяжно: *сердце мое и плоть моя возрадовастася*... вдругъ „полъ“ заскрипѣлъ, хозяйка повернулась... У „поэты“ въ глазахъ потемнѣло, онъ машинально потянулся поправить свѣчку, но свѣчка упала и потухла. Искалъ-ли Подгорскій свою *либерію*, чтобы домой уйти, какъ послѣ объяснялъ, или прилегъ на „лавѣ“, или „полу“, никто того примѣтить не могъ: въ избѣ царили мракъ и тишина.

Вдругъ соскакиваетъ съ печи Климовъ, схватываетъ „поэту“ за волосы и съ одного размаха валитъ его на землю; за тѣмъ притащивъ его къ печи, досталъ полѣно, началъ бить имъ нещадно, стащилъ съ него, какъ увѣрялъ послѣ Подгорскій, одежу и сапоги, топталъ его ногами, билъ колѣньми въ грудь. Подгорскому удалось какъ-то вывернуться и онъ спрятался подъ „полъ“, но Климовъ роздобылъ огня (если вѣрить Подгорскому, въ избѣ хозяина, причемъ его Подгорскаго удержалъ оказавшійся у Климова какой-то неизвѣстный человѣкъ), зажегъ свѣчку, добылъ изъ-подъ печи толкачъ, „что макъ и протчее толкутъ“, и сталъ колотить студента толкачемъ. Тотъ бросился изъ избы, босой, въ одной рубахѣ, Климовъ догналъ его на дворѣ и снова сталъ бить; но тутъ вышелъ хозяинъ Воловинъ, оборонилъ студента и велѣлъ своему работнику вывести его со двора, а Климова увелъ въ избу.

Подгорскій едва добрался до бурсы и свалился безъ чувствъ. Когда потомъ, по распоряженію сотенной канцеляріи, урядникомъ Антономъ Чоколомъ произведенъ былъ осмотръ Подгорскаго, на немъ оказались „боевые знаки“ такіе: „шея опухла и на оной синій знакъ на два пальца, ухо лѣвое синее и кожа на усахъ подрана, глазами видѣть не можетъ, ибо оные весьма опухли и синіе, правое ухо, также и лице все подрано, лѣвая рука опухла, на которой знаковъ синихъ пять, и правая рука по томужъ опухла и синихъ знаковъ два, плечи опухли и на нихъ имѣется синихъ знаковъ шесть, груди, бока по томужъ опухли, лѣвое колѣно опухло-жъ,

на коемъ знаковъ малыхъ синихъ четыре, рубашка и портки въ крови и самъ онъ студентъ Подгорскій вельми болѣнъ".

Зашумѣла „бурса", узнавъ о такомъ неслыханномъ „смертномъ боѣ". Весь день шушукались „поэты, философы, богословы", ходили во дворъ Воловина, развѣдывали, соображали. Козацкая кровь кипѣла и требовала мести, столь-же жестокой. Раздавались голоса благоразумія, осторожности; но надъ всѣмъ преобладала мысль затянуть виновнаго во дворъ бурсы и тутъ отколотить. Въ теченіи дня ни къ чему не пришли.

Вечеромъ къ студенту Козачинскому, въ его академическій „чуланъ" пришли студенты Романовичъ и Ясногорскій, зашелъ также и сеніоръ Кленчинскій. Играли въ карты, а за картами первые три, обращаясь къ своему старостѣ, говорили:

— Какъ таки мы то дѣло, что студента поэту прибилъ подольскій житель, оставимъ!

Сеніоръ отвѣчалъ:

— Я того не бороню; пущай идутъ, кто охотится, по оного человѣка, а когда что сдѣлается, тогда тѣ и отвѣтствовать будутъ.

Романовичъ и Ясногорскій, получивъ согласіе сеніора, пошли „выкрикать на затягъ"; охотниковъ явилось не мало. Человѣкъ двадцать юнаковъ перерядились, какъ могли, вывернули свои бараньи шапки, подвязались платками и отправились за Климовымъ. Давно настала ночь: ворота у Воловина были на запорѣ, а на стукъ студентовъ имъ не отворили. Студенты-охотники перелѣзли черезъ заборъ, ворвались къ Климову и требовали прежде всего заграбленныхъ вещей Подгорскаго; псалтирь Климовъ успѣлъ уже пропить, „либерію" отыскали на печи. Оттрепавъ по щекамъ жену Климова, самого Климова потащили въ бурсу и здѣсь, на дворѣ, нещадно сѣкли его сперва розгами, потомъ плетьми. Главными дѣятелями въ экзекуціи были: Козачинскій, Романовичъ, Ясногорскій, Пушкаревичъ и Комаревскій; участвовали также, или-же были только свидѣтелями: Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій, Бороховскій, Краснопольскій, Бугаевскій, Наскевичъ, Грезетовскій, и Юхновскій. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ. Выбѣжалъ сеніоръ Кленчинскій и пытался прекратить дикую расправу, но Романовичъ оттолкнулъ его, дернувъ за рукавъ, а Козачинскій крикнулъ: „пойди себѣ до дябла". Окончивъ экзекуцію, Романовичъ и Козачинскій

вывели Климова со двора, но лишь пустили его изъ рукъ, какъ онъ тутъ-же упалъ. Его втащили во дворъ, чтобы продержать гдѣ-либо въ теплѣ до утра; но сеніоръ Кленчинскій рѣшительно возсталъ противъ этого и Климова снова выпроводили на улицу и пустивъ на волю Божію, заперли ворота, а Козачинскій, взлѣзши на заборъ, наблюдалъ, что станется съ жертвою ихъ экзекуціи. Климовъ постучалъ было во дворъ священника Сафоновича, но тамъ не отперли воротъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ своей квартирѣ, но упалъ и лежалъ, издавая лишь крики и стоны. Не скоро услыхалъ магистратскій сторожъ при гамалѣйницкихъ лавкахъ, но когда подошелъ къ Климову, то одинъ не могъ поднять его. Былъ уже второй часъ ночи: стоялъ морозъ и дулъ вѣтеръ. Климовъ кое-какъ разсказалъ о случившемся съ нимъ, Гребенка окликнулъ караульныхъ солдалъ и съ помощью ихъ отнесъ Климова въ магистратъ; но лишь только принесли его туда, онъ тамъ-же и Богу душу отдалъ.

На утро магистратскіе чины свидѣтельствовали трупъ Климова, въ присутствіи истребованнаго отъ академіи депутата. Оказалось, что не тодько вся спина его, начиная отъ шеи и до самыхъ ногъ, но животъ и грудь изсѣчены были такъ, что „тѣла цѣлаго ничего не видно“. Донесли кіево-губернской канцеляріи и въ тотъ-же день отъ нея предложено было архимандриту братскому Самуилу (впослѣдствіи митрополиту) произвести по этому дѣлу слѣдствіе при депутатѣ отъ Магистрата.

Не смотря на наступавшіе праздники, слѣдствіе начато было немедленно. Всѣ вышеименованные студенты были привлечены къ слѣдствію то въ качествѣ обвиняемыхъ, то въ качествѣ свидѣтелей, и всѣ почти арестованы, нѣкоторые отданы были на поруки. Первоначальные допросы не уяснили дѣла и особливо завязки онаго. Главный свидѣтель, обвиняемый и вмѣстѣ потерпѣвшій—Климовъ лежалъ уже въ землѣ; его гулящая жена, служившая основою столь ужаснаго раздора, отговаривалась, что „была пьяная и крѣпко спала, а потому и не знаетъ, подлинно-ли оной студентъ съ нею лежалъ, а слышала только отъ мужа своего“. „Поэта“ Подгорскій далъ объясненіе, которому можно было вѣрить лишь относительно причиненныхъ ему побоевъ. Всѣ прочіе студенты, не отвергая факта избіенія Климова и предварительнаго о томъ уговора, старались каждый никого въ особенности не выдавать, а себя всѣми силами

закрывать и оправдывать. До дальнѣйшихъ допросовъ и перепросовъ, до очныхъ ставокъ, до суда гражданскаго для многихъ дѣло не дошло и не могло дойти, и вотъ почему.

Еще рано утромъ 23 декабря, какъ только дошла до студентовъ о послѣдовавшей въ ту-же ночь въ магистратѣ смерти Климова, сеніоръ Кленчинскій такія рѣчи своимъ поднадзорнымъ говорилъ: „теперь, кто чуется въ семъ дѣлѣ, уходите“, и самъ, одинъ изъ первыхъ, послѣ перваго допроса, бѣжалъ. Раньше всякихъ допросовъ бѣжали Романовичъ и Ясногорскій, бѣжали Михайловскій, Бѣлецкій, Троцкій и Бороховскій, разбѣжались всѣ, кто чувствовалъ за собою вину въ причиненіи смертныхъ побоевъ Климову. Нѣкоторые изъ бѣжавшихъ скрывались въ самомъ Кіевѣ, который съ тогдашними его пустырями и лѣсами, горами и ярами представлялъ удобное мѣсто для укрывательства. Въ числѣ такихъ были Бороховскій и Козачинскій; первому удалось выбраться изъ Кіева, а послѣдній 4 генваря 1763 г. былъ пойманъ ночью на Подолѣ, куда приходилъ развѣдать о положеніи дѣла. Ему связали руки назадъ и посадили въ почтовой избѣ при магистратѣ. Пришлось Козачинскому отвѣчать за всѣхъ.

Болѣе двухъ лѣтъ тянулось это дѣло; въ теченіе этого времени, когда не розысканы были бѣжавшіе, иные привлечены къ дѣлу. Менѣе виновные отдѣлались плетьми, а относительно Козачинскаго кіево-губернскою канцеляріею было опредѣлено: „наказавъ его плетьми-же, послать въ сибирскую губернію для опредѣленія, въ какую тамъ службу годенъ явится“.

Для тогдашняго студента, способнаго вынести даже такіе „боевые знаки“, какими надѣлилъ Подгорскаго Климовъ, наказаніе плетьми было сущимъ пустякомъ, но ссылка въ Сибирь совершенно измѣняла ходъ жизни. Козачинскому было тогда 26 лѣтъ; онъ „дошелъ уже наукою до филозофіи“, когда стряслась надъ нимъ такая нежданная бѣда. Къ его счастью, у него нашелся не столько сильный ходатай, сколько „теплый предстатель“ предъ властями, двоюродный братъ, іеромонахъ кіево-печерской лавры Гимнасій. Онъ-то подалъ кіевскому генералъ-губернатору просьбу объ освобожденіи осужденнаго отъ ссылки въ Сибирь и объ „отосланіи его для до-

ученія науки въ академію по прежнему". Генералъ-губернаторъ запросилъ ректора академіи, дѣйствительно-ли Козачинскій „имѣетъ склонность къ обученію высшихъ наукъ"; ректоръ далъ благопріятный отвѣтъ, но прибавилъ, что принять Козачинскаго обратно въ академію „безъ главной команды" сдѣлать не можетъ. „Главною командою" была тогда кіевская консисторія, а она, предрасположенная, конечно, заранѣе въ пользу Козачинскаго путемъ разныхъ ходатайствъ, 30 мая опредѣлила: „буде по мнѣнію архим. Самуила принять Козачинскаго въ академію можно и въ томъ академическимъ установленіямъ никакой противности не усмотрится, то и принять". Кіево-губернская канцелярія въ свою очередь разсуждала, что хотя Козачинскій принималъ дѣятельное участіе въ истязаніи Климова, но не имѣлъ при томъ намѣренія убить его до смерти, а только хотѣлъ отмстить за своего товарища,—что всѣ виновные въ этомъ дѣлѣ разбѣжались, что Климовъ былъ въ то время очень пьянъ и смерть его могла послѣдовать не только отъ побоевъ, но также отъ пьянства и сильнаго мороза, на которомъ онъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ, наконецъ, что Козачинскій молодъ, „имѣетъ склонность къ философической и другихъ высшихъ наукъ и по совершеніи оныхъ можетъ принять духовенство", а потому постановила отъ ссылки въ Сибирь и изъ-подъ караула его освободить, для опредѣленія по прежнему въ академію.

15 іюня 1765 г. Козачинскій освобожденъ изъ заключенія. Тѣмъ и кончилось это характерное для того времени и нравовъ „спудеевъ" дѣло. Дальнѣйшая участь Козачинскаго неизвѣстна. Его соучастники, какъ мы знаемъ, бѣжали. Куда?—Бродяжничество, скитальчество, стоическая борьба съ жизнію, самыя отчаянныя попытки пристроиться гдѣ нибудь, какъ нибудь, вообще жизнь полная приключеній была обыкновеннымъ удѣломъ тѣхъ, кто разъ выбиваемъ былъ изъ ея колеи какимъ либо несчастнымъ случаемъ. Запорожье и монастырь, пользовавшіеся самымъ широкимъ правомъ убѣжища, были найболѣе частыми пріютами для такихъ буйныхъ, но несчастныхъ головъ, и они принимали ихъ съ любовію, не касаясь того, что случилось въ прежней ихъ жизни.

Кс. Цыбульскій.

ПАВЕЛЪ ПЛАТОНОВИЧЪ ЧУБИНСКІЙ

(род. 15 янв. 1839 г., ум. 14 янв. 1884 г.).

14 января сего года скончался въ Кіевѣ послѣ тяжкой и очень продолжительной болѣзни *Павелъ Платоновичъ Чубинскій*. Имя покойнаго было извѣстно всей интелигентной Россіи, но найбольшею извѣстностію онъ пользовался въ юго-западномъ краѣ. Извѣстность эту онъ пріобрѣлъ своими трудами на разныхъ поприщахъ дѣятельности, но въ особенности трудами по части этнографіи и статистики.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій уроженецъ Малороссіи. Онъ родился въ мѣстечкѣ Баришполѣ переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи, 15 января 1839 года. Родители его принадлежали къ небогатымъ дворянамъ.

Воспитаніе онъ получилъ во 2-й кіевской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ петербургскій университетъ. Здѣсь онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ въ 1861 г. и по экзамену удостоенъ степени кандидата.

Время окончанія имъ университетскаго курса было временемъ самаго сильнаго движенія среди различныхъ общественныхъ сферъ. Въ это время послѣдовало освобожденіе крестьянъ. Идеи народолюбія и народоизученія были въ своемъ зенитѣ. Пылкая и горячая натура, Павелъ Платоновичъ всецѣло отдался служенію господствовавшимъ въ то время идеямъ. Тогда-то положено было начало будущихъ полезныхъ и важныхъ его трудовъ. Но въ это-же время, въ ранней еще молодости, постигъ его и первый ударъ судьбы.

По окончаніи университетскаго курса, Павелъ Платоновичъ около года провелъ въ Малороссіи, проживая то Баришполѣ, то въ Кіевѣ. Въ концѣ 1862 г. онъ долженъ былъ оставить родину и переселиться въ Архангельскъ. Здѣсь онъ скоро поступаетъ на государственную службу, съ начала 1863 г. по 11 марта 1869 года, въ теченіи шести лѣтъ, проходитъ самыя разнообразныя должности, какъ-то: слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора Губернскихъ Вѣдомостей и начальника газетнаго стола, младшаго и потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія. Всѣ эти должности онъ занималъ попеременно, то оставляя ихъ, то опять

занимая, за исключеніемъ должности секретаря архангельскаго статистическаго комитета, которую онъ несъ съ 12 октября 1863 г. по день своего увольненія отъ службы, 11-го марта 1869 г., и перехода на другое поприще дѣятельности.

Его труды по этой должности положили основаніе его извѣстности, выдвинули его на болѣе широкое поприще изученія отечественной этнографіи и статистики и обратили на него особенное вниманіе ученыхъ обществъ. Въ этотъ періодъ своей жизни Чубинскій избранъ былъ: членомъ-корреспондентомъ императорскаго москорскаго общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ императорскаго вольно-экономическаго общества, членомъ сотрудникомъ императорскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Къ этому-же времени относится награжденіе его первою серебряною медалью, которая присуждена ему была императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ, *въ изъявленіе особой признательности за полезные его труды, сообщенные обществу.*

Оставаясь еще на службѣ въ администраціи архангельской губерніи, онъ получилъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ двухъ императорскихъ обществъ, русскаго географическаго и вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Сѣверо-Двинскомъ бассейнѣ, и съ 10 апрѣля по 10 октярбя 1867 года объѣхалъ семь губерній: архангельскую, вологодскую, олонецкую, новгородскую, костромскую, вятскую и пермскую. Добытые имъ матеріалы онъ обработалъ и представилъ географическому и вольно-экономическому обществамъ, отъ имени и на средства которыхъ они были отпечатаны наряду съ работами изслѣдователей другихъ бассейновъ. Около этого-же времени онъ участвовалъ въ работахъ коммисіи для изслѣдованій печорскаго края, учрежденной съ высочайшаго соизволенія, министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ начальникомъ архангельской губерніи.

Успѣшное выполненіе покойнымъ порученнаго ему изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности Сѣверо-Двинскаго бассейна еще болѣе установило за нимъ репутацію опытнаго, дѣльнаго и исполнительнаго изслѣдователя по части статистики и этно-

графіи. Императорское русское географическое общество, которое еще со времени возстанія 1863 г. задумало предпринять изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, остановило свое вниманіе на покойномъ, какъ на одномъ изъ лицъ, которымъ можетъ быть поручено это дѣло. Заручившись предложеніемъ общества, Павелъ Платоновичъ 11 марта 1869 г. вышелъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе на свободное проживательство какъ въ столицахъ, такъ и въ юго-западномъ краѣ. 27 марта того-же года онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго географическаго общества, которое 16 мая возложило на него, *съ высочайшаго соизволенія*, экспедицію въ юго-западный край для этнографическо-статистическихъ изслѣдованій. Покойный скоро доказалъ своими трудами, какъ удаченъ былъ этотъ выборъ.

Между тѣмъ и прежніе его труды нашли новую оцѣнку: въ апрѣлѣ 1869 г. его высочество, великій князь Алексій Александровичъ изволилъ пожаловать ему бриллiантовый перстень въ знакъ признательности за сообщенныя имъ разнородныя свѣдѣнія о сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, а въ генварѣ 1870 г. совѣтомъ императорскаго географическаго общества онъ награжденъ былъ во второй разъ серебряною медалью за изданное имъ сочиненіе: *„очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи“*. Это юношескій его трудъ, написанный имъ для полученія степени кандидата, въ 1870 г. вновь пересмотрѣнный и дополненный.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій совершилъ возложенную на него экспедицію въ юго-западный край, можно сказать, съ блестящимъ успѣхомъ и въ короткое сравнительно время. По плану географическаго общества экспедиція должна была обнять три губерніи: кіевскую, волынскую и подольскую. Нашъ изслѣдователь простеръ свои изысканія, кромѣ того, и на части губерній: минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малороссійскимъ народомъ. 1869 и 1870 годы онъ провелъ въ путешествіи и поѣздкахъ, совершивъ ихъ въ три пріема. По нѣкоторымъ отраслямъ изслѣдованія онъ воспользовался прежде составленными программами, какъ напримѣръ обще-этнографическою программою географическаго общества, по другимъ составилъ самъ, или чрезъ другихъ, и обнародовалъ ихъ или въ Губернскихъ Вѣ-

домостяхъ, или отдѣльнымъ изданіемъ, разославъ послѣднія въ количествѣ 500 экземпляровъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ. Обладая замѣчательнымъ даромъ возбуждать другихъ къ работѣ, онъ привлекъ къ выполненію порученнаго имъ предпріятія многихъ лицъ, которыя оказали ему свое содѣйствіе собраніемъ матеріаловъ и присылкою уже готовыхъ и частію ихъ обработкою. Подъ непосредственнымъ его руководствомъ работали пятеро молодыхъ людей, которые выполняли работы по его плану и задачѣ. Плоды его трудовъ и энергіи скоро обнаружились. „Результаты трудовъ г. Чубинскаго, сказано въ запискѣ коммисіи по снаряженію этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, начали поступать въ географическое общество съ половины 1870 г.“, то есть спустя съ небольшимъ годъ послѣ снаряженія экспедиціи. Въ 1872 г. уже появились въ печати четыре части трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, собранные и составленные нашимъ изслѣдователемъ. Остальныя пять частей были напечатаны въ 1877 и 1878 гг. Эти труды изданы на счетъ русскаго географическаго общества, нѣкоторые подъ редакціею Н. И. Костомарова, другіе—П. А. Гильдебрандта.

Русское географическое общество оцѣнило заслуги покойнаго: въ 1873 г. оно присудило ему золотую медаль *за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію*, а въ 1877 г. приняло на себя ходатайство о зачисленіи ему въ государственную службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и работамъ съ нею сопряженнымъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края“, и ходатайство общества увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

За свои труды по этнографіи и статистикѣ Чубинскій, кромѣ того, получилъ въ 1875 г. золотую медаль 2-го класса, по опредѣленію совѣта международнаго конгресса въ Парижѣ, а въ 1879 г.

уваровскую премію, по опредѣленію академіи наукъ,—собственно за трудъ экспедиціи въ юго-западномъ краѣ.

Столь лестно оцѣниваемые труды Чубинскаго въ матеріальномъ отношеніи не давали ему того, что требовалось для жизни, и онъ долженъ былъ дѣлить время между трудами по экспедиціи и частными занятіями, принявъ мѣсто члена управленія въ одномъ частномъ предпріятіи; но въ это-же время онъ принималъ участіе и въ общественной дѣятельности на пользу науки. Къ этой послѣдней относятся его труды по должности секретаря кіевскаго отдѣленія императорскаго техническаго общества, секретаря и вице-предсѣдателя южно-русскаго отдѣла географическаго общества и одного изъ главныхъ дѣятелей по совершенію однодневной переписи г. Кіева въ 1873 г. Въ этотъ-же періодъ онъ издалъ свои труды относящіеся къ свекло-сахарной промышленности подъ заглавіемъ: *Свекло-сахарные заводы россійской имперіи съ офиціальными статистическими о нихъ данными за компанію 1871—1872 г. Кіевъ. 1873 г.* Второй выпускъ изданъ былъ за 1873, 1874 и 1875 г. Въ 1876 г. имъ первымъ составлена и издана была карта свекло-сахарной промышленности. Эти работы покойнаго Чубинскаго послужили образцомъ для позднѣйшихъ трудовъ другихъ, работающихъ на этомъ поприщѣ.

Къ 1876 г. личныя его дѣла пришли въ нѣкоторое колебательное положеніе, и это не могло не имѣть тяжелаго вліянія на его здоровье. Онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь въ началѣ 1877 г. поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія. Окруженный людьми, къ нему дружественными, пользуясь покровительствомъ своего главнаго начальника, адмирала Посьета, о которомъ онъ не могъ говорить безъ слезъ благодарности, Чубинскій скоро занялъ видное мѣсто въ числѣ дѣлопроизводителей департамента общихъ дѣлъ сего министерства. Ему поручено было дѣло основанія, разширенія и организаціи желѣзнодорожныхъ училищъ. Въ это время онъ также занятъ былъ вопросомъ объ учрежденіи пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Но дѣятельность его въ этой службѣ была послѣднею въ его жизни. Не смотря на то, что служба его пошла отлично, что его достойно оцѣнили, удары судьбы, предъ тѣмъ его постигшіе, глубоко потрясли его организмъ. Кажется, что болѣзнь его дала ему первое предостереженіе еще предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ: но тамъ поразилъ

его ударъ, который заставилъ его выйдти въ отставку. Вступивъ въ службу въ апрѣлѣ 1877 г., онъ вышелъ въ отставку въ томъ-же мѣсяцѣ 1879 г.

Возвратившись на родину, онъ сначала жилъ въ своемъ хуторѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Въ 1880 г. съ нимъ случился новый припадокъ болѣзни, который уложилъ его на одръ болѣзни; въ такомъ положеніи Чубинскій прожилъ четыре года, пока благодѣтельная въ этомъ случаѣ смерть не прекратила его страданій.

Смотря на умственный и нравственный обликъ покойнаго, обозрѣвая его дѣятельность на разныхъ поприщахъ и въ разныхъ положеніяхъ, нельзя не признать того, что покойный одаренъ былъ отличными дарованіями, замѣчательною энергіею и неусыпнымъ трудолюбіемъ.

Онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова и по временамъ обнаруживалъ признаки истиннаго краснорѣчія. Онъ не лишенъ былъ поэтическаго дара, или по крайней мѣрѣ настроенія. Поэзію свою онъ напечаталъ въ 1869 г. подъ заглавіемъ: „*Сопілка*“ Павлуся. Одно изъ неизданныхъ имъ стихотвореній такъ характерно и оригинально, что галицкіе русины почли оное за произведеніе Шевченка и помѣстили въ полномъ собраніи сочиненій малорусскаго поэта. Знатокъ народной жизни, покойный едва-ли не первый въ новѣйшее время обратилъ вниманіе на обычное право, написавъ еще въ 1862 г. сочиненіе по обычному праву Малороссіи. Достоинство и важность его трудовъ по статистикѣ и этнографіи всѣми признана: его изслѣдованія и собранные имъ матеріалы по этимъ отраслямъ вѣдѣнія останутся цѣннымъ и неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго будетъ черпать наука будущихъ поколѣній. Покойный одаренъ былъ замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ для выполненія научныхъ работъ, изслѣдованій и полезныхъ предпріятій. Воодушевить другихъ на трудъ, сгруппировать вокругъ себя работниковъ, заставить каждаго выполнить свою часть работы— это было его призваніе и это онъ доказалъ, между прочимъ, блестящимъ выполненіемъ экспедиціи въ юго-западный край.

П. Пл. Чубинскій отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотливый—онъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не безъ малороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда по наружности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ.

Не это-ли доставило ему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это былъ умъ практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ не имѣлъ большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и это доказалъ выполненіемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ ему отпущенныхъ, тратилъ и свои. Еслибы не правительственная пенсія, которою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ его трудовъ, болѣзнь постигла-бы его въ тяжкомъ экономическомъ положеніи и семья его осталась-бы вполнѣ необезпеченною. Покойникъ претерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были общественнаго, а не личнаго свойства. Лучшею его характеристикою и такъ сказать оправданіемъ его памяти могутъ служить слѣдующія строки одного изъ его писемъ: „7 лѣтъ я трудился на сѣверѣ для русской науки и правительства. Не стану перечислять моихъ трудовъ, но они показали, насколько я интересовался населеніемъ великорусскаго и финскаго племенъ. Помимо этнографіи, я коснулся всѣхъ отраслей экономическаго быта народа и мои замѣтки по этимъ вопросамъ послужили предметомъ многихъ представленій гг. губернаторовъ; мнѣ даже до этихъ поръ случается встрѣчать въ газетахъ правительственныя распоряженія, вызванныя давними представленіями, которыя возникли по моей иниціативѣ. Я работалъ на сѣверѣ безъ устали и доказалъ мою любовь русскому народу“.

Какъ ни тяжка преждевременная смерть талантливаго человѣка, но она несетъ съ собою нѣчто умиротворяющее, нѣчто просвѣтительное и для вражды и для дружбы, мгновенно отодвигая образъ умершаго на такое разстояніе, на которомъ онъ является очищеннымъ отъ всякихъ примѣсей ежедневной суеты и людскихъ слабостей и становится болѣе дорогимъ дружескому сердцу.

А. Ѳ. Кистяковскій.

„ТРУДЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ“ ЧУБИНСКАГО ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДРУГИМИ ПОДОБНЫМИ.

Къ свѣжей памяти недавно скончавшагося нашего этнографа и статистика прибавимъ нѣсколько словъ о сравнительномъ значеніи названнаго нами капитальнѣйшаго его труда.

„Труды этнографическо-статистической экспедиціи“ Чубинскаго, по богатству данныхъ, могутъ быть поставлены въ параллель только съ двумя памятниками европейской этнографической литературы: „Lud polski“ Кольберга и „Bibliotheca della tradizioni popolari“ Питрэ. Касательно мѣстной, южно-русской этнографіи труду Чубинскаго придаетъ особенную цѣнность то обстоятельство, что, кромѣ сборника пѣсень, во всѣхъ остальныхъ томахъ изданія собиратель явился, можно сказать, новаторомъ.

Матеріалы, касающіеся народныхъ представленій и вѣрованій, относящихся къ міру внѣшнему, къ человѣку и къ міру духовному, до появленія перваго тома „Трудовъ“ составляли достояніе захудалыхъ провинціальныхъ изданій, появляясь въ нихъ изрѣдка, безъ системы и совершенно случайно. „Народный Дневникъ“ (2-й томъ „Трудовъ“), сводъ народныхъ вѣрованій, пріуроченныхъ къ годовому религіозному и рабочему народному обиходу—оставилъ за собой далеко отдѣльныя и не полныя изслѣдованія и замѣчанія М. Максимовича и Маркевича. Томъ III—„Сказки“ содержитъ въ себѣ 296 номеровъ, великорусскій сборникъ Аѳанасьева заключаетъ—251 № и варіанты, сборникъ Рудченка—137. До появленія сборника Чубинскаго всѣхъ народныхъ малорусскихъ сказокъ съ варіантами было напечатано до 170. Въ его изданіи однихъ сказокъ съ миѳическимъ характеромъ 146. Всѣ сказки его сборника появились въ первый разъ. Въ томѣ IV отдѣлу *свадьбы* посвящено 500 страницъ. Кромѣ общаго описанія, сведеннаго изъ массы наблюденій, помѣщено еще описаніе тринадцати частныхъ обрядовъ, представляющихъ отличія. Сюда вошло 1943 свадебныхъ пѣсни и пѣсенныхъ отрывковъ. Бытовыхъ пѣсенъ, составляющихъ пятый томъ, напечатано 1884 на 1209 страницахъ. Такого числа нѣтъ ни въ одномъ изъ малорусскихъ сборниковъ, хотя всѣ они, кромѣ бытовыхъ пѣсенъ, содержатъ въ себѣ пѣсни обрядныя и нерѣдко историческія. Собраніе матеріаловъ по народнымъ юридическимъ обычаямъ (т. VI) до сихъ поръ является единственнымъ, что въ значительной степени можно сказать и о собраніи этнографическо-статистическихъ данныхъ о малороссахъ юго-западнаго края: (т. VII) ихъ численности, жилищѣ, утвари, орудіяхъ, одеждѣ, пищѣ и бытовой обстановкѣ вообще и о матеріалахъ для изученія нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ южной Руси и экономическихъ данныхъ о положеніи малорусскаго крестьянства.

„Передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны-бы опуститься стыдливо“, говоритъ академикъ Н. Веселовскій въ своей рецензіи сборниковъ Чубинскаго, найдя въ „трудѣ потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала лишь отдѣльныя недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія“.

В. Г.

НЕ УЗНАННАЯ РУКОПИСЬ.

(по поводу статьи: „Василій Леонтьевичъ Кочубей въ разсказѣ его современника 1708 г.“, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1883 года).

Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ за минувшій годъ помѣщена въ переложеніи на современный языкъ записка о Кочубеѣ и Искрѣ, составленная современникомъ ихъ, священникомъ села Диканьки въ 1708 году.

Переложившій эту записку на современный языкъ и сообщившій ее редакціи „Русской Старины“ священникъ села Жуковъ, Василій Курдиновскій заявляетъ, что разсказъ современника о Василіѣ Кочубеѣ переданъ ему княземъ Сергѣемъ Викторовичемъ Кочубеемъ изъ его архива и относится къ 1748 году, а имъ переложенъ на современную рѣчь.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что ни князь Кочубей, ни священникъ Курдиновскій, не занимаясь исторіей Малой Россіи, не имѣли точныхъ свѣдѣній объ означенной рукописи и найдя ее, видѣли, быть можетъ, въ ней открытіе, почему и поспѣшили передать ее для напечатанія въ „Русской Старинѣ“; но то удивительно, что прежняя судьба рукописи проскользнула мимо вниманія почтенной редакціи „Русской Старины“, имѣющей въ числѣ своихъ сотрудниковъ извѣстнаго историка Малой Россіи Костомарова. Какъ оказывается, упомянутая выше записка, въ подлинникѣ и переложеніи, въ полномъ и не полномъ видѣ, подвергается тисненію уже пятый разъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году издана послѣдняя монографія Н. И. Костомарова о Мазепѣ, сперва печатавшаяся въ „Русской Мысли“; и тамъ эта записка почти цѣликомъ помѣщена, съ тою лишь разницею, что переложеніе сдѣлано

правильно. Но гораздо раньше сего разсказъ о Кочубеѣ, какъ онъ названъ въ „Русской Старинѣ“, или записка диканьскаго священника, впервые была напечатана въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 года, № 35; туда сообщена она мною, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и озаглавлена: „Отрывокъ старинной рукописи о Кочубеѣ и Искрѣ“.

Въ 1858 г. въ № 19 „Черниговскихъ Вѣдомостей“ я помѣстилъ объ этой рукописи статью, въ которой заявилъ, что это та рукопись диканьскаго священника, на которую ссылается въ своей Исторіи Бантышъ-Каменскій, и что она у меня, въ числѣ бумагъ моей бабушки, Александры Павловны Милорадовичъ, рожденной Кочубей, которая была правнучка Василія Леонтіевича Кочубея [1]). Послѣ этого записка диканьскаго священника была напечатана въ 1859 г. въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ“ при московскомъ университетѣ и въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: „Источники для исторіи Малой Россіи, собранные Бантышъ-Каменскимъ и изданные О. М. Бодянскимъ“.

Разница текста записки, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“, отъ помѣщеннаго въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, кромѣ переложенія, состоитъ еще въ томъ, что священникъ Курдиновскій не помѣстилъ въ концѣ разсказа тропаря, сочиненнаго диканьскимъ священникомъ въ честь мучениковъ и страстотерпцевъ Кочубея и Искры.

Что записка современника Кочубея лишній разъ напечатана, въ томъ грѣха, конечно, никакого; но о томъ, когда и гдѣ она раньше была напечатана, слѣдовало сказать.

Кіевъ. 13 января 1884 г. **Графъ Милорадовичъ.**

НАСЕЛЕНІЕ КІЕВА ВЪ ПРОШЛОМЪ СТОЛѢТІИ.

Въ Полномъ Собраніи законовъ россійской имперіи [2]) находимъ любопытныя данныя относительно населенія Кіева въ прошломъ

[1]) Вас. Леонт. Кочубей † 1708 г., сынъ его Василій, полк. полт., внукъ его Павелъ Вас., стат. сов. † 1780 г., правнучка Алекс. Павл. Милорадовичъ † 1838 г., внукъ ея графъ Григорій Милорадовичъ.

[2]) №№ 18,336 и 19,214.

столѣтіи, которыя небезъинтересно припомнить теперь, въ виду послѣдовавшихъ значительныхъ перемѣнъ въ соотношеніяхъ и числѣ общественныхъ и національныхъ группъ населенія въ Кіевѣ.

Въ 1798 года 22 января высочайшей резолюціей на докладѣ сената повелѣно: сборъ съ купцовъ г. Кіева складочныхъ денегъ, а съ мѣщанъ рекруть не чинить съ того числа, каковое оно было въ 1762 году, когда жалованною государемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ грамотою они отъ службы уволены. Въ привиллегіи этой значилось: „въ обозъ не ходить, а въ городѣ себя оберегать"; привиллегія эта подтверждена потомъ въ 1700, 1730, 1743 и 1764 годахъ, т. е. въ каждое царствованіе отъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Тоже подтверждено и указомъ императора Павла Петровича, послѣдовавшимъ въ 16 день сентября 1797 года, коимъ возобновлены и утверждены прежнія права и преимущества общества гражданъ кіевскихъ. Но для выполненія высочайшаго повелѣнія 22 января 1798 г., потребовалось сенату знать, сколько было въ XVII вѣкѣ, именно въ 1652 г., купцовъ и мѣщанъ г. Кіева.

Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ кіевскій губернаторъ Милашевичъ донесъ: сколько въ 1652 году было въ Кіевѣ мѣщанъ, не отыскалось никакихъ переписей ни въ городовомъ магистратѣ, ни въ старомъ архивѣ, оставшемся отъ бывшей въ Кіевѣ губернской канцеляріи, такъ какъ всѣ бывшія дѣла въ 1718 году погорѣли во время бывшаго пожара. Затѣмъ въ 1727 году показано 1914 дворовъ, въ 1731—1726 дворовъ. Нынѣ же, въ 1798 году, состоитъ дворовъ въ г. Кіевѣ и на предмѣстьяхъ Плоскомъ, Куреневкѣ, Пріоркѣ и Сырцѣ—купеческихъ 210, мѣщанскихъ 2,315. Счисленія по душамъ прежде не было, а началось оно съ 1763 г., въ которомъ показано въ Кіевѣ съ предмѣстьями 6,485 дворовъ, по ревизіи 1784 г.—6,034 души, въ томъ числѣ купцовъ 334 и мѣщанъ 4,566 душъ.

Въ 1685 году въ Кіево-подолѣ было 2,625 дворовъ, какъ оказалось въ книгѣ прихода за сей 1685 годъ, найденной въ архивѣ кіевскаго магистрата между старыми дѣлами. А по вѣдомостямъ, вытребованнымъ изъ магистрата, оказывается по 1-й вѣдомости, что въ ревизію 1782 года поступило изъ старыхъ мѣщанъ 167. Послѣ сей ревизіи изъ иностранныхъ и польскихъ выходцевъ 37, изъ

великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ мѣщанъ 51; изъ казенныхъ крестьянъ, отпущенныхъ помѣщиками на волю 26. 2-й вѣдомости, что изъ старыхъ мѣщанъ по ревизіи 1782 года состояло 6,034, отъ коихъ, за исключеніемъ выбылыхъ въ купцы и разными случаями, до ревизіи 1795 года осталось въ мѣщанствѣ съ родившимися послѣ 1-й ревизіи 3,593. Пропущенныхъ въ первую 1782 года ревизію 22. Изъ польскихъ выходцевъ, изъ мѣщанства и другихъ городовъ, изъ казенныхъ крестьянъ и отпущенныхъ на волю людей и козаковъ 875. Да послѣ сей ревизіи въ сіе мѣсто поступило изъ мѣщанъ другихъ городовъ 20, изъ казенныхъ крестьянъ и польскихъ выходцевъ—56, итого 4,566, а всего купцовъ и мѣщанъ нынѣ состоитъ 4,900, въ томъ числѣ мѣщанъ христіанскаго закона 4,490, еврейскаго 94, да купцовъ христіанскаго закона 281.

П. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о подпискѣ на 1884 годъ на слѣдующіе журналы и газеты.

„Русскій Сатирическій Листокъ“.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ.

Съ раскрашенными рисунками и каррикатурами русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Программа журнала: I. *Сатирическая хроника человѣческой жизни и ея явленій.* II. *Сатирическая литература.* III. *Московскій листокъ.* IV. *Петербургскій листокъ.* V. *Сатирическое обозрѣніе изящныхъ искусствъ.* VI. *Сатирическая критика русской журналистики и литературы вообще.* VII. *Обозрѣніе иностранной сатирической журналистики и литературы.* VIII. *Корреспонденціи и сообщенія.* IX. *Смѣсь.* X. *Сатирическіе и юмористическіе рисунки и каррикатуры русскихъ и иностранныхъ художниковъ.* XI. *Объявленія.*

Съ первыхъ №№ 1884 года „Русскій Сатирическій Листокъ“ будетъ печатать оригинальный „разсказъ въ рисункахъ“ подъ названіемъ **„Русскій Донъ-Кихотъ“**, состоящій изъ ста фоновыхъ картинъ. Текстъ журнала и количество рисунковъ будутъ значительно увеличены. Всѣ рисунки, помѣщаемые въ „Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ“, составляютъ собственность редакціи и перепечатывать ихъ въ другихъ изданіяхъ не дозволяется. „Русскій Сатирическій Листокъ“ выходитъ по субботамъ и въ тотъ же день сдается на почту. Редакція отвѣтственна за аккуратную высылку журнала. Подписная цѣна „Русскаго Сатирическаго Листка“: *на годъ* съ пересылкою во всѣ города Россіи 8 рублей, *на полгода* 5 руб.; съ доставкою въ Москвѣ: *на годъ* 7 рублей, *на полгода* 4 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: Москва, близъ Плющихи, Малый Трубный переулокъ, собственный домъ редакціи, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и С.-Петербурга.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Полушинъ.**

„ВѢКЪ“

(ГОДЪ ТРЕТІЙ.)

„ВѢКЪ“ будетъ издаваться въ будущемъ 1884 мъ году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе два года.

Подписная цѣна за 12-ть книгъ въ годъ, съ портретами выдающихся дѣятелей: 16 руб. съ пересылкою; съ доставкою въ С.-Петербургѣ—15 руб. Полгода—8 руб. Съ Январьской книги журнала будутъ печататься: «Искалѣченный» —романъ В. Никитина. «Аракчеевщина»,—историческій романъ, въ 4-хъ частяхъ, М. А. Филиппова. «Ужасная ночь», разсказъ Г. Богрова. «Эпизодъ изъ жизни Богдана Хмѣльницкаго» —В. И. Любича-Романовича. «Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова,» приведенныя въ порядокъ бывшимъ московскимъ Генералъ-Губернаторомъ П. А. Тучковымъ. «Маркизъ-де Сенъ-Вальѣ» (le roi s'amuse) Виктора Гюго, переводъ риѳмованными стихами Н. Веригина. «Птица небесная» —повѣсть К. Фофанова. «Каждому свое», изъ воспоминаній К. Градовскаго. Кромѣ того будутъ помѣщены: Повѣсть С. Долгиной, бытовые и историческіе разсказы: А Шардина, Козьмы Пруткова и Н. Шарченко. Драма А. Берсеньева. Научныя статьи: «Наши новые беллетристы», «Значеніе Сатиры», «И. С. Тургеневъ и Л. Толстой», «Изъ исторіи русскаго просвѣщенія». «Эволюціонная теорія». Для иностраннаго отдѣла имѣются романы—съ шведскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго, лучшихъ современныхъ писателей, и многія другія статьи.

Кромѣ этого, редакція будетъ печатать въ теченіи 1884 года:

1) Никогда не изданныя два письма Гоголя, по поводу нападокъ на него за отпечатаніе имъ «писемъ его къ друзьямъ».

2) Письма графа Сперанскаго, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, Ал. Скарлатовича-Стурдзы, Павскаго, Бодянскаго, Погодина, барона Корфа, Снегирева, Сахарова, Максимовича, В. Б. Богданова, Кочетова, двухъ Повицкихъ, О. Михнѣвича, Ан. Н. Муравьева и многихъ другихъ дѣятелей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ къ знаменитому проповѣднику писателю и ученому архіепископу Иннокентію.

Примѣчаніе. Эти драгоцѣнные документы предназначены для Спб. Императорской публичной библіотеки.

3) Посмертные труды и переписка Н. А. Муравьева (автора „Путешествія къ св. мѣстамъ").

Главная контора въ С.-Петербургѣ у Обухова моста, по Фонтанкѣ, д. 93, кв. 16.

Издатель-редакторъ **М. А. Филипповъ.**

Съ 1-го января 1884 года въ Тифлисѣ будетъ издаваться новая ежедневная (350 нумеровъ въ годъ) литературно-политическая газета

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

подъ редакціею А. В. СТЕПАНОВА (бывш. редакторъ «Юридич. Обозр.»).

Объемъ газеты—печатный листъ средняго формата; программа—общая всѣмъ литературно-политическимъ ежедневнымъ изданіямъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою: на годъ—**10** руб.; на **6** мѣс.—**6** р., на **3** мѣс.—**3** р. **50** к., на **1** мѣс.—**1** р. **50** к.

Подписка (городская и иногородная) и объявленія (по 5 коп. за *строку петита*) принимаются *въ Тифлисѣ* исключительно *въ Газетномъ Агентствѣ В. Шавердова;* въ *С.-Петербургѣ-же и Москвѣ*—въ книжныхъ магазинахъ **«Новаго Времени»**.

Временное (до 15-го декабря) помѣщеніе редакціи: Давидовская ул., д. Каанова, квартира редактора.

За газетой обезпечено постоянное сотрудничество: *кн. К. А. Бебутова, Вс. М. Гаршина, П. А. Измайлова, С. Н. Кривенко, Н. Я. Николадзе, П. А. Опочинина, А. И. Плещеева, И. Ф. Тхоржевскаго, Гл. И. Успенскаго, Н. А. Шаврова.*

ОТЪ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1884 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двѣнадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммисіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С. Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Редакція.

„Николаевскій Листокъ Объявленій“

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГАММѢ:

1) Распоряженія Правительства и мѣстныхъ властей.

2) Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства.

3) Мѣстная хроника общественной жизни. Рефераты общественныхъ и сословныхъ учрежденій. Письма и статьи касающіяся торговли, статистики и т. п.

4) Судебная хроника.

5) Театръ и музыка.

6) Мѣстныя экономическія и торговыя свѣдѣнія. Курсы, биржа.

7) Объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставскою: на годъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—4 руб., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Плата за объявленія: на 1-й страницѣ—1 руб. 80 коп. за вершокъ столбца; на послѣдней страницѣ—въ первый разъ 90 коп. и въ послѣдующіе разы по 60 коп. отъ вершка.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Николаевѣ Херс. губ. въ конторѣ редакціи, на углу Соборной и Спасской улицъ, д. Сакисяни.

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ"

(50 № № въ годъ).

Условія подписки:

За годъ	6 р.	— к.
За первое полугодіе	4 „	— „
За второе полугодіе	3 „	— „
За Январь, Февраль и Мартъ	2 „	25 „
За Апрѣль, Май и Іюнь	2 „	— „
За Іюль, Августъ и Сентябрь	1 „	75 „
За Октябрь, Ноябрь и Декабрь	1 „	50 „

Помѣсячно:

За Январь	1 „	— „
За Февраль	„	80 „
За остальные мѣсяцы, за каждый мѣсяцъ	— „	75 „

Годовые подписчики получатъ литературный сборникъ, который будетъ вскорѣ изданъ редакціей „Екат. Недѣли."

Редакція имѣетъ въ виду возобновить ходатайство объ изданіи газеты 3 раза въ недѣлю, безъ увеличенія цѣны изданія.

Редакторъ-издатель *П. Штейнфельдъ.*

Въ 1884 году открыта подписка на

„ПСКОВСКІЙ ГОГОДСКОЙ ЛИСТОКЪ",

Политическо-общественную газету, выходящую два раза въ недѣлю.

Цѣна съ пересылкою: на годъ 4 р. 50 к., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 2 рубля.

„СВѢТЪ“

выходящую ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ обыкновеннаго листа.

Начавъ издаваться съ 1 января 1884 года, „Свѣтъ“ имѣлъ невѣроятный и небывалый успѣхъ и сразу сталъ *самою распространенною газетою въ Россіи.*

Цѣна на „Свѣтъ“

Съ пересылкою и доставкою: За годъ . . . . . 4 р.
» » » полгода . . . . . 2 »
» » » четверть года . . . . 1 »

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ 1884 году, такъ-же какъ и въ нынѣшнемъ, будетъ выходить

Приложеніе романовъ.

къ газетѣ

„СВѢТЪ“

Двѣнадцать романовъ въ годъ, по одному роману каждый мѣсяцъ, лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей. Романы иллюстрированы.

Цѣна на романы съ пересылкою и доставкою:

На годъ (12 романовъ) . . . . . 4 руб.
» полгода (6 романовъ) . . . . 2 »
» четверть года (3 романа) . . . 1 »

Безъ газеты подписка на романы не принимается.

Письма и подписныя деньги адресовать: С.-Петербургъ, редакція газеты „Свѣтъ“, Гороховая, № 46.

Редакторъ-Издатель *В. В. Комаровъ.*

VI годъ. **„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“** годъ VI.

большой еженедѣльный иллюстрированный журналъ

СЪ РОСКОШНЫМИ ПРЕМІЯМИ и РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Выходитъ въ 1884 году по прежней программѣ, въ количествѣ 52 №№ въ годъ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ гравюръ.

Въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ »Иллюстрированнаго Міра« заключаетъ въ себѣ историческіе и бытовые романы, повѣсти, разсказы, сцены, стихотворенія, историческіе и біографическіе очерки, попу-

лярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, всемірный курьеръ (обозрѣніе общественной жизни всего свѣта), литературное обозрѣніе, книжныя новости, политическое обозрѣніе, русское (внутреннее) обозрѣніе, новости наукъ, искусствъ и проч., калейдоскопъ, юмористическій отдѣлъ шахматы, задачи, игры, шарады, ребусы, тиражи, почтовый ящикъ и проч. Нѣкоторыя беллетристическія произведенія помѣщаются съ богатыми иллюстраціями. Дополненіемъ беллетристическаго отдѣла будутъ служить:

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ,

въ которыхъ въ теченіи года будутъ помѣщены наиболѣе выдающіяся произведенія всѣхъ корифеевъ иностранной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ „Иллюстрированнаго Міра“ даетъ снимки съ картинъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портреты, виды замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, картины животнаго и растительнаго царства, картины современной политической и общественной жизни, сцены изъ жизни, иллюстраціи къ романамъ, сцены изъ оперъ, балета, драматическихъ произведеній, карикатуры, модные рисунки, ребусы и проч. По примѣру прошлыхъ лѣтъ при журналѣ будутъ разсылаться РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ, представляющія снимки съ произведеній извѣстнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

При журналѣ „Иллюстрированный Міръ“ ежемѣсячно разсылаются безплатно »НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ«—полный рукодѣльно-модный журналъ съ выкройками въ натуральную величину.

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики получаютъ главную большую премію—прекрасную олеографію съ картины знаменитаго художника профессора *Г. И. Семирадскаго*:

„ХРИСТОСЪ и ГРѢШНИЦА“

Подписная цѣна „Иллюстр. Міра“ на годъ со всѣми преміями и приложеніями:

безъ доставки въ Спб. **6 р.**, безъ достав. въ Москвѣ **6 р. 50 к.** Съ дост. Спб. **7 р.** для иногородныхъ **8 р.** Загр. **10 р.**

Для служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи журнала* „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“, по Невскому проспекту д. № 76 (уголъ Литейнаго пр.). *Въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы*, при Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля, Петровка, домъ Солодовникова.

„Волжскій Вѣстникъ,“

Газета общественная, литературная и политическая, выходитъ въ г. Казани (2-й годъ изданія).

Въ наступающемъ году изданіе будетъ значительно расширено; такъ, «*Волжскій Вѣстникъ*» въ 1884 году будетъ выходить вмѣсто одного—три раза въ недѣлю.

Направленіе, составъ редакціи и подписная плата остаются прежнія.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго *Волжско-Камскаго края* и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Годовые подписчики получаютъ безплатную премію—литературный сборникъ, объемомъ не менѣе 15 печат. листовъ (240 страницъ). Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ мѣстнаго края.

Подписная цѣна, съ пересылкою и доставкою: на годъ—7 руб., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р. 50 коп.—Для годовыхъ подписчиковъ допускается слѣдующая разсрочка платежа: при подпискѣ—3 р., къ 1 Апрѣля и къ 1 Іюля—по 2 рубля.

Иногородніе адресуютъ исключительно: въ Казань, въ редакцію «*Волжскаго Вѣстника*».

Редакторъ-Издатель, профес. *Н. П. Загоскинъ.*

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОССІЯ“.

Журналъ «РОССІЯ» выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ: 1, 8, 15 и 22 числа, тетрадями въ два листа (16 стр.) большаго формата, предназначаемыми исключительно для текста, въ цвѣтной оберткѣ съ виньеткой. **При каждомъ номерѣ прилагается четыре оригинальные рисунка** въ краскахъ (автографіи), исполненные извѣстными нашими художниками. Въ числѣ ихъ мы можемъ назвать *К. Е., Н. Е., В. Е. Маковскихъ, М. О. Микѣшина, К. Л. Эллерта, В. А. Якоби*, и друг.

Количество всѣхъ рисунковъ въ теченіи года простирается до двухъ сотъ. Отвѣчая идеѣ журнала «РОССІЯ», они представляютъ собою иллюстрацію къ исторіи, этнографіи, произведеніямъ народной русской поэзіи, какъ древней, такъ и позднѣйшей русской литературы, словомъ,—всевозможныхъ сторонъ внѣшней и внутренней русской жизни, въ силу чего они могутъ составить собою рядъ разнообразныхъ художественныхъ альбомовъ.

ПРОГРАММА литературнаго отдѣла вмѣщаетъ въ себѣ: романы, повѣсти, разсказы, очерки,—историческіе, бытовые, изъ уголовной хроники,—драматическія

произведенія, стихотворенія; отдѣлъ наукъ, искусствъ и художествъ; театръ и музыка; отдѣлъ русскихъ охотъ; внутреннія и внѣшнія дѣла; смѣсь. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Графъ *А. Е. Саліасъ*, *Н. С. Лѣсковъ* (*Стебницкій*), *Д. Л. Мордовцевъ*, *Н. Г. Вучетичъ*, *А. В. Круловъ*, *Д. А. Линевъ*, *С. Н. Филипповъ*, *П. П. Тимофеевъ*, *Н. С. Стружкинъ*, *П. А. Оленинъ*, *В. В. Чуйко*, *В. Е. Ермиловъ*, *Н. Кульжинскій*, *М. М. Ивановъ*, *В. С. Баскинъ*, *П. А. Вербицкій* и другіе.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ, въ 1-й половинѣ 1884 года,

ХУДОЖЕСТВЕННУЮ РОСКОШНУЮ ПРЕМІЮ—

БОЛЬШУЮ КАРТИНУ, исполненную по акварельному оригиналу одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ.

Редакція вполнѣ увѣрена, что премія эта, по своимъ достоинствамъ, будетъ такова, какой дѣйствительно еще ни одинъ журналъ не предлагалъ своимъ подписчикамъ.

Съ 1-го января 1884 года на страницахъ журнала «РОССІЯ» начнется печатаніемъ новый историческій романъ—

„АТАМАНЪ УСТЯ“,

извѣстнаго и талантливаго нашего писателя А. Е. Саліаса, автора романовъ: «Пугачевцы», «Принцесса Владимірская». «Петербургское дѣйство» и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, со всѣми приложеніями и преміей, безъ доставки въ Москвѣ 7 р., съ доставкою и пересылкою 8 р.: на полгода безъ достагки 4 р., съ доставкой и пдресылкои 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Москвѣ, Газетный переулокъ, близъ Пстровки, въ д Фульца; Въ Петербургѣ, въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», Мелье и К° и Вольфа

Редакторъ-Издатель *О. М. Уманецъ*.

„КІЕВЛЯНИНЪ“,

ежедневная общественная, политическая и литературная газета,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1884 г. ПОДЪ ПРЕЖНЕЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Годичные подписчики получатъ безплатно художественно-литературный альманахъ „Кіевлянка“ съ потретомъ покойной издательницы „Кіевлянина“.

Программа альманаха будетъ объявлена позже, пока-же редакція можетъ зая-

вить, что, кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Кіевлянина», въ этомъ изданіи примутъ участіе нѣкоторые извѣстные русскіе писатели и художники.

Адресъ редакціи «Кіевлянина»: Шулявская, д. наслѣдниковъ Шульгиныхъ, адресъ-же конторы: книжный магазинъ Гинтера и Малецкаго, Крещатикъ, № 5.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой и пересылкой: на годъ—**12** р., на 11 м.—**11** р. **20** к., на 10 м.—**10** р. **60** к., на 9 м.—**9** р. 40 к., на 8 м.—**8** р. **80** к., на 7 м.—**8** р., на 6 м.—**7** р,, на 5 м.—**6** р. **20** к., на 4 м.—**5** р. **40** к., на 3 м.—**4** р. **50** к., на 2 м.—**3** руб. на 1 м.—**1** руб. **50** к.; **безъ дост. и перес.:** на годъ—**10** руб., на 11 м.—**9** руб. **40** к., на 10 м.—**8** руб. **80** к., на 9 м.—**8** руб. **20** к., на 8 м.—**7** руб. **60** к., на 7 м.—**7** руб., на 6 м.—**6** руб, на 5 м.—**5** руб., на 4 м.—**4** руб., на 3 м.—**3** руб., на 2 м.—**2** руб., на 1 м.—**1** руб.

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТИРАТУРНАЯ,

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1884 году **ежедневно**. за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Редакція въ послѣдніе годы всегда стремится къ улучшенію своей газеты увеличеніемъ состава редакціи столичными литературными силами. Кромѣ сотрудничества извѣстнаго петербургскаго фельетониста **Буквы** (Василевскаго), украшающаго страницы нашей газеты уже пятый годъ, намъ удалось въ этомъ году пригласить въ постоянные сотрудники извѣстнаго петербургскаго публициста **Гр. Градовскаго**, который обѣщалъ пополнять отдѣлъ руководящихъ статей по внутреннимъ вопросамъ и по юридическому отдѣлу; кромѣ того, съ текущаго года редакція пріобрѣла въ Петербургѣ и Москвѣ трехъ корреспондентовъ, которые ежедневно доставляютъ редакціи различныя новости внутренней жизни, давая этимъ возможность «Нов. Тел.» сообщать своимъ читателямъ эти новости ранѣе полученія столичныхъ почтъ (иногда одновременно съ телеграфами) и на 1, 2 дня ранѣе другихъ мѣстныхъ одесскихъ газетъ. Въ скоромъ времени мы надѣемся пріобрѣсти въ Петербургѣ сотрудника и по беллетристической части.

Объ улучшеніи газеты въ издательскомъ отношеніи мы и не говоримъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи «Нов. Телеграфъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду провинціальныхъ газетъ. Ни одна провинціальная газета не отличается такимъ обиліемъ выпуска полуторныхъ нумеровъ, какъ «Нов. Тел.», доказывая этимъ и

богатство литературныхъ матеріаловъ, и обезпеченность матеріальныхъ средствъ изданія.

Подписка принимается **исключительно** въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставкою и пересыл.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »

	Безъ доставки и пересыл.	Съ доставк. и пересыл.
На 7 мѣсяцевъ	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 10 »	11 » — »	13 » — »
» 11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1884 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣся—или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ городахъ Южной Россіи: Азовѣ, Александріи, Александровскѣ, Алуштѣ, Ахтыркѣ, Асхабадѣ, Бахмутѣ, Бердичевѣ, Бахчисараѣ, Бердянскѣ, Богодуховѣ, Бѣлгородѣ, Бѣлополькѣ, Бирючѣ, Бобровѣ, Валкахъ, Верхнеднѣпровскѣ, Волчанскѣ, Воронежѣ, Гадячѣ, Грайворонѣ, Геническѣ, Глуховѣ, Грозномъ, Городнѣ, Дмитріевѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Житомірѣ, Зеньковѣ, Зміевѣ, Золотоношѣ, Золочевѣ, Изюмѣ, ст. Каменской, Кіевѣ, Кишиневѣ, Кобелякахъ, Козельцѣ, Конотопѣ, Константиноградѣ, Корочѣ, Кременчугѣ, Кролевцѣ, Купянскѣ, Курскѣ, Керчи, Кисловодскѣ, Лебединѣ, Лубнахъ, Луганскѣ, Майкопѣ, Миргородѣ, Мелитополѣ, Маріуполѣ, Могилевѣ на Днѣпрѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Новозыбковѣ, Новочеркасскѣ, Новомосковскѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Пахичевани-на-Дону, Новомъ-

Осколѣ, Обояни, Орлѣ, Одессѣ, Орѣховѣ, Полтавѣ, Павлоградѣ, Переяславѣ, Путивлѣ, Пирятинѣ, Прилукахъ, Пятигорскѣ, Ромнахъ, Ростовѣ-на-Дону, Сквирѣ, Славянскѣ, Славяносербскѣ, Ставропольѣ, Старобѣльскѣ, Старомъ-Осколѣ, Симферополѣ, Севастополѣ, Суджѣ, Сумахъ, Тамбовѣ, Тифлисѣ, Таращѣ, Таганрогѣ, Умани, ст. Урюпинской, ст. Усть-Медвѣдицкой, Херсонѣ, Хоролѣ, Черниговѣ, Черкасахъ, Эривани, Ялтѣ, Ѳеодосіи и во многихъ станицахъ, селахъ и слободахъ.

Кромѣ постоянныхъ извѣстій изъ Петербурга и Москвы, газета получаетъ корреспонденціи изъ большихъ центровъ Западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 к.
Съ пер. иног.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Харьковскаго Университета № 7.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

„ДОНСКАЯ ПЧЕЛА“

(годъ IX)

Какъ въ теченіи минувшихъ восьми лѣтъ, будетъ выходить два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ.

Цѣль газеты—служеніе интересамъ Пріазовскаго края: разработка вопросовъ касающихся экономической жизни этого края, своевременное обсужденіе всѣхъ явленій, имѣющихъ близкое соприкосновеніе съ мѣстной жизнью, оглашеніе болѣе или менѣе важныхъ событій, текущія явленія и мѣстныя новости.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		Съ пересылкою иногороднимъ.	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 3 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца.	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Письма и деньги адресуются исключительно въ контору редакціи «Донской Пчелы», въ Ростовъ на Дону.

Редакторъ-издатель *И. А. Теръ-Абраміанъ.*

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНИКЪ".

1884 г. 3-й годъ изданія.

Журналъ **«РОДНИКЪ»** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками, политипажами въ текстѣ, музыкальными приложеніями и смѣсью.

Въ 1884 г., какъ и въ прошедшіе два года, редакція приметъ за правило давать дѣтямъ для чтенія преимущественно **оригинальныя** произведенія изъ русской жизни и природы. Въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ будутъ даваться: народныя сказки и легенды; всѣ-же другія выдающіяся произведенія иностранной дѣтской литературы будутъ печататься въ видѣ пересказовъ. Редакція постарается и въ этомъ году дать своимъ читателямъ рядъ популярныхъ научныхъ очерковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное, въ родѣ, наприм. напечатанныхъ въ 1883 г. въ «Родникѣ» очерковъ **профес. М. Н. Богданова**, подъ названіемъ **«Мірскіе захребетники»**, гдѣ описанъ бытъ животныхъ, селящихся около человѣка и, по народному выраженію, живущихъ у него *за хребтомъ*, т. е. на его счетъ. Въ 1884 г., редакція надѣется дать новый рядъ подобныхъ-же очерковъ М. Н. Богданова изъ другой области животнаго міра и очерки **профессора Дм. Кайгородова** изъ жизни растеній. Сверхъ того, въ «Родникѣ» появится продолженіе этнографическихъ разсказовъ **Л. Х. Симоновой** изъ быта народовъ, населяющихъ Россію. Выборъ статей приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ. Внѣшность изданія, по мѣрѣ возможности, будетъ постепенно улучшаться.

ПРИЛОЖЕНІЕ къ «РОДНИКУ»: педагогическій сборникъ **«Воспитаніе и Обученіе»** выходитъ книжками 3 раза въ годъ.

Въ немъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ.

Условія подписки на 1884 годъ:

На годъ съ приложеніемъ, съ дост. и пер. **6 р.** — На годъ безъ приложенія, съ дост. и пер. **5 р.** — На ½ года безъ приложенія **3 р.** — за границу на годъ съ приложеніемъ. **8 р.**

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала* **«Родникъ»**, *Никольская площ., д. № 4*, и въ **отдѣленіяхъ конторы**: въ *С.-Петербургѣ* — книжный магазинъ Н. Фену и К°. Въ *Москвѣ* — «Сотрудникъ школъ» А. К. Залѣсской, Воздвиженка, д. Армандъ. Въ *Харьковѣ* — книжный складъ при «Публичной библіотекѣ» А. П. Гусева и К°, Московская, 7. Въ *Томскѣ* — «Сибирскій книжный магазинъ» Михайлова и Макушина.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

„НОВОСТИ ДНЯ“,

ежедневная политическая, общественная, литературная, иллюстрированная газета.

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агенствъ. III. Корреспонденціи изъ Петербурга и внутреннихъ городовъ Россіи. IV. Политическія новости и оригинальныя корреспонденціи изъ главныхъ городовъ западной Европы. V. Городскія дѣла, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, городской думы и сословныхъ учрежденій. VI. Дневникъ городскихъ происшествій. VII. Подмосковныя вѣсти. VIII. Театральныя и музыкальныя рецензіи и извѣстія. IX. Судебная хроника: а) отчеты окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціонныхъ департаментовъ сената; б) коммерческихъ судовъ, и в) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, причемъ болѣе интересныя дѣла будутъ излагаться *стенографически*. X. Литературный отдѣлъ: романы, повѣсти, разсказы, сцены, касающіяся злобы дня, стихотворенія, анекдоты и т. п. XI. Смѣсь: разныя извѣстія. XII. Объявленія и рекламы.

Газета «**Новости Дня**» на страницахъ своихъ даетъ своимъ читателямъ рядъ портретовъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, писателей, артистовъ, адвокатовъ и вообще лицъ, составляющихъ интересъ дня.

Мы задались не одною только мыслью давать матеріалъ для читателей столичныхъ, быстро схватывая на лету злобу и интересъ насущнаго столичнаго дня; мы не забыли и иногородныхъ читателей нашихъ, которые въ отдѣлѣ беллетристики найдутъ для себя всегда интересное чтеніе въ минуты досуга и однообразной провинціальной жизни.

Удовлетворяя всѣмъ этимъ потребностямъ общества, мы не забывали также и того, что летучій листокъ газеты предназначается не для одной только розничной продажи, что онъ призванъ быть настольнымъ изданіемъ въ семейныхъ домахъ, и всегда тщательно избѣгали всего того, что могло-бы возмутить чувство нравственнаго приличія въ нашихъ читательницахъ, ни разу не пожертвовавъ строгимъ чувствомъ приличія, ни во имя интереса сообщаемаго событія, ни во имя бойкости разсказа характернаго вымысла.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки въ Москвѣ. . .	7 р.	4 р. — к.	2 р. — к.	— р. 90 к.
Съ доставкой въ Москвѣ . . .	8 »	5 » — »	3 » — »	1 » — »
Съ пересылкой иногороднымъ. .	9 »	5 » 20 »	3 » 50 »	1 » — »

Объявленія принимаются по 20 к. за строку петита на первой страницѣ и по 10 к. на послѣдней.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, на Петровкѣ, въ д. Левенсона. Иногородные адресуютъ: въ Москву, въ редакцію газеты **«Новости Дня»**.

Редакторъ-издатель *А. Я. Липскеровъ.*

„ВАЗА".

дамскій, иллюстрированный, литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

Существуетъ 53 года. Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ: **24 двойныхъ номера журнала**, т. е. **24 литературныхъ и 24 рукодѣльно-модныхъ** (рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ. **24 модныя раскрашенныя гравюры.** (Исполняются и печатаются въ Парижѣ). **12 вырѣзныхъ выкроекъ**—въ натуральную величину. **12** листовъ **литографированныхъ выкроекъ** (до 1000 формъ). **12** листовъ **узоровъ:** вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ. **6** раскрашенныхъ **узоровъ**, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Каждый подписчикъ 1884 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно: **I. ГИПЮРНАЯ САЛФЕТКА** на передниванный столъ. **II. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА** пріозерный пейзажъ. Громадная (около 300 квадратн. верш.). Отпечатана въ 22 краски. Въ продажѣ 4 руб. **III. АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ ДЛЯ ВЫШИВОКЪ.** Полнѣйшее изданіе, около 300 узоровъ на 24 листахъ. Въ продажѣ 2 руб. **IV. «ХОЗЯЙКА».** Новая настольная книга въ 2-хъ частяхъ. Въ продажѣ 1 р. 50 к. **V. ШАРФЪ ТЮЛЕВЫЙ** съ накладной вышивкой по концамъ. **VI. КОРЗИНКА ДЛЯ КОЛЕЦЪ** изъ papier-mâché.

Раздача и разсылка премій оканчивается въ теченіи перваго полугодія.

Адресъ редакціи *С.-Петербургъ, Ивановская, № 12.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ пересылки.	съ пересылкой.	
На годъ безъ премій . .	6 р. — к.	7 р.	Съ преміями на 5 р. дороже, на укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 коп.
На ½ года безъ премій.	3 р. 40 к.	4 р.	

„ЛУЧЪ".

Подписчики получатъ за ШЕСТЬ руб. съ доставкою и пересылкою:

Пятьдесятъ два еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ номера, **двѣнадцать приложеній (премій)** ежемѣсячныхъ книгъ романовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, отъ 15—20 печатныхъ листовъ каждая книга, и

6 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ НА 1884 ГОДЪ:

1) **Большую олеографическую картину.**

2) }
3) } **Два акварельныхъ пейзажа.**

4) **Томъ** (форматъ въ полулистъ) **живописной Россіи:** сто двадцать видовъ городовъ и замѣчательныхъ русскихъ мѣстностей, съ подробнымъ описаніемъ и

статистическими цифрами. **Изданіе это, по объему, изяществу и цѣнности, составитъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе**.. Всякому пріятно имѣть живописное описаніе своей родины, тѣмъ болѣе, что это первая попытка подобнаго рода альбома-иллюстраціи.

5 и 6) **Первый** и **второй** томъ сочиненій С. С. Окрейца, въ которыхъ будутъ помѣщены: романъ «Послѣдніе язычники», три части, и повѣсть «Изъ міра умершаго и погребеннаго». Кромѣ того памфлетъ С. С. Окр—ца «Что намъ нужно?» содержащій отвѣты на важнѣйшіе вопросы по благоустройству и хозяйству русской земли.

За годовое изданіе журнала «ЛУЧЪ» съ преміями, съ доставкою и пересылкою, **ШЕСТЬ** руб. и за укупорку и перес. премій 70 к. Безъ премій (одни 52 иллюстрированныхъ номера), съ доставкою и перес., **ТРИ** руб.

Дешевле и полнѣе нѣтъ ни одной газеты въ Россіи.

Гг. чиновникамъ и библіотекамъ, выписывающимъ не менѣе 10-ти экземпляровъ, одинадцатый будетъ высылаться *даромъ*. Книги (безъ журнала) можно выписывать отдѣльно, приплачивая 3 р. 50 к. за экземпляръ. Разсрочка чрезъ казначеевъ допускается.

Подписку слѣдуетъ адресовать: въ С.-Петербургъ, Николаевская улица, д. № 41, въ контору редакціи.

Редакторъ *С. С. Окрейцъ*.

Открыта подписка на 1884 г. на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи:

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2 до 4 печатныхъ листовъ въ №; въ годъ до 142 л. большаго формата) и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.)

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ»,—вступающій нынѣ въ *десятый годъ существованія*,—въ оффиціальной своей части, составляющей оффиціальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неоффиціальной же части, какъ издаваемый при с.-петербургской духовной академіи, дастъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на православномъ востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестанствѣ).

При журналѣ «ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ», составляющемъ прибавленіе къ «Церковному Вѣстнику» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того **ТОЛКОВАНІЯ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ** (въ 1884 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія*

на книгу Псалмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1884 г. выйдетъ *особою книжкою* пятый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи *за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»* — **семь руб.** *съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»* — **пять руб.**, *за «Христіанское Чтеніе» съ «Толкованіями»* — **пять руб.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: *за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.*

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», въ С.-Петербургѣ» *Подписывающіеся въ Петербургѣ* подписываются въ отдѣленіи конторы редакціи (близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пор., д. № 5, кв. 2), гдѣ получаются также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к.— за 1 разъ) и для разсылки при «Церк. Вѣстн.» (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжн. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжн. маг. Ферапонтова.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“,

большая ежедневная политическая, литературная и коммерческая газета

Въ 1884 г. въ обновленномъ видѣ и разширенной программой вступитъ въ четвертый годъ своего существованія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: Съ доставкою на домъ въ городѣ на годъ **9 р.**, полгода **5 р.**, трй мѣсяца **3 р**, одинъ мѣсяцъ **1 р. Съ пересылкою по почтѣ иногороднымъ** на годъ **10 р.**, полгода **6 р.**, три мѣсяца **3 р. 50 к.**, одинъ мйсяцъ **1 р. 25 к.**

Съ 1-го января 1884 года при „Одесскомъ Листкѣ“ будетъ выходить еженедѣльный политическо-литературн., художественно-юмористическій журналъ съ каррикатурами

„ПЧЕЛКА“

Въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ съ 4-мя страницами каррикатуръ (въ нѣсколько красокъ) и съ 8 страницами текста, въ которомъ, кромѣ фельетоновъ сатирическихъ, обличительныхъ статей, беллетристическихъ и художественно-лигературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ, будутъ помѣщаться статьи по внутреннимъ вопросамъ и иностранной политикѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: для городскихъ подписчиковъ съ доставлою на домъ **6** р., полгода **4** р., для подписчикоъ «Одесскаго Листка» на годъ **5** р., полгоъа **3** р. **50** к. **Для иногородныхъ подписчиковъ** съ пересылкою въ банде-.

роляхъ: на годъ **7** р., полгода **4** р. **50** к., для подписчиковъ «Одесскаго Листка» на годъ **6** р., полгода **4** р.

Требованія и деньги адресовать на имя **В. В. Навроцкаго**, въ контору редакціи „Пчелки": въ Одессѣ, Ришельевская улица, домъ Баржанскаго.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1884 ГОДУ.

Съ истеченіемъ текущаго 1883 года оканчивается 10-ти лѣтній періодъ изданія нашей газеты. Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, мы будемъ стремиться къ достиженію той-же цѣли, которую имѣли и въ истекшемъ десятилѣтіи.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача **«Церковно-Общественнаго Вѣстника»**: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны вашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 10-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при **«Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ»** въ 1884 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія *«Календарь для духовенства»*, въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія указанія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на **«Церковно-Общественный Вѣстникъ»**: на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп., на три мѣсяца 2 руб. 50 коп., на мѣсяцъ 1 руб. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: **въ редакцію «Церковно-Общественнаго Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.** Редакторъ-издатель *А. П. Поповицкій.*

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1884 г. (двѣнадцатый годъ изданія).

Въ предстоящемъ году **«Орловскій Вѣстникъ»** будетъ выходить ежедневно одинаковыми нумерами въ листъ, кромѣ послѣпраздничныхъ дней, въ которые газета будетъ издаваться полулистомъ. Въ виду такого громаднаго увеличенія объема газеты, болѣе чѣмъ вдвое, форматъ нумеровъ ея будетъ нѣсколько уменьшенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ, съ доставкой на домъ и пересылкой въ другіе города, *7 РУБЛЕЙ.*

Подписка принимается: въ г. Орлѣ, Публичной Библіотекѣ **«Орловскій Вѣстникъ»**, болховская, д. Зальменъ, и въ редакціи—зиновьевская улица. д. Чудинова. Редакторъ-издатель *А. Чудиновъ.*

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

1884 г. (Изданія г. 22-й).

Съ доставкою въ Саратовѣ:		Съ пересылкою въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» полгода	4 » — »	» полгода	4 » 50 »
» 3 мѣсяца. . . .	3 » — »	» 3 мѣсяца	3 » — »
» 1 мѣсяцъ. . . .	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 20 »

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, Саратовъ, Скобелевская ул., домъ Онезорге.

Редакторъ *П. Лебедевъ.* Издатель *М. Поповъ.*

„СТРАННИКЪ“

на 1884 годъ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ «Странникъ» съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ **10-ти** до **12-ти** и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи.* 2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи.* 3) Церковныя *слова, поученія* и другія правоучительныя произведенія. 4) *Разсказы, повѣсти, характеристики, очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства. 5) *Бытовые очерки* и характеристики

изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа. 6) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*. 7) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта. 8) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей. 9) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 10) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*. 11 Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій. 12) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала. 13) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы. 14) *Книжная лѣтопись*: ежемѣсячный указатель вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 15) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ, и проч.; корреспонденціи; объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе 1884 года остается прежняя: *съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ* **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ;** съ пересылкою за границу **восемъ рублей.** Адресоваться: **въ редакцію журнала «Странникъ», въ С.-Петербургѣ** (Невскій просп., д. № 167).

Редакторы-издатели: *А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.*

„ИСКУССТВО“

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

1884 Г. (2-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Въ трудахъ редакціи по прежнему будутъ принимать участіе: П. В. Бергъ (проф.), П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, А. П. Бородинъ (проф.), А. Н. Веселовскій (проф.), Эд. Гонкуръ (изъ Парижа), Эдуардъ Елинекъ (изъ Праги, редакторъ „Slovansky Sbornik“), В. П. Кашировъ, Ц. А. Кюи, В. П. Карповъ, Эрлихъ (изъ Вѣны, критикъ „Tribune“). „Новый Москвичъ“ (псевд.), „Nix“ (псевд.), А. Н. Островскій, М. И. Писаревъ (арт. Моск. театра). Ридель (изъ Лейпцига), В. И. Родиславскій, В. Д. Спасовичъ, П. В. Самаринъ (арт. имп. Москов. театра), Ф. Сарсэ, (изъ Парижа), А. Г. Сахаровъ, „Театралъ“ (псевд.), П. А. Трифоновъ, А. П. Трефолевъ, Филиппи (изъ Милана худ. критикъ „Perseveranza“), В. А. Чечотъ, П. П. Штеллеръ (авторъ „Ошибокъ Молодости“) и др.

Журналъ «ИСКУССТВО» будетъ издаваться по той-же программѣ. Съ 1 января 1884 года журналъ „ИСКУССТВО“, измѣнивъ свой форматъ, выходитъ въ болѣе компактномъ видѣ, въ форматѣ извѣстнаго французскаго журнала *«Revue politique et litteraire»*, *заключая въ каждомъ нумерѣ отъ 24 до 32 стра-*

ницъ, съ приложеніемъ фототипическихъ портретовъ, сдѣланныхъ въ Мюнхенѣ по образцу портрета С. В. Шумскаго, разосланнаго при 43 № „ИСКУССТВА“.

Съ 1-го нумера будущаго года помѣщаются повѣсти, очерки, разсказы (имѣющіе содержаніемъ своимъ жизнь или дѣятельность артистовъ и художниковъ) и драматическія произведенія: классическія—въ переводѣ и выдающіяся по литературнымъ достоинствамъ русскихъ современныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Съ доставкою		Для иногородныхъ	
Годъ	9 р. 50 к.	Годъ	10 р.
Полгода.	5 „ 75 „	Полгода	6 „
3 мѣсяца	3 „ 50 „	3 мѣсяца.	4 „

Главная контора: С. Петербургъ, Ивановская, д. 14, кв. 9. Гг. Иногородные благоволятъ обращаться съ подпискою преимущественно въ Главную контору. Разсрочка чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Гриднинъ.*

„РЕБУСЪ“

ГОДЪ IV. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Программа журнала подобная всѣмъ еженедѣльнымъ изданіямъ, съ прибавленіемъ отдѣловъ, которыхъ читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій: 1) Обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: *МЕДІУМИЗМЪ* (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе, и проч. Статьи по этимъ вопросамъ помѣщаются какъ оригинальныя, такъ и переводныя изъ всѣхъ иностранныхъ спеціальныхъ журналовъ. 2) Статьи по Графологіи (опредѣленіе характера по почерку). 3) Статьи по Гомеопатіи. *Отдѣлъ ребусовъ:* въ теченіи года въ немъ будетъ помѣщено 24 ребуса; изъ нихъ 12 премировонныхъ, за рѣшеніе которыхъ *ВСѢ* получаютъ преміи въ видѣ книгъ, картинъ, нотъ, портретовъ и проч. *Беллетристическій отдѣлъ:* романы, повѣсти, разсказы какъ оригинальные, такъ и переводные. Между ними «Темное дѣло» —романъ принадлежащій перу одного изъ извѣстныхъ лицъ въ русской литературѣ.

Изъявили согласіе на сотрудничество въ журналѣ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Родда-Бай), В. В. Марковъ, Викторъ Острогорскій, Т. П. Пассекъ, графъ А. С. Соллогубъ и другіе.

ЦѢНА на годъ 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. съ дост., а безъ доставки 3 р. 20 к. Допускаются разсрочки: при подпискѣ 2 р., 1-го апрѣля 1 р. и 1-го іюля 1 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книж. маг. Вольфа, Мелье, Мартынова, «Новаго Времени», Бортневскаго и др. *ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ* въ редакціи (Англійскій просп., № 29). Въ Москвѣ въ кн. маг. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Редакторъ-издатель *В. Прибытковъ.*

„ЭХО"

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА,

самая дешевая изъ всѣхъ большихъ газетъ.

1884 Г. (4-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Достаточно выразившійся въ послѣдніе мѣсяцы, при новомъ издателѣ и составѣ редакціи, *успѣхъ* газеты позволяетъ не только удержать прежнюю подписную цѣну, но и значительно расширить программу.

Направленіе газеты «*Эхо*» опредѣляемъ коротко: добросовѣстное и трезвое отношеніе къ явленіямъ русской жизни. Въ эпоху крайняго осложненія и путаницы въ ходѣ внутренней и внѣшней общественной жизни страны, пришлось намъ выступить на арену печатнаго слова. Повсюду слышатся жалобы на отсутствіе идеаловъ въ обществѣ, повсюду общество ищетъ пути, по которому оно можетъ идти твердою стопою къ намѣченнвй имъ цѣли. Въ этихъ поискахъ общество доходитъ до крайностей, то обращаясь на западъ, то думая видѣть спасеніе только за китайской стѣной. Мы думаемъ, что истина и правда—вездѣ одна, поэтому наука и нравственность не можетъ имѣть національности. Въ силу этого мы будемъ проводить въ русское общество данныя науки и нравственныя начала, не боращая вниманія на то, откуда придется ихъ брать: съ запада или изъ русской жизни. Мы прежде всего должны выработать себѣ опредѣленную мѣрку для уясненія, къ чему мы, русскіе, должны стремиться, чтобы оправдать свое назначеніе, какъ извѣстной группы человѣчества. Поэтому мы будемъ брать хорошее и у запада, если оно дѣйствительно хорошо, и отвращаться отъ дурнаго у себя на родинѣ, если оно дѣйствительно дурно. Но въ тоже время мы сознаемъ, что нельзя обществу навязывать того, къ чему оно внутренне не приготовлено: необходимо вызывать само общество къ развитію тѣхъ или другихъ, таящихся въ немъ, нравственныхъ началъ. Поэтому мы ставимъ своею цѣлью способствованіе свободному и широкому проявленію обществомъ его внутреннихъ силъ, причемъ, конечно, считаемъ необходимымъ способствовать проявленію хорошихъ только стремленій, устраняя развитіе дурныхъ,—внесеніемъ въ сознаніе и нравы общества возможно больше знанія и нравственныхъ началъ. Исходя изъ такой задачи, мы думаемъ сдѣлать изъ своего органа какъ проводникъ знанія и нравственныхъ принциповъ въ общество, такъ и орудіе ознакомленія общества съ самимъ собою. Съ этою цѣлью мы разширили программу нашего изданія до размѣровъ большой газеты.

Съ 1-го января будутъ помѣщены: большой оригинальный романъ послѣднихъ дней **„Чиновное болото"**, **„Прологъ къ роману"** *М. Н. Альбова*. Повѣсть **„Въ полутьмѣ"** и др., уже находящіяся въ распоряженіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

(Съ доставкою и пересылкою).

Въ Россіи:		За границею:	
На годъ	10 р.	На годъ	16 р. —
„ полгода	6 „	„ полгода	9 „ — „
„ три мѣсяца	8 „	„ три мѣсяца	5 „ — „
„ одинъ мѣсяцъ	1 „	„ одинъ мѣсяцъ	2 „ 50 „

Подписка принимается на всѣ вышеупомянутые сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, и не далѣе, какъ до конца года, съ доставкою по городской почтѣ въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ (на углу Большой Садовой и Болѣшой Итальянской ул., д. № 5—10, кв. № 3) и въ отдѣленіи главной конторы (на углу Большой Садовой и Мучнаго пер., д. № 27, въ Русской Скоропечатнѣ“ К. Н. Купа).

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ въ С.-Петербургѣ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; не служащіе-же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ *Петербургѣ*—въ главную контору „ЭХО“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(пятьдесятъ восьмой годъ изданія)

газета политическая, экономическая и литературная,

будетъ выходить листами большого формата по той-же программѣ и съ тѣми-же оттдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Въ увѣренности, что газета наша, редактируемая почти десять лѣтъ одною и тою-же редакціею, достаточно выяснила свое направленіе и то, что не смотря на всѣ обстоятельства и условія, она остается и останется вѣрною разъ принятому пути,—мы считаемъ умѣстнымъ ограничиться здѣсь нѣсколькими детальными указаніями.

Читателямъ извѣстно, что въ прошломъ году, съ надлежащаго разрѣшенія, мы открыли отдѣлъ „юридической хроники“, дающій право разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. За это время у насъ были помѣщены разборы такого рода и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Наши отношенія къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей, настолько выяснились, что, полагаемъ, мы не ошибемся, если не станемъ о нихъ распространяться.

Относительно расширенія земскаго, внутренняго и областнаго отдѣловъ думаемъ, что исполнили обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Послѣдовавшее значительное расширеніе южной и мѣстной хроники, какъ выраженія жизни края и города, замѣчено читателями, о чемъ неоднократно было заявлено.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

До настоящаго времени мы давали читателямъ и будемъ продолжать давать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки и доставки:		съ пересылкой или доставкой:	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ) . .	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца.	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца.	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ.	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ.	1 „ 50 „

На пересылку за границу прибавляется 50 коп. въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно, съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка.

Подписка принимается въ *Одессѣ*, въ конторѣ „Одесскаго Вѣстника“, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Редакторъ-издатель *П. А. Зеленый*

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1884 г. 9-й годъ изданія.

I) Статьи и изслѣдованія по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II) Общія политическія извѣстія и политическія телеграммы. III) Хроника, или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV) Сообщенія о театральныхъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V) Фельетонъ; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI) Справочныя свѣдѣнія по части торговой, промышленной и желѣзно-дорожной, театральный репертуаръ, почтовыя и календарныя свѣдѣнія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣдѣнія, а также частныя объявленія. VII) Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію **ПЯТЬ РУБЛЕЙ** съ доставкой и пересылкой.

Для оренбургскихъ подписчиковъ допускается разсрочка по взносѣ подписныхъ денегъ.

Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать въ ОРЕНБУРГЪ, въ редакцію гатеты **«Оренбургскій Листокъ»**, Перовская улица, домъ № 33, близъ театра, при типо-литографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго-Мировицкаго.

Редакторъ-издатель *Ив. Евфимовскій-Мировицкій.*

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Медицинская Библіотека“.

1884 г. (выходитъ въ объемѣ отъ 20 до 30 лист.).

Въ составъ журнала входятъ: 1) Русскія оригинальныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины; 2) избранныя сочиненія изъ иностранной медицинской литературы; 3) рефераты, обзоры, критическіе очерки и пр.

Годовая цѣна съ перес. **17** р., безъ перес. **15** р. Студенты пользуются уступкой.

Въ журналѣ за прошлые года (1881, 1882, 1883) были помѣщены изъ наиболѣе капитальныхъ вещей слѣдующія: 1) **А. Багинскій.** Дѣтскія болѣзни (40 лист.); **Бони.** *Физіологія* (60 лист.); **Генохъ.** Дѣтскія болѣзни (44 листа); **Зелюгмюлеръ.** Нервныя болѣзни (23 листа); **Мальгень.** *Оперативная хирургія* (20 лист.); **Нимейеръ.** Частная патологія и терапія (103 листа); **Рибо.** Болѣзни памяти (10 лист.); **Россбахъ.** Основы физическихъ методовъ леченія (32 листа); **Фритшъ.** Женскія болѣзни (28 лист.); **Шеффъ.** Зубныя болѣзни (17½ лист.); **Эйхгорстъ.** Діагностика (45 лист.); **Эйхгорстъ.** Частная патологія и терапія (40 лист.); **Эриксенъ.** Хирургія (70 лист.); **Ришэ.** Хирургическая анатомія (25 листовъ).

Всѣ сочиненія, помѣщенныя въ «Медицинск. Библіот.», могутъ быть переплетены отдѣльно.

Въ будущемъ году предполагается помѣстить Анатомію **Гиртля** съ рисунками атласа **Гейцманна**, затѣмъ переводы наиболѣе выдающихся руководствъ изъ извѣстной коллекціи **Вредена** (**Гебра**, **Генсмеръ**, **Барделебенъ** и пр.), психіатрію **Мейнерта**, къ переводу которой будетъ приступлено немедленно по появленіи этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Редакція имѣетъ въ виду пополнить существующій пробѣлъ въ русской переводной литературѣ по гигіенѣ, фармакологіи и судебной медицинѣ.

Отдѣлъ «хроники и новостей» даетъ возможность врачамъ, не выписывающимъ др. медиц. газетъ, слѣдить за вопросами дня.

Редакторъ ординарн. профес. *И. М. Сорокинъ.*
Издатель *Н. Л. Вилькинъ.*

„ДРУГЪ ЖЕНЩИНЪ"

ТРЕТІЙ ГОДЪ

«Другъ женщинъ» — будетъ выходить ежемѣсячно отъ 9 до 12 печ. лист.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Романы, повѣсти и разсказы — оригинальные и переводные; біографіи и характеристики женщинъ замѣчательныхъ въ исторіи; свѣдѣнія о дѣятельности современныхъ женщинъ въ области литературы, наукъ и искусствъ; статьи научнаго содержанія — по педагогіи, медицинѣ, статистикѣ женскаго труда и пр.; критика, библіографія и рецензіи книгъ и статей, касающихся женскаго вопроса и сочиненій о женщинахъ; статьи юридическія — по гражданскому праву, женщины по русскому и иностранному законодательствамъ и выдающіеся уголовные процессы, въ которыхъ потерпѣвшими и подсудимыми являются женщины; отчеты о женскихъ обществахъ, объ учительскихъ и другихъ съѣздахъ; правительственныя распоряженія; статистическія и другія свѣдѣнія по высшему, среднему и начальному женскому образованію въ Россіи; разныя извѣстія, относящіяся къ образованію и дѣятельности женщинъ въ Россіи и за границей.

Въ 1884 году будутъ участвовать въ журналѣ **«Другъ женщинъ»**: гг. *Ковалевская* (женщина-математикъ и доцентъ стокгольмскаго университета), *В. І. Дмитріева, Шабанова* (женщина-врачъ), *В. Ф. Левицкій* и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ за годъ 6 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 7 р.; за полгода въ Москвѣ 3 р. 50 к. и съ пересылкой въ другіе города 4 р.

Подписка принимается: въ **Москвѣ**, въ конторѣ редакціи, Волхонка, домъ Воейковой, подъѣздъ съ Лѣнивки, и въ отдѣленіи редакціи у г-жи Печковской, на Петровкѣ, въ Петровскихъ линіяхъ; въ **С.-Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ, противъ гостиннаго двора.

„ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Вступая въ шестой годъ своего существованія съ будущаго 1884 года, газета „*ВОЛЫНЬ*“ будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю, по слѣдующей программѣ:

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ Конторѣ редакціи, б. Бердичевская ул., д. Лашкевича.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Для городскихъ подписчиковъ, безъ доставки и пересылки	3 р. 30 коп.	1 р. 80 коп.	1 р.
Съ доставкою на домъ	3 р. 50 коп.	1 р. 90 коп.	1 р. 10 коп.
Для иногородочыхъ съ пересылкою.	4 р.	1 р. 20 коп.	1 р. 20 коп.

Иногородные подписчики на перемѣну адреса прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

продолжаетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался досель, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи* **СЕМЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.**

При журналѣ: „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія,“ съ прилатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ*, за оба изданія вмѣстѣ, *десять* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ,“

Журналъ выходитъ восемнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ въ хорошемъ переводѣ романы иностранныхъ писателей.

Въ 1884 г.ду редакція обратитъ особое вниманіе, чтобы давать публикѣ, по преимуществу, романы историческаго и политическаго содержанія. Въ первыхъ книгахъ будетъ помѣщенъ большой романъ *Сэуа Д. Рэтклифа* —«Возстаніе въ Индіи», гдѣ авторъ разоблачаетъ политику Англіи со всѣми ея ужасами и коварствомъ и проводитъ читателя по всѣмъ колоніямъ Британскаго государства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки.	Съ доставкою на домъ.	Съ перс. во всѣ г. Россіи.
На 12 мѣс.	8 р.—к.	8 р. 50 к.	9 р.
На 6 „	4 „ 25 „	4 „ 50 „	5 „

Допускается разсрочка по полугодіямъ и по третямъ, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 руб., а во второмъ—3 руб.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ *Конторѣ редакціи*, Знаменская, 22, кв. 16, и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно: въ *Контору редакціи журнала «Переводы Отдѣльныхъ Романовъ»*.

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СВѢТЪ и ТѢНИ.

НАГРАЖДЕНЪ ПОЧЕТНЫМЪ ОТЗЫВОМЪ ГГ. ЭКСПЕРТОВЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ВЫСТАВКИ

1884 г. Седьмой годъ изданія.

Журналъ **«Свѣтъ и Тѣни»**—журналъ преимущественно художественный—издается нераздѣльно съ безцензурнымъ журналомъ **«Мірской Толкъ»**, обладающимъ полной программой журнала политическаго и литературнаго. Оба журнала выходятъ въ количествѣ **100 №№** въ годъ, еженедѣльно, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій, заключая въ себѣ болѣе **800** страницъ самаго разнообразнаго текста и **200** большихъ страницъ иллюминованныхъ красками карикатуръ, изъ коихъ 100 будутъ взяты изъ русской жизни, 100—на половину заимствованы изъ лучшихъ заграничныхъ карикатурныхъ журналовъ, на половину—политическаго характера. Съ первыхъ-же нумеровъ журнала **«Свѣтъ и Тѣни»** начнется печатаніе иллюстрированнаго бытоваго романа **«Бѣлая невольница»** *И. К.*

Кондратьева, затѣмъ историческая повѣсть *И. Погорѣлина* **«Колоколъ императрицы Анны»**. Для журнала **«Мірской Толкъ»** редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи также большой оригинальный романъ г. ***, въ высшей степени интересныя **популярно-научныя статьи** одного изъ нашихъ ученыхъ, рядъ психологическихъ очерковъ *Н. А. Путяты*, подъ названіемъ **«Къ сумасшедшему дому»** и нѣсколько разсказовъ *И. Харламова*.

ВМѢСТѢ СЪ ЭТИМЪ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ СЛѢДУЮЩІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

Двѣнадцать книгъ подъ рюбрикой: «Избранные романы Библіотеки Мірскаго Толка». Каждая книга будетъ содержать отъ 10-ти до 15-ти листовъ текста; оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и стихотвореній. Въ «**Библіотекѣ Мірскаго Толка**» редакція постарается помѣщать все лучшее, что появится за границей, и притомъ немедленно по появленіи, для чего редакція входитъ въ соглашеніе съ лучшими иностранными беллетристами.

Не менѣе **двадцати пяти** рисунковъ, съ отдѣльной обложкой, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя общественныя событія у насъ и за границей въ теченіи 1884 года.

Двѣнадцать картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель, преимущественно русскихъ извѣстныхъ художниковъ, и отпечатанныхъ на бумагѣ «торшонъ» и «демиторшонъ». Этотъ новый способъ воспроизведенія картинъ почти неизвѣстенъ въ Россіи и отличается замѣчательной мягкостью и свѣжестью красокъ.

Кромѣ **ста №№** журналовъ и перечисленныхъ выше художественныхъ приложеній, всѣ гг. подписчики на 1884 годъ получатъ еще

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ.

1. ПЯТЬДЕСЯТЪ ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

Эти картины будутъ точными снимками съ имѣющаго библіографическую рѣдкость роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 руб. Въ упомянутомъ изданіи заключается 150 гравюръ: мы ихъ дадимъ послѣдовательно всѣ, и каждая серія въ 50 гравюръ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 20 руб.

2. БОЛЬШАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА.

„Святое Семейство“, съ картины Корренса.

Большая, роскошная олеографическая картина, исполненная въ тридцать красокъ на лучшей заграничной картинной фабрикѣ. Надъ этой копіей работали въ продолженіе трехъ лѣтъ четверо лучшихъ художниковъ и выполненіе ея на камнѣ обошлось фабрикѣ 75,000 франковъ.

Форматъ этой картины (1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины) равняется формату данныхъ редакціей въ преміи картинъ «Подкинутый Моисей» и «Найденный Моисей», но много превосходитъ ихъ по изяществу.

Цѣна на годъ съ пересылкой №№ и премій 13 руб. на полгода 5 руб.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и проч. библіотеки пользуются правомъ полученія на каждый годовой экземпляръ журналовъ по два экземпляра премированной картины.—Разсрочка допускается только при высылкѣ денегъ прямо въ редакцію, съ уплатой 7 р. при подпискѣ и 6 р.—не позже 15-го іюня. Разсрочка болѣе дробная—или за поручительствомъ гг. казначеевъ, или по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*—въ редакціи и центральномъ управленіи журналовъ (Бригадирская, соб. домъ), въ главной конторѣ журналовъ (Большая Лубянка, д. кн. Голицына, при фотографіи журн. «Свѣтъ и Тѣни») и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ *Петербургѣ*—въ отдѣленіи конторы журнала «Свѣтъ и Тѣни» при книжномъ магазинѣ Фену и другихъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

„БУДИЛЬНИКЪ“.

1884 г. (ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Съ 8 декабря 1883 года изданіе и редакція «Будильника» перешли въ другія руки.

Въ теченіи года 50 нумеровъ, 300 большихъ каррикатуръ и рисунковъ напечатанныхъ семью красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ½ года.
Въ Москвѣ безъ доставки.	7 р.	4 р. — к.
Съ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	8 „	— „ — „
„ съ доставкою	8 „	4 „ 50 „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	9 „	— „ — „
„ пересылкой въ другіе города имперіи	9 „	5 „ — „
„ „Альбомомъ каррикатуръ“ . . .	10 „	7 „ — „

Пересылка за границу по особому тарифу.

Подписка на иные сроки, кромѣ вышеуказанныхъ, не принимается. Разсрочка подписной суммы требуетъ предварительнаго соглашенія съ главною конторою «Будильника». Годовые подписчики, когда бы ни подписались, получаютъ всѣ нумера журнала, начиная съ перваго, равно какъ безплатную премію. Полугодовые подписчики никакой преміи не получаютъ.

Премія „БУДИЛЬНИКА“ на 1884 г.

Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Бомарше, переводъ съ французскаго, артиста москов. императ. театровъ **М. П. Садовскаго.**

„СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“

Рукопись печатается въ форматѣ «Будильника», съ десятью художественно выполненными рисунками болѣе выдающихся сценъ безсмертной комедіи—сатиры.

Въ виду двадцатилѣтія существованія **«БУДИЛЬНИКА»**, въ 1884 году изданъ будетъ «Альбомъ каррикатуръ для смѣха и забавы», въ который войдутъ лучшія каррикатуры, также шутки и юмористическіе стишки, помѣщавшіеся въ «БУДИЛЬНИКѢ» съ 1863 по 1883 гг. Годовые подписчики, желающіе также получить «Альбомъ каррикатуръ», доплачиваютъ къ подписной суммѣ ОДИНЪ руб.:

Срокъ выхода безплатной преміи для годовыхъ подписчиковъ—Иллюстр. комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ» — 1 іюли, а «Альбомъ каррикатуръ» — 1 іюня 1884 г.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «БУДИЛЬНИКЪ». Москва, Б. Дмитровка, д. Шаблыкина и въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Важное примѣчаніе. Гг. иногородные подписчики, желающіе получать «БУДИЛЬНИКЪ» своевременно, приглашаются адресовать свои требованія прямо въ главную контору редакціи и при томъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

За редактора издательница *Е. Арнольдъ*.

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

1884 г. (годъ третій).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, *безъ предварительной цензуры*. Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій (Буква), Вологдинъ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Завиѣцкій, проф. А. П. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. О. П. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. П. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 р.	Съ достав. въ С.-Петербургѣ	7 р. 50 к.
Съ перес въ друг. мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи	8 р.
Съ пересылкою за границу. .	16 р.	Съ пересылкою за границу.	9 р.

Книгопродавцамъ 50 коп. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки.	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою	6 р.	5 р.	3 р.
Съ пересылкою за границу. . . .	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ Главную Контору «*Наблюдателя*». Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Подписка на текущій годъ продолжается. Подписавшіеся получаютъ всѣ книги журнала, начиная съ 1-го №.

Редакторъ-издатель *А. П. Пятковскій.*

„СИБИРСКАЯ ГАЗЕТА“

на 1884 года.

Газета будетъ выходить въ 1884 г., какъ и прежде, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ $1^1/_2$—2 листовъ. **Подписная цѣна:** для иногородныхъ за годъ—**7** р., полгода—**4** р. Важнѣйшее мѣсто въ газетѣ будетъ отведено корреспонденціямъ и извѣстіямъ изъ всѣхъ концовъ Сибири—изъ городовъ, деревень и захолустій; цѣль этихъ извѣстій знать нужды и потребности мѣстнаго населенія и бороться съ злоупотребленіями, гнетомъ и неправдой, отъ кого бы они ни исходили. По важнѣйшимъ вопросамъ, какія видвинетъ мѣстная жизнь, будутъ помѣщаться руководящія статьи. Обзоръ различныхъ выдающихся проявленій этой жизни найдетъ мѣсто въ фельетонѣ. Въ русскомъ и иностранномъ обозрѣніяхъ читатель найдетъ всѣ выдающіяся событія въ русской и иностранной жизни; цѣль этихъ обозрѣній, по возможности, удовлетворить значительную часть нашихъ читателей, не имѣющихъ средствъ выписывать какую либо изъ ежедневныхъ столичныхъ газетъ. Дѣйствія правительства, касающіяся Сибири, будутъ печататься обязательно.—Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, будутъ печататься отдѣльныя статьи по этнографіи, исторіи, статистикѣ Сибири, а также очерки, разсказы и проч. Всѣхъ лицъ, сочувствующихъ нашимъ цѣлямъ, просимъ помочь намъ трудами и совѣтами; для всѣхъ такихъ лицъ страницы „Сибирской Газеты“ широко открыты.

Подписку и корреспонденціи адресовать: въ Томскъ, въ ред. «Сибирской Газеты».

„СИБИРЬ“

1884 ГОДЪ.

Газета будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить по воскресеньямъ еженедѣльно.

Условія подписки, съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи и за границу:

На годъ	7 р.	
„ полгода	4 „	
„ 3 мѣсяца	2 „	10 к.
„ 2 —	1 „	15 „
„ 1 —	„ „	75 „

Подписка принимается: въ Иркутскѣ—въ редакціи газеты «Сибирь», въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи «Восточное Обозрѣніе», Поварской пер. д.5,кв. 17.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича (С.-Петербургъ Васильев. Островъ, 2 лин. № 7) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 38—4 и Москва Кузнецкій мостъ домъ Третьяковыхъ, а также въ газетномъ агенствѣ Шавердова въ гор. Тифлисѣ продаются слѣдующія изданія кубанскаго областнаго статистическаго комитета:

„ВРЕДНЫЯ НАСѢКОМЫЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ“,

изслѣдованіе проф. К. Э. Линдемана. Цѣна 1 р. с. безъ пересылки.

КУБАНСКАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

и

КУБАНСКІЙ СБОРНИКЪ

съ картою кубанской области, изданныя подъ редакціею Е. Д. Фелицына.

Цѣна за обѣ книги 3 руб. сереб. безъ бересылки.

За пересылку плата особая по разстоянію за 4 фунта.

КАРТА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

въ 20-ти верстномъ масштабѣ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1882 года составлена Е. Д. Фелицынымъ, цѣна 75 коп. серебр.

Отъ редакціи.

Журналъ **«Кіевская Старина»** выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Не смотря на всѣ принимаемыя редакціею мѣры относительно своевременной и исправной разсылки книжекъ журнала, въ теченіи двухъ лѣтъ бывали не рѣдкіе случаи неполученія нѣкоторыми изъ подписчиковъ той или иной, а иногда и нѣсколькихъ книжекъ; но происходило это, какъ удостовѣрилъ опытъ, кромѣ случаевъ неисправности почталіоновъ, большею частію отъ *неточнаго* и *неполнаго* обозначенія подписчиками адреса и неизвѣщенія, или-же несвоевременнаго извѣщенія о перемѣнѣ онаго, при чемъ самыя заявленія о неполученіи книгъ присылаемы были спустя даже полгода и годъ.

Редакція не находитъ возможнымъ на будущее время удовлетворять всѣ безъ изъятія жалобы подписчиковъ, высылая,какъ дѣлалось доселѣ, иногда по 5 и 8 книгъ, въ замѣнъ утраченныхъ не по ея винѣ, и отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Диптера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаемъ тщательныя рецензіи. О присылкѣ таковыхъ просимъ въ особенности галицко-русскихъ братій нашихъ, такъ какъ ихъ изданія неизвѣстны здѣсь.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под., которыхъ получается вообще очень много, просимъ, кому есть возможность, предварительно свѣрять съ существующими Сборниками, отмѣчать разности, если это будетъ только варіантъ, и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи, а въ самомъ записываніи держаться малорусскаго правописанія нашего изданія и не писать безъ твердаго знака. Тѣхъ, которыхъ сообщеніями въ этомъ родѣ мы не могли доселѣ воспользоваться, просимъ объяснять это преимущественно невозможностію для редакціи дѣлать массу справокъ и сличеній, примѣчаній и объясненій и утомительной установки правописанія, которое не рѣзало-бы глаза и слуха.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**